
Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2023. Том 17. № 1

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, В. Я. Гельман,
И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада)
Малинова Ольга Юрьевна, д. филос. н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
Морозова Елена Васильевна, д. филос. н., профессор, Кубанский государственный университет
Мацузато Кимитака, профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)
Росс Камерон, профессор, Университет Данди (Великобритания)
Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания)
Сморгунов Леонид Владимирович, д. филос. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Фадеева Любовь Александровна, д. и. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Филиппов Михаил Георгиевич, профессор, Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне (США)

Выпускающий редактор П. В. Панов

© Редакционная коллегия, 2023

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы, технологии

<i>Зуйкина К. Л.</i> Структурные характеристики политических сообществ в социальной сети «ВКонтакте»: коммуникативный аспект	5
<i>Grachev G. A.</i> Analysis of Party Systems by Measures of Concentration of Inequality and Asymmetry of the Pareto Curve	20
<i>Седашов Е. А., Крикунов К. А.</i> Конфликт интересов, политическая эффективность и электоральная поддержка: опыт экспериментального дизайна	30
<i>Мухаметов Р. С.</i> Детерминанты законодательной эффективности российских депутатов: эмпирический анализ	39
<i>Булипопова Е. В.</i> Политическая мифология США в рамках юнгианской модели коллективной души	49
<i>Плотников Д. С.</i> Языковая политика в Украине как фактор российско-украинских отношений	60

Международные отношения

<i>Коцур Г. В.</i> Геополитический поворот Европейского союза: концептуальная революция или продолжение традиции?	70
<i>Чжан Юйянь</i> Организация тюркских государств: происхождение, мотивы, особенности и влияние	78

Обзоры и аналитика

<i>Попова О. В., Гришин Н. В.</i> Политическое доверие российской молодежи: самооценка и мнение экспертов	88
<i>Каминченко Д. И.</i> Комплексный анализ содержания имиджа регионального реководителя (по материалам официального сайта Правительства Нижегородской области)	101
<i>Головин М. С.</i> Специфика конструирования праворадикальной повестки в современной Великобритании	114

Рецензии

<i>Суманев И. А.</i> Поколенческие ценности и рост популизма (Рецензия на книгу: Pippa Norris, Ronald Inglehart. Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge University Press. 2019)	123
<i>Фролова Ю. Н.</i> В поисках примирительного нарратива (Рецензия на книгу: Nikolas Buckley. Out of Prison. ETA Life Stories Become History. Center for Basque Studies Press, University of Nevada. 2021)	128
К сведению авторов	133

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system "Russian Science Citation Index" (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at Saint Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Higher School of Economics, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Kuban State University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg State University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

Filippov Mikhail (State University of New York at Binghamton, USA)

CONTENT

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Zuykina K. L.</i> Structural characteristics of political groups within the “VK” social network: communicative aspect	5
<i>Grachev G. A.</i> Analysis of party systems by measures of concentration of inequality and asymmetry of the Pareto curve	20
<i>Sedashov E. A., Krikunov K. A.</i> Conflict of interest, policy effectiveness, and electoral support: evidence from a survey experiment	30
<i>Mukhametov R. S.</i> Determinants of legislative effectiveness of russian deputies: empirical analysis	39
<i>Bulipopova E. V.</i> US political mythology within jungian model of the collective soul	49
<i>Plotnikov D. S.</i> Language policy in Ukraine as a factor of Russian-Ukrainian relations	60

International Relations

<i>Kotsur G. V.</i> Geopolitical turn of the European Union: the conceptual revolution or continuation of the tradition?	70
<i>Zhang Yuyan</i> Organization of Turkic states: origin, motives, particularities and influence	78

Reviews and Analysis

<i>Popova O. V., Grishin N. V.</i> Russian youth’s political trust: self-assessment and expert opinion	88
<i>Kaminchenko D. I.</i> Comprehensive analysis of a regional leader’s image (based on the official website materials of the government of the Nizhny Novgorod region)	101
<i>Golovin M. S.</i> Specificity of constructing a radical right agenda in contemporary United Kingdom	114

Book Reviews

<i>Sumaneev I. A.</i> Generational values and the rise of populism (Review on Pippa Norris, Ronald Inglehart. Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge University Press. 2019)	123
<i>Frolov Yu. N.</i> In search of conciliatory narrative (Review on Nikolas Buckley. Out of Prison. ETA Life Stories Become History. Center for Basque Studies Press, University of Nevada. 2021)	128
Information for the authors	136

Политические институты, процессы, технологии

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-5-19

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

К. Л. Зуйкина

Зуйкина Кристина Львовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры социологии массовых коммуникаций, факультет журналистики, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
E-mail: chris-zu@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-2199-197X).

Аннотация

Представлены результаты исследования структурных особенностей политических сообществ разных типов (неофициальные и официальные) в социальной сети «ВКонтакте». Для сбора данных из политических сообществ, в связи с отсутствием в свободном доступе подходящих инструментов, автором был подготовлен скрипт, позволяющий осуществлять парсинг данных из социальной сети «ВКонтакте» по количеству друзей в сообществе у каждого участника (социальный капитал участников сообщества), а также получить данные по комментариям, оставленным участниками в пабликах. Проведенное исследование позволило охарактеризовать некоторые структурные особенности политических сообществ разных типов и выявить несколько характерных черт. Так, несмотря на изначально разное позиционирование двух типов сообществ, политические сообщества разных типов имеют схожую социальную и коммуникативную структуру, что обусловлено их тематикой и целями. Вместе с тем в неофициальных сообществах отмечается более неравномерное распределение участников: в группах присутствует несколько лидеров, образующих свои кластеры внутри паблика, а также значительно выше число участников, имеющих 1–2 друга в группе или не имеющих друзей вообще («наблюдатели»). При этом официальные паблики обладают высокой плотностью и достаточно высоким коэффициентом кластеризации, что позволяет предположить, что в нужный момент политической активности офлайн данные паблики могут использоваться для организации людей онлайн.

Ключевые слова: структура онлайн-сообществ; стратификация; политическая коммуникация; социальные медиа; анализ социальных сетей.

С появлением социальных сетей в начале 2000-х гг. исследователи американского аналитического центра «Пью Рисерч» (*Pew Research Center*) заявили о появлении в Сети новой концепции – «сетового индивидуализма»¹, в основе которой лежат горизонтальные отношения, на чем основывается равенство участников сетевого пространства. Исследователи утверждали, что Интернет служит не только прекрасным инструментом накопления социального капитала, объединения людей для решения каких-либо проблем, обмена советами и принятия решений. Предполагалось, что развитие Интернета позволит сгладить разницу в социальном положении людей офлайн, позволив выстроить в Сети свободные равные отношения без иерархии.

Однако с развитием интернет-технологий, которые трансформировали все сферы жизни общества, стало ясно, что примеры сетевых сообществ, основанных на концепции горизонтальных отношений или «сетового индивидуализма», найти практически невозможно. На наш взгляд, этому способствует несколько факторов. Во-первых, сегодня все процессы, проходящие в социальных сетях, помимо человеческого фактора подчинены алгоритмам сетей. Ученый-изобретатель, футуролог Д. Ланье описывает это явление с помощью механизма «BUMMER» (*Behaviors of Users Modified, and Made into an Empire for Rent* – поведение пользователей изменено и сдано в аренду империи), который позволяет соцсетям собирать информацию о людях и использовать ее в дальнейшем для моди-

© Зуйкина К. Л., 2023

¹ The Strength of Internet Ties //Pew Research Center, 25.01.2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewinternet.org/2006/01/25/the-strength-of-internet-ties/> (дата обращения: 08.05.2020).

фикации их поведения в Сети (Lanier, 2018). Во-вторых, данные, которые пользователи сами выкладывают в Сеть (возраст, интересы, образование, гендер и другие), уже являются «единицами измерения на лестнице социальной стратификации» (Ловинк, 2019: 55). Так, с одной стороны все пользователи соцсетей имеют равные возможности для получения необходимой информации, а с другой – только той информации, которая обусловлена пользовательскими интересами и алгоритмами Сети, основанными на машинном обучении.

Таким образом, признаки стратификации стали прослеживаться уже на уровне социальных сетей в целом и характерны для сетевых сообществ, в частности. Как отмечает Ю. Рыков, «виртуальные элиты и структурные неравенства в онлайн-сообществах возникают в различных формах, среди которых, например, существование института модераторов и рейтинги популярности в зависимости от технических особенностей платформы и других факторов» (Рыков, 2015: 145). Особенно это касается политизированных онлайн-сообществ, которые подчинены определенной цели: создание имиджа политических лидеров, формирование платформы для организации протестных акций, сбора денежных средств, создание открытой площадки для дискуссии. А значит, каждое политическое сообщество следует определенной стратегии, которая позволяет ему развиваться, привлекать больше подписчиков. Можно предположить, что для достижения поставленной цели политические онлайн-сообщества будут иметь заметную стратифицированную структуру с несколькими онлайн-лидерами, которые будут распространять определенный контент, организовывать и направлять дискуссии в сообществах, расширять круг «друзей» сообщества.

Теоретические рамки исследования

Изучение проблем социальной стратификации имеет достаточно длинную историю. М. Вебер, Э. Гидденс, П. Сорокин, К. Маркс, Г. Зиммель, Дж. Морено – далеко не полный список ученых, внесших вклад в изучение этих вопросов. Исследования стратификации в виртуальной среде находятся на стадии развития, и каждое последующее выделяет новые аспекты изучения онлайн-пространства. Так, если в начале 2000-х гг. исследователи говорили о «цифровой стратификации», понимая под этим термином наличие у индивида навыков работы с интернет-пространством и устройств для доступа в Сеть в целом (Коротков, 2003), то современные исследования сконцентрированы на изучении виртуальных сообществ на конкретных площадках, выявлении оснований для социального ранжирования пользователей, сравнении структур групп онлайн и офлайн.

В этом контексте теоретические рамки исследования были сформированы несколькими группами работ, охватывающих разные подходы из областей коммуникативистики, социологии и политологии, для изучения обозначенной проблематики. Прежде всего, опираясь на кластер работ, касающийся изучения структур сообществ и проблемы неравенства в социальных сетях (Колодин, 2014; Мейлахс, Рыков, 2015; Больц, 2014; Fuchs et al., 2014; Kruike-meier et al., 2018; Muller, Peres, 2018), мы изначально рассматривали интернет-сообщество как пространство с иерархической структурой, где есть разделенное на акторов-лидеров и участников на периферии.

Политический сегмент Интернета рассматривается в данном исследовании с точки зрения концепций цифрового политического участия (Theocharis, Van Deth, 2018), а также с позиции концепции слактивизма, что в относительно «спокойные» периоды политической жизни проявляется для большинства участников онлайн-коммуникации «в механическом проставлении «лайков», подписи онлайн-петиций и др.» (Пырма, 2020).

Для описания структур сообществ мы опирались на существующие подходы по классификации сетевых сообществ. К примеру, в исследовании тематических сетей в Твиттере (Smith et al., 2014) выделяется шесть видов сетевых структур, разделенных по парам: поляризованная и консолидированная толпа, фрагментированные и кластерные группы, централизованные сети вещания и сети поддержки. В работе М. Диани дается характеристика сетям общественных движений и выделено четыре типа структур: «клика» – сеть, в которой все участники стремятся к взаимодействию; «звезда» – сеть, в которой участники на периферии связаны только с центром и не связаны между собой; «полицефальная сеть», которая состоит из нескольких кластеров, связанных между собой посредством своих лидеров; «дезинтегрированная структура» – достаточно фрагментированная, разрозненная сеть (Diani, 2003). Для характеристики полученных результатов мы будем в исследовании руководствоваться именно этой классификацией.

При анализе ключевых участников в коммуникации сообществ были рассмотрены работы, связанные с изучением онлайн-лидеров и участников онлайн-сообществ, находящихся в коммуникационном отношении на периферийных позициях (Лазуткина, 2016; Никипорец-Такигава, 2016; Christopoulos, 2016; Weeks et al., 2015; Winter, Neubaum, 2016). Кроме того, при выделении и описании кластеров в сообществах мы руководствовались теорией капиталов П. Бурдьё (Бурдьё, 2002), акцентируя внимание на социальный и коммуникативный (медийный) капитал (Фомичева, 2017). Отдельно можно выделить работы, которые рассматривают коммуникативный потенциал онлайн-сообществ в политической коммуникации (Гигаури, 2021 и др.).

Несмотря на заметный интерес исследователей к изучению социальных медиа в политической коммуникации, вопросы, касающиеся структур политических онлайн-групп разных типов, их стратификации и кластеризации, факторов, влияющих на коммуникативную активность сообществ, до сих пор остаются малоизученными. Поэтому целью данного исследования было определить структурные особенности сообществ разных типов (официальных/неофициальных) в политическом сегменте Интернета на основании распределения социального и медийного капиталов, анализа количественных показателей пользовательской активности и охарактеризовать коммуникационный потенциал онлайн-сообществ.

Для этого были сформулированы следующие гипотезы:

Г1. Показатели пользовательской активности будут меняться в зависимости от типа политического сообщества.

Г2. Социальная структура неофициальных сообществ будет более разрозненной, чем у официальных, что обусловлено более «развлекательным» характером пабликов, формированием подписчиков по принципу интереса к контенту, а не к «политике партии».

Г3. Вместе с тем официальные сообщества будут обладать более высоким уровнем коммуникационного потенциала благодаря меньшей «разрозненности» внутри групп и более формальной структуре, повторяющей структуру политических групп в реальности (наличие вертикальных связей).

Методика исследования

Для исследования с использованием направленной (целевой) выборки, которая позволяет описать наиболее характерные для исследования случаи, в феврале 2020 г. было отобрано восемь политических сообществ в социальной сети «ВКонтакте» с числом участников более 100 тыс. чел.¹, четверо из которых представляли собой неофициальные политические сообщества, т.е. не имеющие привязки к конкретной политической организации, а остальные – официальные паблики политических организаций (см. табл. 1). Полагаем, подобное деление сообществ на две группы позволяет делать предварительные выводы о потенциале использования их в политически активные периоды в дальнейшем и об эффективности применения пабликов с пользовательским контентом (неофициальные сообщества) для распространения информации, организации пользователей.

Выбор социальной сети «ВКонтакте» обусловлен ее популярностью в нашей стране. По данным исследовательской компании *Mediascope*, «ВКонтакте» занимает первое место по популярности в России среди других социальных сетей с ежемесячным охватом 38,1 млн чел.². Также выбор обусловлен активным использованием данной соцсети как проправительственными, так и оппозиционными группами в качестве инструмента политической коммуникации (Duvanova et al., 2015; Zakharchenko et al., 2019).

¹ Использовался инструмент <https://allsocial.ru/communities/>, позволяющий выделить все политические сообщества в социальной сети «ВКонтакте». При этом в выборку вошли все официальные политические сообщества, представленные в социальной сети, несмотря на то, что одно из них, «КПРФ», численностью менее 100 тыс. Данный выбор позволил в полной мере дать характеристику «официальному» политическому кластеру во «ВКонтакте».

² Курносова Е. Социальные сети в цифрах // *Mediascope*. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_Екатерина%20Курносова_РИФ+КИБ%202019.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

Сообщества в соцсети «ВКонтакте», отобранные для исследования

Тип сообщества	Название сообщества, год основания	Адрес	Число подписчиков (тыс.) ¹
Неофициальный	Политика сегодня Новости, 2013 ²	https://vk.com/club62675857	121 774
	Политика, 2014	https://vk.com/club71631912	229 164
	Мы против внешней политики США, 2014 ³	https://vk.com/public71888712	144 637
	Новости России, 2011	https://vk.com/club33066465	122 031
Официальный	Команда Навального, 2013 ⁴	https://vk.com/public55284725	195 925
	ЛДПР, 2011	https://vk.com/club433349	109 658
	Единая Россия, 2010	https://vk.com/public18483909	104 446
	КПРФ, 2011	https://vk.com/public26362316	72 426

Для сбора данных, в связи с отсутствием в свободном доступе подходящих инструментов, автором был подготовлен скрипт, позволяющий осуществлять парсинг данных из соцсети «ВКонтакте» по количеству друзей в сообществе у каждого участника (социальный капитал участников сообщества), а также получить данные по комментариям, оставленным участниками в пабликах. Комментарии были выбраны для анализа как основной индикатор коммуникативного капитала участников, поскольку в политических сообществах, на наш взгляд, в большей степени важен элемент вовлечения, агитации (комментарий), чем молчаливого согласия (лайк, репост). Как отмечал Э. Канетти, «толпы, привлеченные сплетнями, разрастаются и уплотняются, так что в итоге кажутся неостановимыми и непобедимыми» (Канетти, 1960). В случае с соцсетями комментарии, оставленные одними пользователями, привлекают других (принцип стигмергии, Parunak, 2005), что способствует более тесному уровню взаимоотношений, укреплению связей.

Оба параметра являются основанием для стратификации групп, позволяют охарактеризовать структуры онлайн-сообществ, определив наиболее влиятельных пользователей в группах и тех, кто пришел в сообщество в качестве наблюдателей/слактивистов («периферия»). Отметим, что сбор данных охватывал период с момента создания групп до непосредственного начала сбора информации (февраль–март 2020 г.), что позволило в полной мере оценить сформированные сообщества с разными кластерами. В целом период исследования с учетом сбора и анализа данных составил четыре месяца – с февраля по май 2020 г.

Также использовался готовый инструмент сбора метаданных и оценки вовлеченности пользователей сообществ (Smmur.ru), позволяющий охарактеризовать сообщества в целом по оценке подписчиков и их активности в группах. Разработчики не разглашают работу алгоритма ресурса, однако данный инструмент уже был апробирован в ходе предыдущих исследований (Зуйкина, Соколова, 2016). Так, данные, полученные с его помощью, были схожи с данными, полученными с помощью аналогичных программ.

¹ По состоянию на февраль 2020 г.

² По состоянию на ноябрь 2022 г. паблик называется «Сегодня Новости».

³ По состоянию на ноябрь 2022 г. паблик называется «WARS ☒ TOP | Новости | Россия - Донбасс - СВО».

⁴ По состоянию на ноябрь 2022 г. паблик заблокирован на территории РФ согласно требованию Генпрокуратуры РФ от 24.02.2022 № 27-31-2020/Ид2145-22.

Для дальнейшего анализа полученные данные были объединены в файлы в формате .csv, а затем визуализированы с помощью графиков. Для представления структуры пабликов (создания графов пабликов) использовалось программное обеспечение *Gephi*, которое часто применяется при проведении сетевого анализа (к примеру: Иванов, Мельников, Петров, 2022). Так, количественный анализ метрик оценки коммуникации в сообществах был дополнен метриками, полученными в ходе визуализации данных (коэффициент кластеризации, позволяющий оценить, насколько плотно связаны друг с другом участники сообществ, а также показатели центральности (в частности, центральность по посредничеству), позволяющие определить наиболее активных и влиятельных участников, а также их отношение к остальным участникам сообществ. Иллюстративный материал (графики и графы) представлен на примере отдельных пабликов из двух типов групп в связи с получением схожих результатов в пабликах, относящихся к тому или иному типу.

Результаты исследования

Характеристика сообществ. Уже при анализе количества пользователей сообществ и характеристик вовлеченности аудитории¹ можно заметить, что неофициальные сообщества обширнее по аудитории и отличаются более высоким уровнем коммуникации, чем официальные паблики. При примерно одинаковом количестве «ботов» число постов в день в неофициальных пабликах заметно выше, как и пользовательская активность (см. табл. 2). Данный факт объясняется отчасти спецификой неофициальных групп и их контентной политикой. Так, неофициальные группы не определяют себя как сторонники тех или иных политических сил, придерживаясь только провластной или оппозиционной стороны, публикуя разносторонний контент по тематике и содержанию материала. Учитывая, что контент в пабликах зачастую носит развлекательный характер, пользователи активно обсуждают прочитанное и вступают в дискуссию, при этом абстрагируясь от конкретной политической линии. Также можно предположить, что данный факт связан с вопросом самопрезентации пользователей в Сети – нежеланием или страхе открыто заявлять о принадлежности к той или иной политической силе, а также своих предпочтениях, которые пользователи считают личными (к примеру, религиозные убеждения, личная жизнь) (Thuraisingham et al., 2016).

Таблица 2

Характеристики политических групп «ВКонтакте»

Сообщество	Подписчики и постинг			Активность (сутки)			Активность на 1 пост		
	«Живых» подписчиков	Доля ботов, %	Среднее число постов в сутки	Лайки	Репосты	Комментарии	Лайки	Репосты	Комментарии
Политика сегодня Новости	110 646	9,1	25	4 694	264	947	187	11	38
Политика	200 751	12,4	15	6 545	373	2 615	634	33	250
Мы против внешней политики США / Новости	124 139	14,2	1	508	24	98	453	24	87
Новости России	102 488	16	8	84	10	46	35	4	11

¹ Использовался инструмент Smmup.ru.

Сообщество	Подписчики и постинг			Активность (сутки)			Активность на 1 пост		
	«Живых» подписчиков	Доля ботов, %	Среднее число постов в сутки	Лайки	Репосты	Комментарии	Лайки	Репосты	Комментарии
Команда Навального	177 173	10	4	1 782	137	224	525	40	66
ЛДПР	89 944	19	5	732	80	119	150	17	28
Единая Россия	92 632	12,4	3	528	147	57	119	33	13
КПРФ	62 936	14	5	2 237	335	617	409	61	113

Социальная структура сообществ. Положение пользователя в сообществе во многом определяется его социальными связями – чем больше у пользователя контактов внутри сообщества, тем выше степень его влияния и авторитетности внутри паблика. Кроме того, важен и психологический аспект: некоторые пользователи измеряют свой успех количеством друзей в социальных сетях, которые являются «удобным инструментом для достижения поставленных целей офлайн» (Ozimek et al., 2017). Полученные в ходе исследования данные позволяют подтвердить тенденцию¹, характерную для онлайн-сообществ в целом: лишь несколько участников имеют весомое количество друзей в группе, что обусловлено степенным законом в Сети, иллюстрирующим правило Парето (лишь 20% участников формируют 80% группы) (см. рис. 1). Кроме того, во многих случаях формирование группы происходит путем добавления основателем группы участников из числа своих друзей. Таким образом, возникает ситуация, когда в группе появляется большое число своих же друзей, которые ради поддержки вступают в сообщество, не участвуя при этом в активности сообщества (обсуждениях, голосовании, репостах, создании контента). В неофициальных сообществах отмечается более неравномерное распределение участников: в группах присутствует несколько лидеров, а также значительно выше число участников, имеющих одного-двух друзей в группе или не имеющих друзей вообще (т.е. скорее всего, вступили (подписались) в группу самостоятельно, без приглашения, по заинтересованности в тематике, контенте) (см. рис. 2).

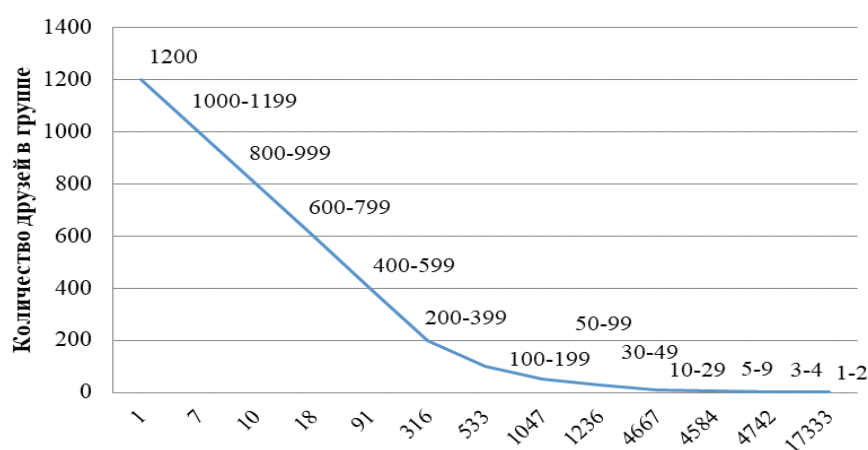

Рис. 1. График распределения «друзей» участников сообщества «Единая Россия»

¹ К примеру, работа Rastogi T. A Power Law Approach to Estimating Fake Social Network Accounts, 2016 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1605/1605.07984.pdf> (дата обращения: 23.05.2020).

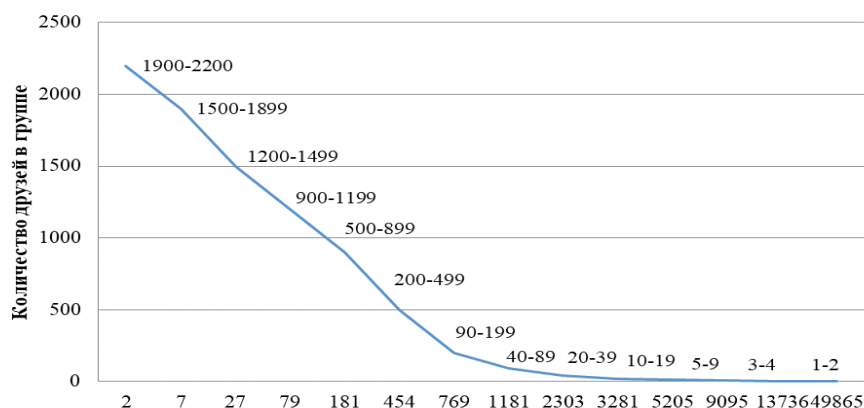

Рис. 2. График распределения «друзей» участников сообщества «Политика»

Таким образом, благодаря наличию нескольких лидеров у неофициальных сообществ по социальному капиталу, данный тип сообществ характеризуется наличием нескольких групп «друзей» внутри публика, нежели сообщества официальные, что становится очевидным на примерах графов сообществ обоих типов (см. рис. 3–4). Так, официальные сообщества обладают высокой плотностью и достаточно высоким коэффициентом кластеризации (0,5–0,6 у разных сообществ в отличие от неофициальных групп – 0,3–0,4), в частности, сообщество «КПРФ», представляющее собой практически публик друзей с минимальным количеством участников со стороны.

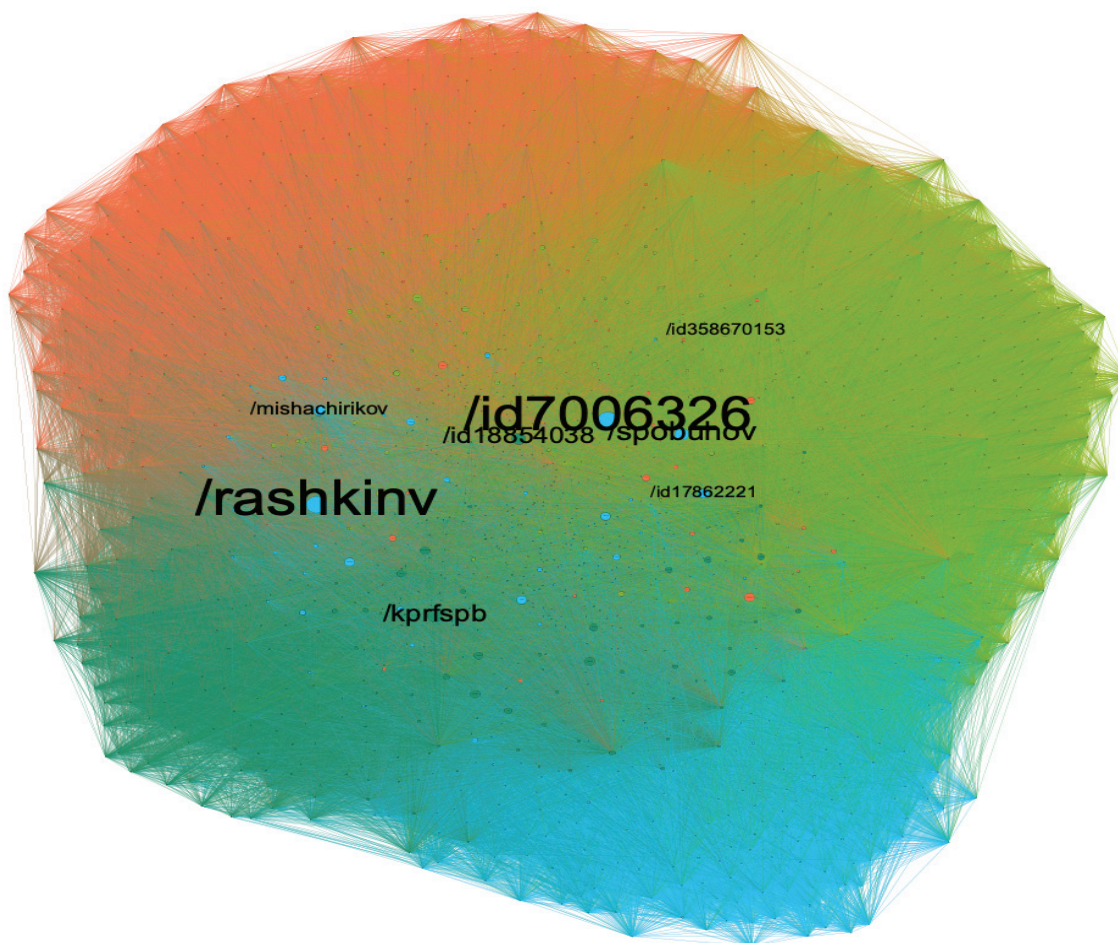

Рис. 3. Структура наиболее активной аудитории сообщества «КПРФ»

* Алгоритм укладки Force Atlas 2. Размер узла отражает количество друзей у участника в группе, выделенные ID-пользователей – ключевые участники в каждом их кластерах. Разными цветами представлены кластеры. Граф не учитывает изолированные узлы (участники без друзей в группе).

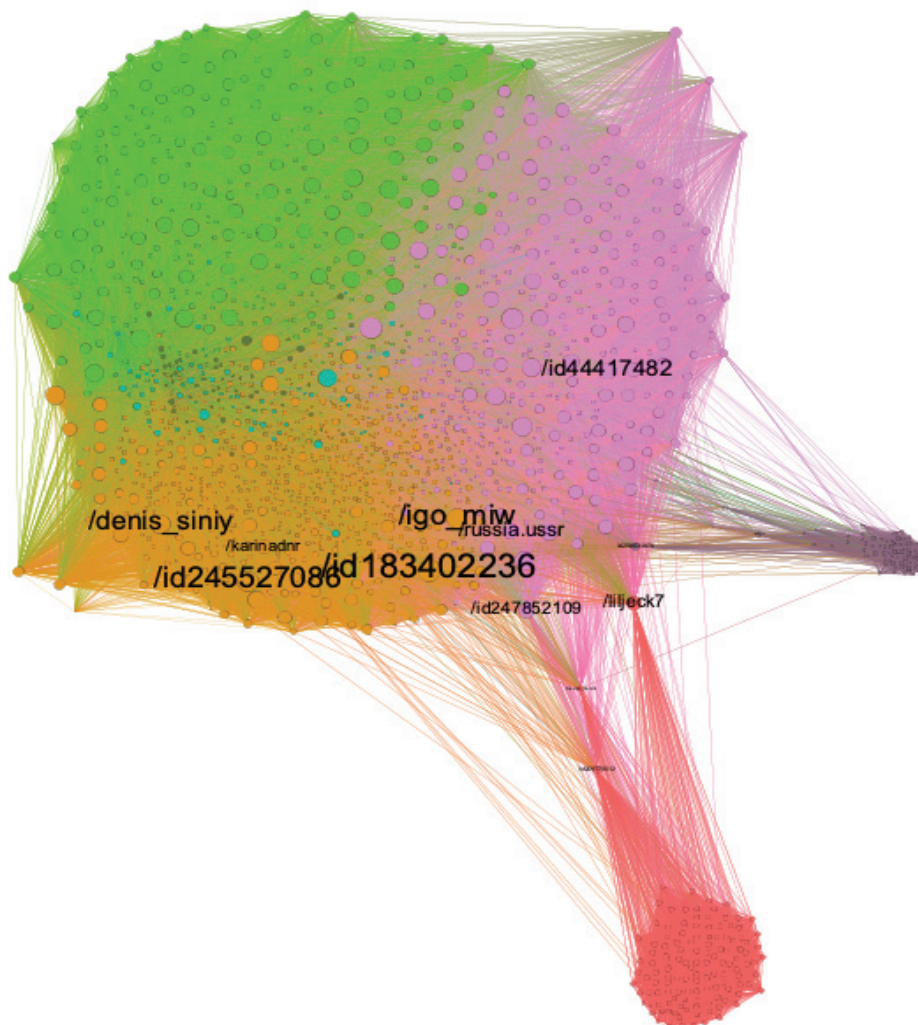

Рис. 4. Структура наиболее активной аудитории сообщества «Мы против внешней политики США»

Коммуникативная структура сообществ. Коммуникативная активность пользователей также позволяет выделить в пабликах группы участников, которые отвечают за генерацию контента, проведение дискуссий, а значит, за вовлечение участников в происходящее в сообществах. В данном случае также наблюдается действие степенного закона в пабликах обоих типов: лишь несколько человек в группе публикуют основную часть контента. Большинство участников групп являются наблюдателями. Вместе с тем в неофициальных сообществах число коммуникативных лидеров, опубликовавших более 1 тыс. комментариев в сообществе, заметно выше, чем в официальных пабликах. К примеру, в сообществе «Политика сегодня» было условно определено несколько подобных коммуникативных групп: с числом комментариев в группе более 4 тыс., с 2 до 4 тыс., с 1 до 2 тыс. (см. рис. 5). Другие условно выделенные коммуникативные группы участников с разным количеством комментариев в неофициальных сообществах также отличаются от подобных групп сообществ официальных, что говорит о более высокой степени вовлеченности пользователей в происходящее в неофициальных сообществах и меньшей привлекательности официальных сообществ для пользователей (см. рис. 6).

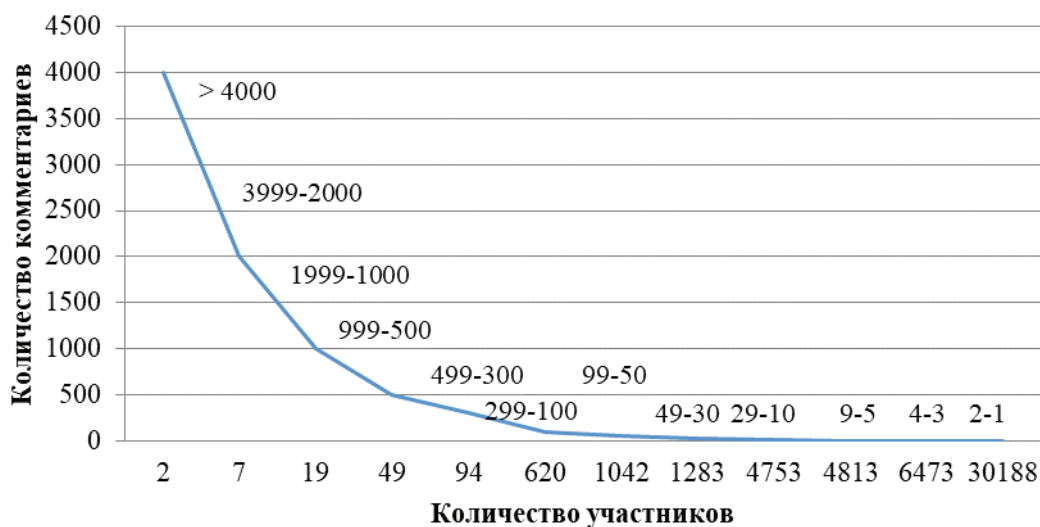

Рис. 5. Распределение комментариев участников сообщества «Политика сегодня»

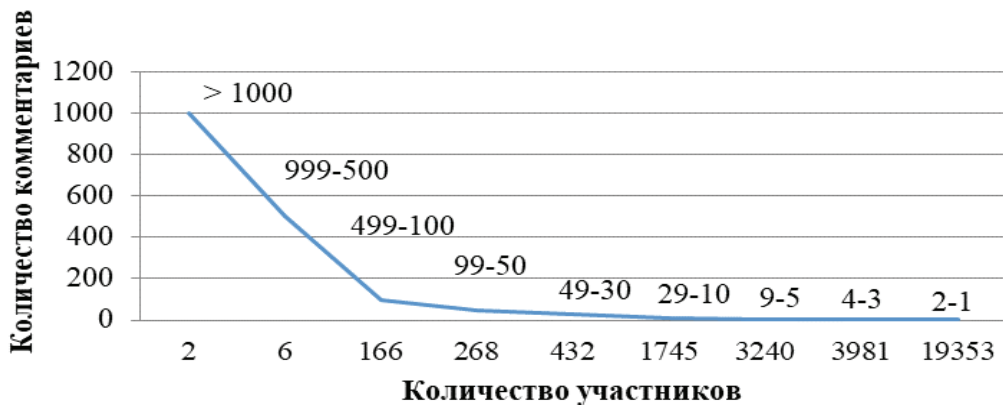

Рис. 6. Распределение комментариев участников сообщества «ЛДПР»

При этом следует заметить, что наиболее активные в коммуникативном отношении группы внутри сообществ и группы с высоким уровнем социальных связей практически не пересекаются. Иными словами, группы с большим количеством друзей внутри сообществ практически не участвуют в дискуссиях пабликов, а выступают в качестве модераторов, администраторов пабликов, проводников информации – ключевых постов в сообществах, но не комментариев (см. рис. 7). Данная тенденция характерна для сообществ обоих типов.

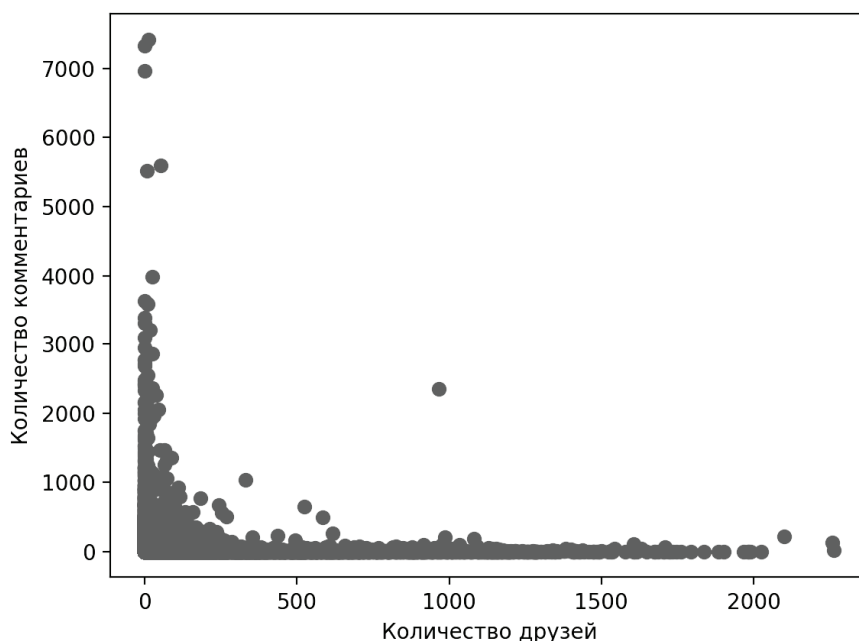

Рис. 7. Распределение количества друзей у участников сообщества и комментариев в группе «Политика»

Рассматривая значения показателя центральности по посредничеству, который позволяет выявить в группе людей, контролирующих потоки информации между различными кластерами группы и при необходимости способных быстро распространить информацию, отметим, что неофициальные паблики обладают большим количеством акторов с высокой степенью центральности по посредничеству. Именно через этих людей в группе происходит трансляция информации в группах. Вероятнее всего, они же будут являться лидерами мнений, обладая высокой исходящей мощностью (см. рис. 8–9; по горизонтальной оси указана степень центральности по посредничеству, по вертикальной – количество участников в паблике, обладающее соответствующим показателем). Под «исходящей мощностью» понимается показатель, обозначающий число связей, исходящих от узла.

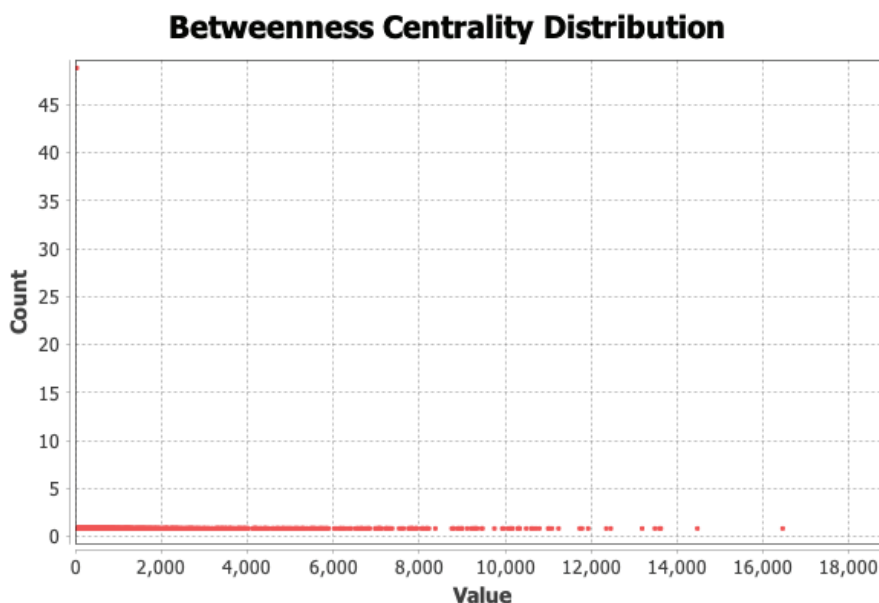

Рис. 8. Распределение показателя «центральность по посредничеству» по узлам в группе «Политика»

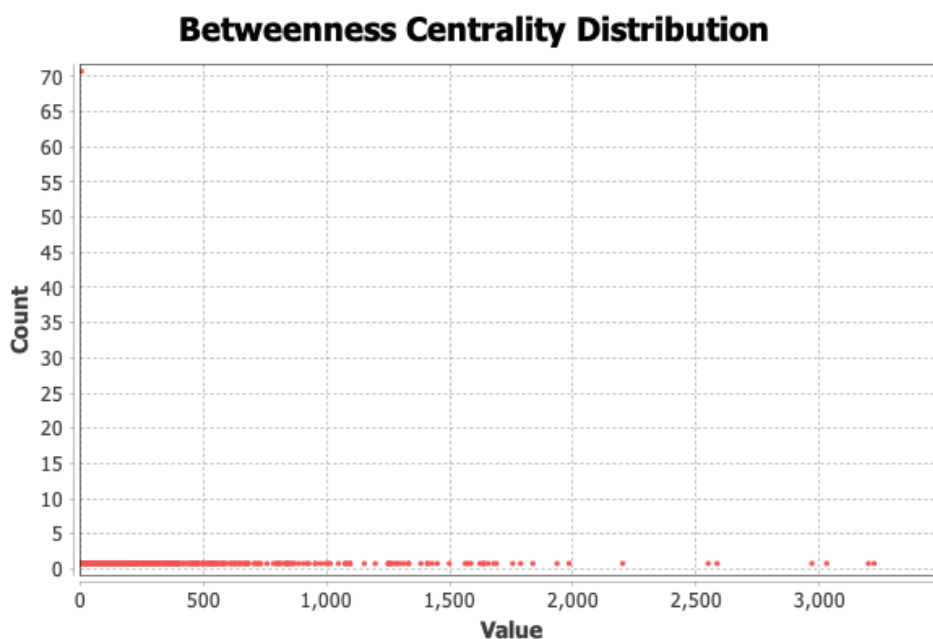

Рис. 9. Распределение показателя «центральность по посредничеству» по узлам в группе «Команда Навального»

Графики показывают, что в схожей с пабликом «Политика» по количеству участников официальной группе «Команда Навального» значительно меньше людей, обладающих степенью центральности по посредничеству, а также выше число узлов, не обладающих степенью промежуточности, т.е. изолированных участников, не связанных с лидерами мнений (также, возможно, в их числе и бот-аккаунты, которые присутствуют во всех пабликах).

Выводы и дискуссия

На сегодняшний день в основе социальных сетей лежит иерархическая структура, а горизонтальные отношения стали «театральной постановкой» (Ловинк, 2019). Подобная дифференциация коснулась и сетевых политических сообществ, которые в нужный политический момент могут стать инструментами влияния на общественное мнение офлайн. Для этого участники сообществ должны иметь устойчивые коммуникативные и социальные связи друг с другом, что позволит оперативно распространить информацию и консолидировать людей. Проведенное исследование позволило охарактеризовать коммуникационный потенциал политических сообществ разных типов на основе их некоторых структурных особенностей и выявить несколько характерных черт.

Прежде всего, стоит отметить, что политические сообщества разных типов имеют схожую социальную и коммуникативную структуру, что обусловлено их тематикой и целями. В сообществах обоих типов крайне неравномерно распределены связи между участниками, а также комментарии (степенной закон в Сети), что позволяет подтвердить наличие стратификации в онлайн-сообществах. Как отмечает Н. Больц (Больц, 2014: 108), этот закон возникает там, где у людей есть возможность выразить свои предпочтения, что характерно для соцсетей (возможность оставить лайк, репост или комментарий), а это, в свою очередь, приводит к усилению неравенства («усилению отклонений» и появлению «экономики звезд»).

Согласно результатам исследования, неофициальные сообщества отличаются большей коммуникативной активностью – количество постов, комментариев, лайков и репостов выше, чем в официальных сообществах, что объясняется разным типом контента (превалирование развлекательного контента в неофициальных группах над сугубо новостным в официальных). К примеру, количество комментариев в сутки суммарно в выбранных неофициальных сообществах составляет более 3,7 тыс., а в официальных – более 1 тыс.; количество отметок «мне нравится» в неофициальных сообществах – около 12 тыс., в официальных – более 5 тыс. (см. табл. 2,3). Подобные наблюдения подтверждают первую гипотезу.

Можно предположить, что подобная культура коммуникации также способствует процессу кластеризации в сообществах, подобно тому, как голландский теоретик медиа Г. Ловинк описал создание определенных дискуссионных площадок вокруг сайтов: «Вместо того, чтобы рапределяться по сети, культура споров и дебатов образует кластеры вокруг небольшого числа сайтов, часто в ответ на высказывания конкретных авторов, обсуждение определенных вопросов и длинные треды» (Ловинк, 2019: 159). В нашем случае неофициальные сообщества с высоким уровнем дискуссии более внутренне стратифицированы. В неофициальных сообществах отмечается более неравномерное распределение участников: в группах присутствует несколько лидеров, образующих свои кластеры внутри публика (9–12 по сравнению с официальными – 5–8), а также значительно выше число участников, имеющих 1–2 друга в группе или не имеют друзей вообще («наблюдатели»). Руководствуясь классификацией М. Диани, структуру официальных сообществ можно охарактеризовать как нечто среднее между кликой и полицефальной структурой (наличие нескольких кластеров, часть участников которых стремится к взаимодействию, а часть – связана только посредством лидеров кластеров), а вот структура неофициальных сообществ представляет собой нечто среднее между полицефальной и разрозненной структурами (большое количество кластеров, зачастую связанных между собой только посредством лидеров кластеров). Данный вывод подтверждает вторую выдвинутую гипотезу.

Кроме того, неофициальные публики обладают большим количеством акторов с высокой степенью промежуточности. Можно предположить, что именно через этих людей в группе происходит трансляция информации в группах. Тогда как в официальных публиках в большей степени выражена структура лидерства, прослеживается иерархичность взаимоотношений (гипотеза 3). Наличие небольшого числа лидеров и более тесные связи позволят в нужный момент эффективнее и быстрее управлять сообществом, скажем, для организации политических акций, в частности, офлайн. Эти выводы могут также рассматриваться в рамках концепции «организованных сетей», или «оргнетов», австралийского исследователя Н. Росситера, которая предполагает использовать потенциал Интернета, акцентируя внимание не на «слабые связи», а на небольшую группу вовлеченных пользователей (Rossiter, 2006).

Список литературы / References

- Болыц, Н. (2014) *Размышления о неравенстве. Анти-Руссо*. Москва: Изд. дом НИУ ВШЭ. [Bolz, N. (2014) *Thinking about Inequality* [Razmyshlenija o neravenstve]. Moskva: Izd. dom NIU VShJe. (In Russ.)].
- Бурдые, П. (2002) 'Формы капитала', *Экономическая социология*, 3(5), сс. 60–74. [Bourdieu, P. 'The forms of capital' [Formy kapitala], *Jekonomicheskaja sociologija*, 3(5), pp. 60–74. (In Russ.)].
- Гигаури, Д. И. (2021) 'Выборы в Государственную думу 2021: блоги, социальные сети и партийная идентичность в виртуальном пространстве', *Социодинамика*, 11. [Gigauri, D. I. (2021) 'State Duma Elections: blogs, social networks, and party identity in the virtual space' [Vyborny v Gosudarstvennuju Dumu 2021: blogi, social'nye seti i partijnaja identichnost' v virtual'nom prostranstve], *Sociodinamika*, 11. (In Russ.)].
- Зуйкина, К. Л., Соколова, Д. В. (2016) 'Особенности аудитории поляризованных сообществ «ВКонтакте» в период украинского политического кризиса (2013–2015 гг.)', *Медиаскоп* [электронное издание]. URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2163> (дата обращения: 13.11.2022). [Zuykina, K. L., Sokolova, D. V. (2016) 'Characteristics of the politically polarized groups' audience on VKontakte during Ukrainian political crisis (2013–2015)' [Osobennosti auditorii p olyarizovannykh soobshchestv «VKontakte» v period ukrainskogo politicheskogo krizisa (2013–2015 gg.)], *Mediaskop* [online]. Available at: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2163> (Accessed: 13th November 2022) (In Russ.)].
- Иванов, Е. А., Мельников, К. В., Петров, Н. В. (2022) 'Неформальная структура элитного пространства России. Опыт сетевого анализа', *Полития*, 104, сс. 72–91. [Ivanov, E. A., Melnikov, K. V., Petrov, N. V. (2022) 'Informal structure of the elite space in Russia. Evidence from network analysis' [Neformal'naja struktura jelitnogo prostranstva Rossii. Opyt setevogo analiza], *Politija*, 104, pp. 72–91. (In Russ.)].

- Канетти, Э. (1960) *Масса и власть*. Москва: Ad Marginem. [Kanetti E. (1960) *Crowds and power* [Massa i vlast']. Moskva: Ad Marginem. (In Russ.)].
- Колодин, Д. В. (2014) 'Информационное влияние в социальных сетях в виртуальной реальности', *Вестник Челябинского государственного университета, Сер. Философия. Социология. Культурология*, 11 (340), сс. 59–63. [Kolodin, D. V. (2014) 'Informational influence in social networks in virtual reality' [Informacionnoe vlijanie v social'nyh setjah v virtual'noj real'nosti], *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Serija Filosofija. Sociologija. Kul'turologija*, 11 (340), pp. 59–63. (In Russ.)].
- Коротков, А. В. (2003) 'Преодоление цифрового неравенства как информационная стратегия современного общества': Автореф. дис. ... к.филол.н., Москва. [Kortkov, A. V. (2003) 'Bridging the digital divide as an information strategy for modern society' [Preodolenie cifrovogo neravenstva kak informacionnaja strategija sovremennogo obshhestva]. Avtoref. Diss. (Philology). Moscow (In Russ.)].
- Лазуткина, Е. В. (2016) 'Лидеры мнений в информационном пространстве блогосферы рунета', *Вестник Новосибирского государственного университета*, 15 (6), сс. 51–59. [Lazutkina, E. V. 'Opinion leaders in the blogosphere Runet' [Lidery mnenij v informacionnom prostranstve blogosfery runeta], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 15 (6), pp. 51–59. (In Russ.)].
- Ловинк, Г. (2019) *Критическая история Интернета*. Москва: Изд-во Ад Маргинем. [Lovink, G. (2019) *Critical Theory of the Internet* [Kriticheskaja istorija interneta]. Moscow: Izd-vo Ad Marginem. (In Russ.)].
- Мейлахс, П. А., Рыков, Ю. Г. (2015) 'Онлайновое сообщество СПИД-диссидентов в социальной сети «ВКонтакте»: структура и риторические стратегии', в: *XV Апрельская международная конференция по проблемам развития экономики и общества* / отв. ред. Е. Г. Ясин. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ. [Mejlahs, P. A., Rykov, Ju. G. (2015) 'The online community of AIDS dissidents on the VKontakte social network: structure and rhetorical strategies' [Onlajnovoe soobshhestvo SPID-dissidentov v social'noj seti «VKontakte»: struktura i ritoricheskie strategii], *XV April'skaja mezhdunarodnaja konferencija po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva*, otv. red. E.G. Jasin. Moscow: Izdatel'skij dom NIU VShJe. (In Russ.)].
- Никипорец-Такигава, Г. Ю. (2016) *О лидерстве в сетевых социальных движениях*. Чебоксары: Изд-ва PolitBook, ООО «Научно-исследовательский институт общественных и политических наук», 3, сс. 50–65. [Nikiporets-Takigawa, G. Yu. (2016) *On the leadership in the networked social movements* [O liderstve v setevyh social'nyh dvizhenijah], Cheboksary.: Izd-va PolitBook, ООО «Nauchno-issledovatel'skij institut obshhestvennyh i politicheskikh nauk», 3, pp. 50–65. (In Russ.)].
- Пырма, Р. В. (2020) 'Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций', *Власть*, 2, сс. 74–81. [Pyrma, R. V. (2020) 'Concepts of civil activism in the digital space of communications' [Konceptii grazhdanskogo aktivizma v cifrovom prostranstve kommunikacij], *Vlast'*, 2, pp. 74–81. (In Russ.)].
- Рыков, Ю. Г. (2015) 'Сетевое неравенство и структура онлайн-сообществ', *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18(4), сс. 144–156. [Rykov, Ju. G. (2015) 'Network inequality and the structure of online communities' [Setevoe neravenstvo i struktura onlajn-soobshhestv], *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 18(4), pp. 144–156. (In Russ.)].
- Фомичева, И. Д. (2017) 'Медийный капитал и его состав', *Медиаскоп* [электронное издание]. URL: <http://www.mediascope.ru/2294> (дата обращения: 15.11.2022). [Fomichyova, I. D. (2017) 'Media capital and its structure' [Mediynnyy kapital i ego sostav], *Mediaskop* [online]. Available at: <http://www.mediascope.ru/2294> (Accessed: 15th November 2022)].
- Christopoulos, D. C. (2016) 'The impact of social networks on leadership behavior', *Methodological Innovations*, 9, pp. 1–15.
- Diani, M. (2003) 'Networks and Social Movements: A Research Programme' in: Diani, M., McAdam, D. (eds) *Social movements and networks. Relational approaches to collective action*. Oxford: Oxford UP, pp. 299–319.
- Duvanova, D., Semenov, A., Nikolaev, A. (2015) 'Do social networks bridge political di-

- vides? The analysis of VKontakte social network communication in Ukraine', *Post-Soviet Affairs*, 31(3), pp. 224–249.
- Fuchs, B., Sornette, D., Thurner, S. (2014) 'Fractal multi-level organisation of human groups in a virtual world', *Scientific Reports*, 4 [online]. Available at: <https://www.nature.com/articles/srep06526#article-info> (Accessed: 17th Marth 2020).
- Kruikemeier, S., Gattermann, K., Vliegthart, R. (2018) 'Understanding the dynamics of politicians' visibility in traditional and social media', *The Information Society*, 34(4), pp. 215–228.
- Lanier, J. (2018) *Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now*. Henry Holt and Co., 160 p.
- Muller, E., Peres, R. (2015) 'The effect of social networks structure on innovation performance: A review and directions for research', *International Journal of Research in Marketing*, 36(1), pp. 3–19.
- Ozimek, P. et al. (2017) 'Materialists on Facebook: The Self-Regulatory Role of Social Comparisons and the Objectification of Facebook friends', *Heliyon*, 3(11) [online]. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844017317279> (Accessed: 17th April 2022).
- Parunak, V. (2005) 'A survey of environments and mechanisms for human-human stigmergy', *Lecture notes in computer science*, pp. 163–186.
- Rossiter, N. (2006) *Organized Networks: Media Theory, Creative Labour, New Institutions*. NAI, 250 p.
- Smith, M., Rainie, L., Shneiderman, B., Himelboim, I. (2014) 'Mapping Twitter Topic Networks: From Polarized Crowds to Community Clusters', *Pew Research Internet Project*. [online]. Available at: <https://www.pewinternet.org/2014/02/20/mapping-twitter-topic-networks-from-polarized-crowds-to-community-clusters> (Accessed: 10th April 2022).
- Thuraisingham, B. et al. (2016) *Analyzing and Securing Social Networks*. CRC Press Taylor & Francis Group, 604 p.
- Theocharis, Y., Van Deth, J. (2018) 'The continuous expansion of citizen participation: a new taxonomy', *European Political Science Review*, 10(1), pp. 139–163.
- Weeks, B., Ardèvol-Abreu, A., Gil de Zúñiga, H. (2015) 'Online Influence? Social Media Use, Opinion Leadership, and Political Persuasion', *International Journal of Public Opinion Research*, 29(2), pp. 214–239.
- Winter, S., Neubaum, G. (2016) 'Examining Characteristics of Opinion Leaders in Social Media: A Motivational Approach', *Social Media + Society*, 2(3), pp. 1–12.
- Zakharchenko, A. et al. (2019) 'Under the Conditions of Non-Agenda Ownership: Social Media Users in the 2019 Ukrainian Presidential Elections Campaign', *CEUR Workshop Proceedings* [online]. Available at: <https://clek.ru/r5xMC> (Accessed: 10th June 2022).

Статья поступила в редакцию: 20.06.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 16.11.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF POLITICAL GROUPS WITHIN THE “VK” SOCIAL NETWORK: COMMUNICATIVE ASPECT

K. L. Zuykina

K. L. Zuykina, Candidate of Sc. (Philolog.), Senior Researcher at the Department of Sociology of Mass Communication, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Russia.
E-mail: chris-zu@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-2199-197X).

Abstract

The paper presents a research of structural features of informal and official types of political communities within the VK (VKontakte) social network. To collect data from political communities, the author has developed a script that allows parsing data from the VK by the number of friends of each participant within a community (social capital of community participants), as well as getting data on comments left by participants on public pages. Despite the initially different positioning of the two types of communities, political communities of different types are appeared to have a similar social and communicative structures, owing to

the topics of communities and their goals. However, informal communities feature a more uneven distribution of participants: there are several leaders in groups forming their clusters inside the public page, and the number of participants with 1 or 2 friends in a group or no friends at all (“observers”) is much higher there. Simultaneously, official public pages have a high density and a quite high clustering coefficient, which suggests that at the right moment those communities' offline political activity can be used to organize people online. Moreover, unofficial public pages embrace a large number of actors with a high degree of intermediacy.

Keywords: online groups' structure; stratification; political communication; social media; social network analysis.

УДК: 328:329

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-20-29

ANALYSIS OF PARTY SYSTEMS BY MEASURES OF CONCENTRATION
OF INEQUALITY AND ASYMMETRY OF THE PARETO CURVE

G. A. Grachev

Grachev Gennady Alexandrovich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Independent Scholar, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: grachev@sfedu.ru (ORCID: 0000-0003-4532-7886. ResearcherID: D-3133-2016).

Abstract

The article proposes to assess party systems using the Hoover Index (HI) and the Pareto curve skewness coefficient, PAC. Conceptually, HI is one of the simplest and most intuitive measures of inequality concentration, designed to determine the proportion of votes that must be redistributed from parties that received at least the average number of votes in elections to other parties in order to achieve an even distribution of votes. The PAC determines which parties contribute the most to overall party inequality as measured by HI. For the typology of inequality concentration in party systems, the generalized Pareto principle is used. When applying the new concept to the analysis of party systems in 18 European countries (158 electoral cases), it was found that most of them had a left-wing skewness of the Pareto curve and a concentration of inequality close to the proportion of the Pareto principle. The proposed method for assessing party systems can be considered as an independent tool, or as an addition to the currently widely used Laakso-Taagepera effective numbers of parties.

Keywords: party system; effective number of parties; Pareto curve; asymmetry; concentration of party systems; Pareto principle; concentration typology.

Currently, the most widely used measure for the fragmentation of party systems based on election results is the “effective number of parties, ENP” introduced by Laakso and Taagepera. The conceptual idea of the ENP and its varieties (Dunleavy & Boucek, 2016; Gaines & Taagepera, 2014; Golosov, 2010; Molinar, 1991; Rae, 1967; Taagepera, 1999) is to combine the number and size distribution of parties into a single fragmentation factor equal to the number of “important parties.” The advantage of the ENP is the simplicity of calculations, while the disadvantage is the ambiguity in measuring party systems, since different scenarios for the distribution of votes in elections can correspond to the same value of the ENP. Also, being an artificial measure of party systems, the ENP has no intuitive meaning, which makes it more complicated to interpret the results obtained (Bogaards, 2004; Golosov, 2010; Dunleavy and Boucek, 2016; Суманеев, 2017; Magyar, 2022). In this regard, it is of interest to supplement the ENP with other parameters to reduce the ambiguity in measuring the fragmentation of party systems. Hereby we propose to use the Hoover index, HI, and the Pareto curve asymmetry coefficient, PAC, as additional parameters for the fragmentation of party systems. Conceptually, the HI is the simplest and most intuitive measure of the concentration of inequality, which determines the proportion of votes that must be redistributed to achieve equality of parties. The PAC determines which parties contribute the most to the overall inequality as measured with the HI.

Methods of Measurement

Hoover index. Let the number of parties that received at least one vote in the elections be n . We denote the proportion of votes (party size) ranked in descending order by w_r . Then, we denote the cumulative sum of proportion values for votes l of parties as $S_l = \sum_{r=1}^l w_r$. By convention, $S_n = 1$.

The ENP is a real number calculated using the formula (Laakso and Taagepera, 1979):

$$ENP = \frac{1}{\sum_{r=1}^n w_r^2}. \quad (1)$$

Successful parties will mean parties that won a proportion of votes of not less than the average value of $\bar{w} = 1/n$ in the elections. Let the number of successful parties (Succ NP) be equal to the natural number

m. Therefore, the proportion of successful parties $p_m = m/n$, and the number of votes gained by successful parties is equal to S_m .

The Hoover index can be mathematically defined as (Hoover, 1936):

$$HI = S_m - p_m, \quad (2)$$

It can be seen from (2) that HI is the portion of votes that would have to be redistributed, i.e., taken from successful parties to other parties to have equal distribution of votes. This is the reason the HI is often referred to as the Robin Hood index. The HI is also known as the Pietra index (Pietra, 1915) or the Schutz index (Schutz, 1951).

The Hoover index satisfies the inequality $0 \leq HI < 1$. The lower limit of the HI is obtained when there is a complete equality of votes, while the upper limit is reached when all voters voted for one party. On a Pareto chart, the HI is equivalent to the longest vertical distance between the Pareto curve and the 45-degree line representing perfect equality.

Pareto curve. The piecewise linear graph $S_i = S(p_i)$ is referred to as the Pareto curve, PC. PCs can be symmetrical or asymmetrical with respect to the alternate diagonal drawn from (0, 1) to (1, 0) of the unit square. PC symmetry means that the curve to the left of the alternative diagonal is a mirror image of the portion of the curve to the right of that diagonal. The PC symmetry condition is mathematically defined by the following equation (Kakwani, 1980):

$$p_m + S_m = 1. \quad (3)$$

When substituting (3) into (2), we find that the proportion of successful parties for symmetrical PCs is equal to

$$p_m = 0.5(1 - HI). \quad (4)$$

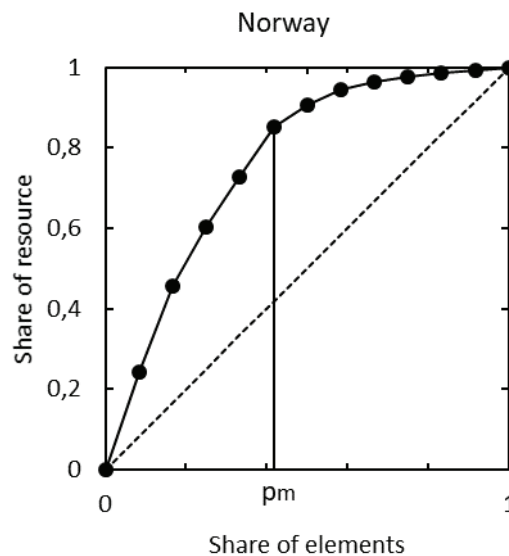
Asymmetric PCs are skewed up or down. For up-skewed PCs, the "longer part" is to the left of p_m (the left-hand asymmetry), while for down-skewed PCs, the "longer part" is to the right of p_m (the right-hand asymmetry). To measure the PC skewness, we will calculate the asymmetry coefficient (PAC) using the formula

$$PAC = 1 - p_m - S_m. \quad (5)$$

It can be seen from relation (5) that for PCs with right-hand asymmetry $PAC > 0$, and for PCs with left-hand asymmetry, $PAC < 0$.

PAC describes an important aspect of the Pareto curve shape. It shows which parties contribute the most to the overall inequality of parties as measured with the HI. If $PAC < 0$, then the inequality is primarily due to the relatively large number of small parties. If $PAC > 0$, then the inequality is primarily associated with the few largest parties. Note that the asymmetry coefficient (5) describes the asymmetry $S(p)$ only in the neighborhood of p_m .

As an example, dots in Figure 1 show the PCs of voting results of the parliamentary elections in Norway in 2001 (a) and Bulgaria in 1994. (b). As we can see, the PC of voting results of the parliamentary elections in Norway has a left-hand asymmetry, while in Bulgaria it has a right-hand asymmetry.

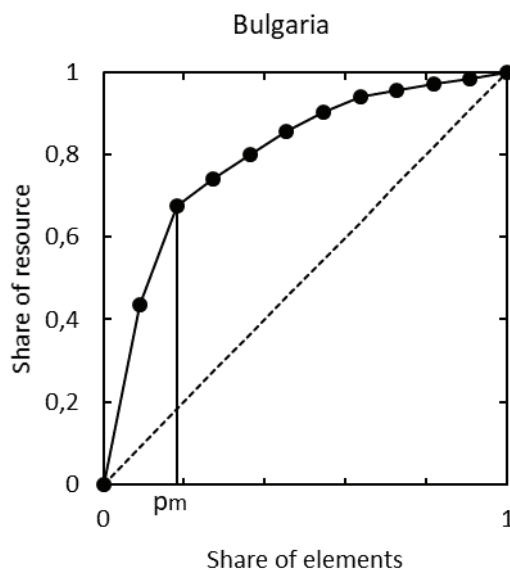

Figure 1. Pareto curves of voting results in Norway in 2001 and Bulgaria in 1994

Typology of parties. In the late 19th century, Vilfredo Pareto published his research findings on wealth inequality in Italy in the form of a 20/80 ratio — 20% of families owned approximately 80% of all land (Pareto and Page, 1971). In the mid-20th century, Joseph M. Juran, after reading the work of Vilfredo Pareto, came to the conclusion that the 20/80 proportion adequately describes the principle of quality management that he had previously discovered, i.e. "the vital few and the trivial many", and later renamed his quality principle as Pareto principle (Juran, 1954, 1975). In 1996, Epstein and Axtell, using an agent-based model called SugarScape, showed that the 20/80 ratio is a natural phenomenon (Epstein and Axtell, 1996).

The principle of concentration of inequality discovered by Vilfredo Pareto gave rise to numerous studies of similar patterns in systems of different nature. The findings showed that in social systems, approximately 20-30% of a resource utilized provide 70-80% of results associated with this resource; accordingly, the remaining 80-70% provide only 30-20% of results (Zipf, 1949). The boundaries of the Pareto principle expanded by George Kingsley Zipf have embraced fundings on marketing systems (McCarthy and Winer, 2019; Sharp, Romaniuk and Graham, 2019), economic systems (Grachev, 2022), and party systems (Грачев, 2011, 2012).

From Zipf's development of the Pareto principle, it follows that most common HI values should be in the range from 0.4 to 0.6. Based on this, we can classify the concentration of inequality into three types:

- Type I — high concentration, $0.6 < HI$,
- Type II — moderate concentration, $0.4 \leq HI \leq 0.6$,
- Type III — low concentration, $HI < 0.4$.

Applying New Measures to European Countries

The official electoral commissions' websites of were used as empirical data sources. 18 European countries were selected to measure the state of party systems. A total of 158 election cases was processed. The preparation of empirical data for further analysis of party systems included selecting parties that received at least one vote in parliamentary elections and normalizing the sum of proportion values of all parties to 1. Figure 2 shows a scatterplot of Share of Succ NP and HI, and Figure 3 shows a scatterplot of the ratio of the number of successful parties to the number of effective parties and HI.

It can be seen from the scatterplot on Figure 2 that the regression line describing the relationship between the proportion of successful parties and the Hoover index matches equation (4) that describes the theoretical dependence of the proportion of successful parties on the Hoover index in systems with symmetrical PCs. The scatterplot on Figure 3 shows that for low and moderate concentration party systems, the number of successful parties is less than the effective number of parties as introduced by Laakso and Taagepera. And conversely, in high concentration party systems, Succ NP values are higher than ENP values.

The behavior of HI and PAC of party systems in 18 European countries is shown in Figure 4.

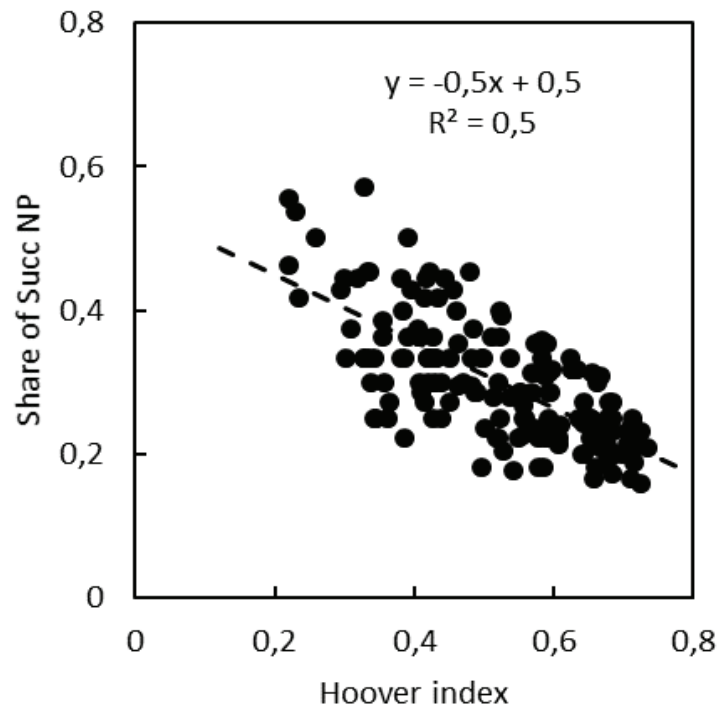

Figure 2. Scatterplot of Succ NP and HI

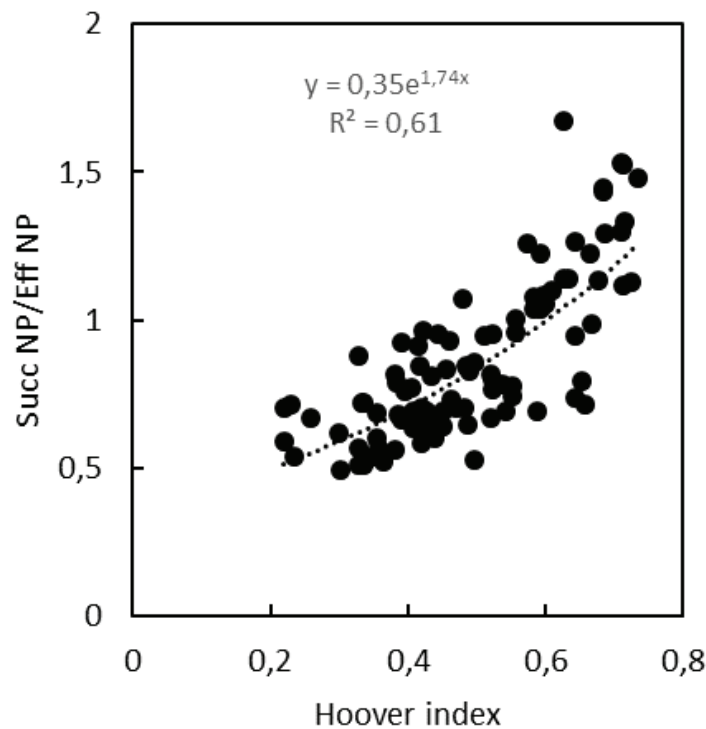
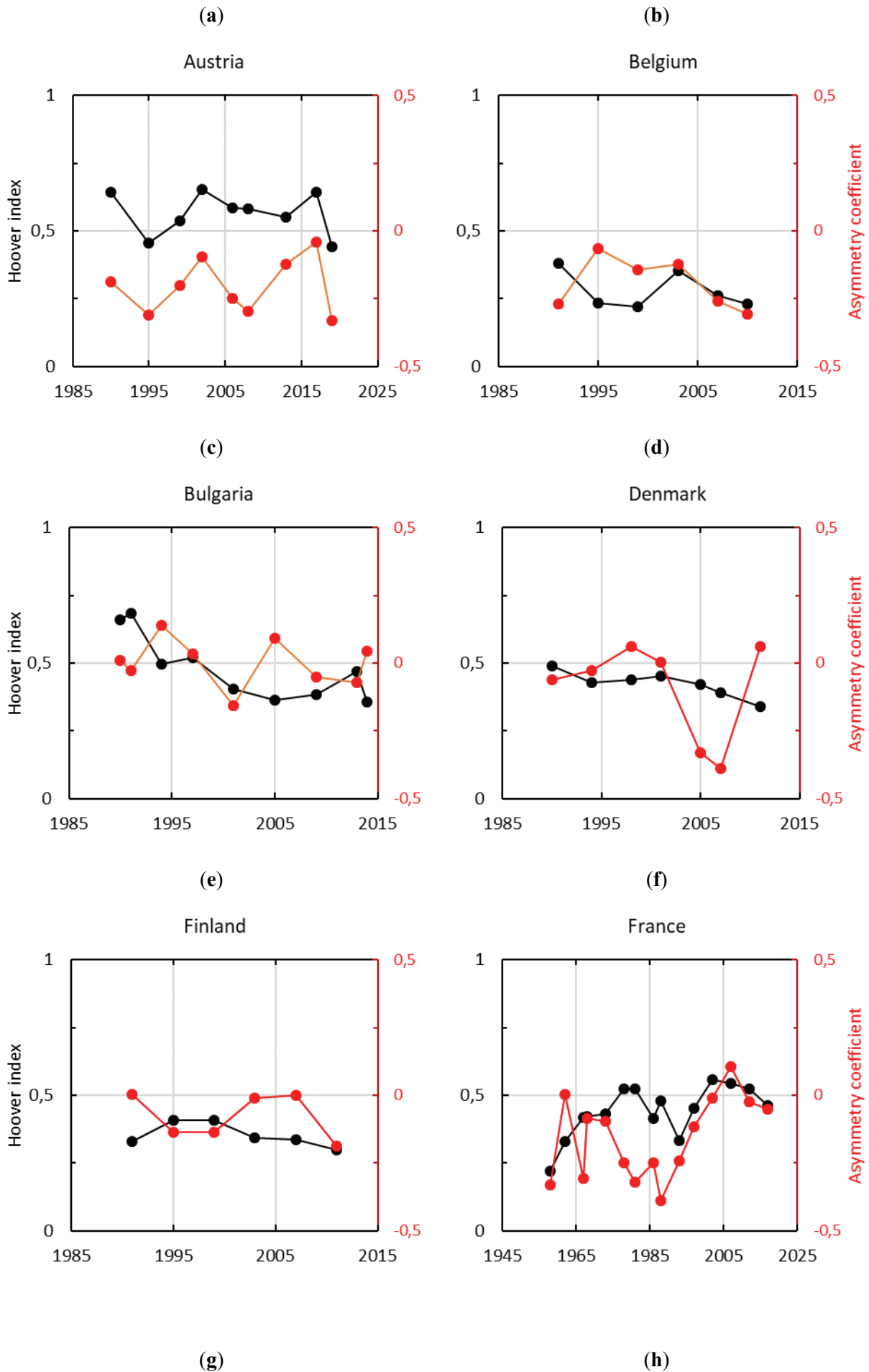
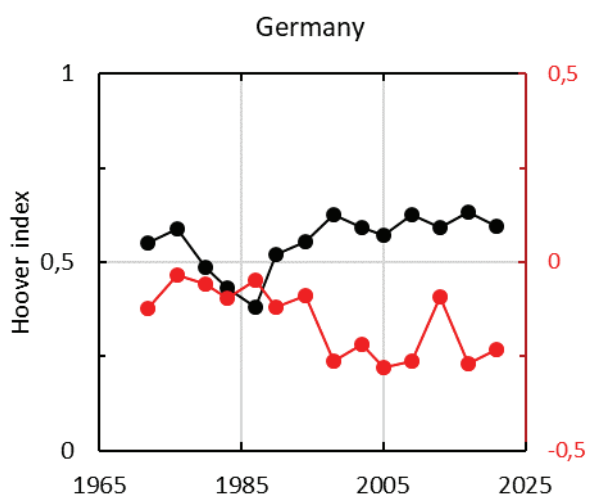

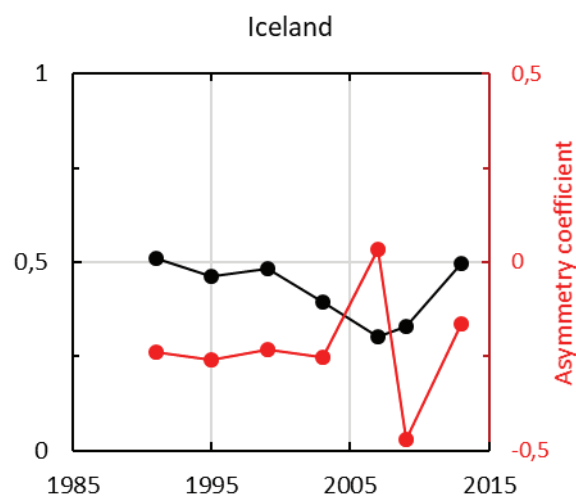
Figure 3. Scatterplot of the ratio of the Succ NP to the ENP and HI

The charts in Figure 4 show that each of the party systems under examination has come its path of development. Thus, the spike in the left-hand asymmetry of the PC of the party system in Germany occurred after the reunification of the FRG and the GDR took place. There are also general patterns. For example, right-hand PC asymmetry was seen in 10 countries — Bulgaria, Denmark, France, Iceland, Norway, Portugal, Russia, Spain, Sweden, and Switzerland. Only left-hand PC asymmetry occurred in Austria, Belgium, Finland, Germany, Italia, Netherlands, Slovakia, Switzerland, and United Kingdom. The rapid decline in left-hand PC asymmetry in the UK and France began about the same time.

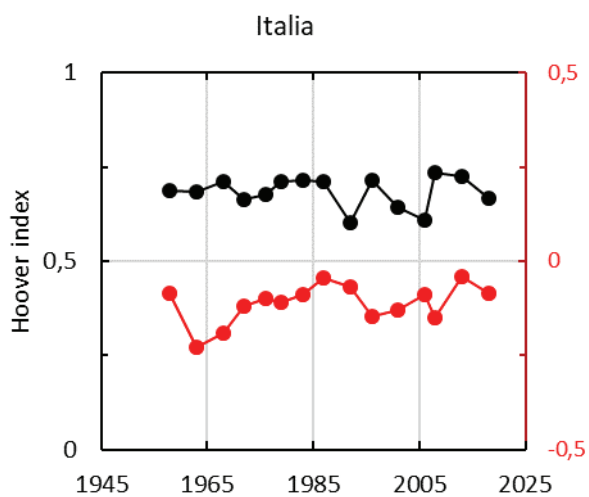

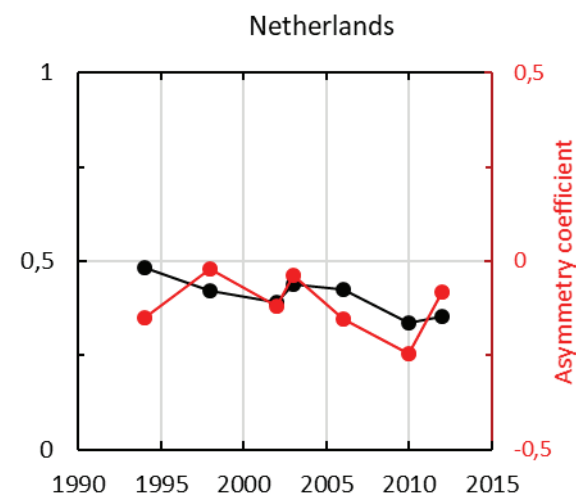
(i)

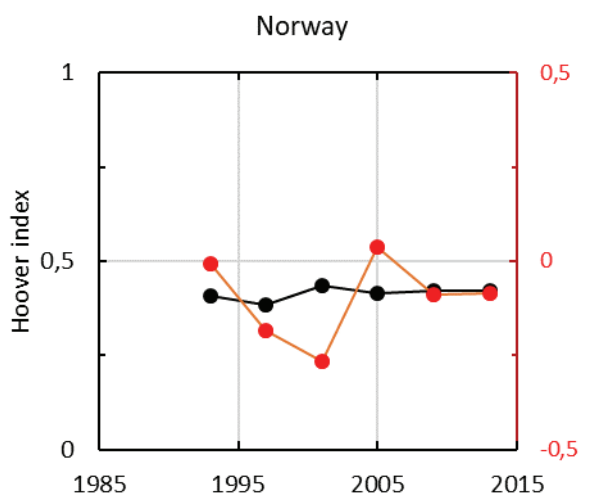
(j)

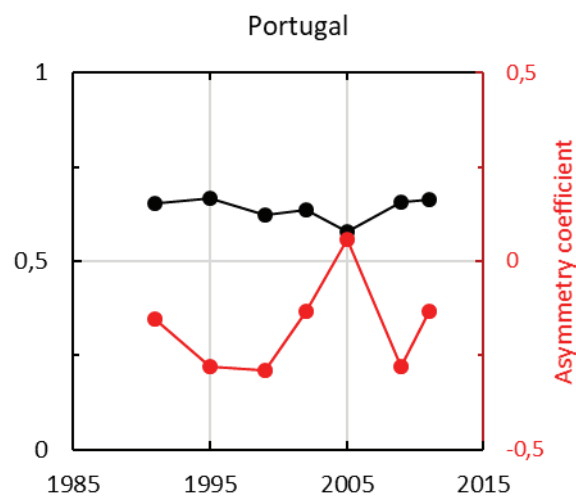
(k)

(l)

(m)

(n)

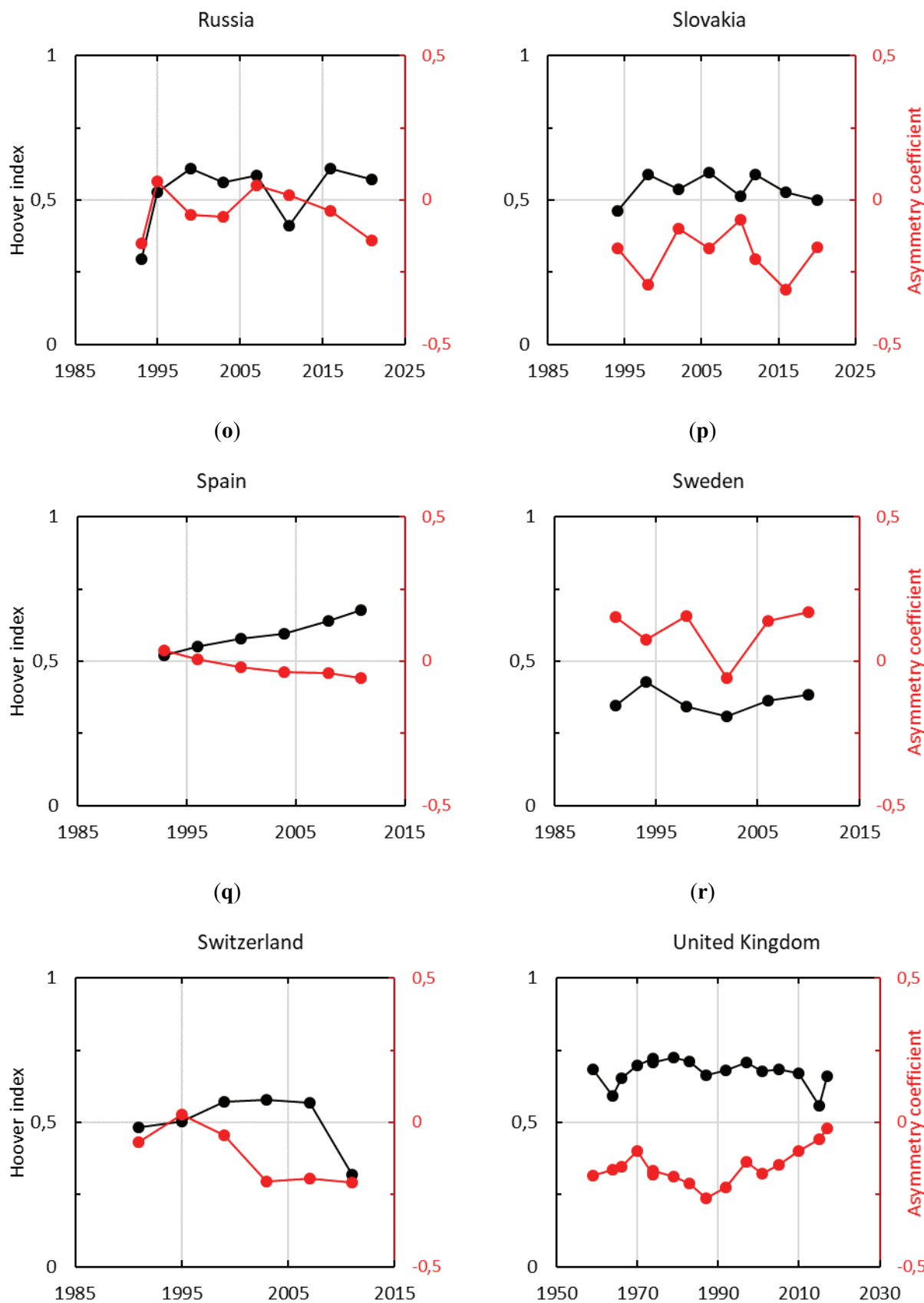

Figure 4. The behavior of state of the party systems over time

The results of identification of party systems by concentration of inequality are presented in Table. It can be seen that in these years, high concentration of inequality was in 4 countries, while moderate and low

concentration were spread evenly in the rest of the countries. PC had left-hand asymmetry in 16 countries and right-hand asymmetry only in Bulgaria and Sweden.

Table

Results of identification of party systems in 18 European countries by concentration of inequality in fixed years of the 21st century

Country	Year	Concentration of inequality, HI			PAC
		High	Moderate	Low	
Austria	2019		0.44		-0.33
Belgium	2010			0.23	-0.31
Bulgaria	2014			0.36	0.04
Denmark	2011			0.34	0.06
Finland	2011			0.3	-0.19
France	2017		0.46		-0.05
Germany	2021	0.6			-0.23
Iceland	2013		0.50		-0.16
Italy	2018	0.67			-0.08
Netherlands	2012			0.35	-0.08
Norway	2013		0.42		-0.09
Portugal	2011	0.66			-0.13
Russia	2021		0.57		-0.14
Slovakia	2020		0.50		-0.17
Spain	2011		0.56		-0.06
Sweden	2010			0.38	0.17
Switzerland	2011			0.32	-0.21
United Kingdom	2017	0.66			-0.02

* * *

In this work, the Hoover index and asymmetry coefficient of the Pareto curve were tested to address the measuring party systems. When applying the new concept to analyze party systems in 18 European countries (158 election cases), we found that most of them had a concentration of inequality close to the Pareto principle and a left-hand asymmetry PC, which distinguishes significantly the PC of party systems from the PC of income and urban settlement systems, which featured both right-hand and left-hand asymmetry (Clementi et al., 2019; Grachev, 2022).

The dominance of left-hand asymmetry in the PC of party systems can be explained by the struggle of political parties for votes of electors, while most of them are at the center of the ideological model (Downs, 1957). The cause for decline in the left-hand PC asymmetry which began in the UK in 1987 and France in 1988 may have been voters who sought alternatives that would better agree with their political preferences (Spoon and Klüver, 2019).

A slight asymmetry in 9 out of 18 countries seems to suggest that at the beginning of the 21st century, those countries had similar conditions for the functioning of party systems. This conclusion follows from the universal principle of symmetry formulated by Pierre Curie (1894): the functioning of similar systems of any nature is only possible in symmetric media, while the functioning of systems with individual properties is only possible in asymmetric media.

It is known that a decrease in the concentration of inequality in party systems will result in increased cooperation between parties and a larger number of possible coalition alternatives (Vayrynen, 1972). As a similar effect occurs with an increase in left-hand PC asymmetry, one of the further research objectives should be to look at the influence of PC asymmetry on the number of coalition alternatives, followed by the development of a typology of systems based on PC asymmetry.

Consequently, the use of the Hoover index and the Pareto curve asymmetry coefficient provides new opportunities for understanding the development of party systems. The methodology for analyzing the systems proposed in this work can be considered as an independent tool, or as an addition to the method for measuring party systems.

Список литературы / References

- Грачев, Г. А. (2011) 'К оценке политической стабильности по результатам голосования на выборах', *Полис. Политические исследования*, (5), сс. 123–127 [Grachev, G. A. (2011) 'On the Assessment of Political Stability on the Basis of Results of Voting at the Elections' [K ocenke politicheskoj stabil'nosti po rezul'tatam golosovaniya na vyborah], *POLIS-Politicheskiye Issledovaniya*, (5), pp. 123–127. (In Russ.)].
- Грачев, Г. А. (2012) 'Оценка политической стабильности на прошедших выборах парламента и Президента России', *Полис. Политические исследования*, (3), сс. 30–35 [Grachev, G. A. (2012) 'Assessment of the political stability at the latest Russian parliamentary and presidential elections' [Ocenka politicheskoj stabil'nosti na proshedshih vyborah parlamenta i prezidenta Rossii], *POLIS-Politicheskiye Issledovaniya*, (3), pp. 30–35 (In Russ.)].
- Суманеев, И. А. (2017) 'Эффективное число партий: случай Австрии', *Вестник Пермского университета. Политология*, (1), сс. 199–205. [Sumaneev, I. A. (2017) 'Effective Number of Parties: Austrian Case' [Effektivnoe chislo partij: sluchaj Avstrii], *Perm University Herald. Political Science*, (1), pp. 199–205 (In Russ.)].
- Bogaards, M. (2004) 'Counting parties and identifying dominant party systems in Africa', *European Journal of Political Research*, 43(2), pp. 173–197.
- Clementi, F. et al. (2019) 'Mis-measurement of inequality: a critical reflection and new insights', *Journal of Economic Interaction and Coordination*, 14, pp. 891–921.
- Curie, P. (1894) 'Sur la symétrie dans les phénomènes physiques, symétrie d'un champ électrique et d'un champ magnétique', *J. Phys. Theor, Appl*, (1), pp. 393–415.
- Downs, A. (1957) 'An Economic Theory of Political Action in a Democracy', *Journal of Political Economy*, 65(2), pp. 135–150.
- Dunleavy, P. and Boucek, F. (2016) 'Constructing the Number of Parties', *Party Politics*, 9(3), pp. 291–315.
- Epstein, J. M. and Axtell, R. L. (1996) 'Growing Artificial Societies: Social Science from the Bottom Up', *Growing Artificial Societies*, by Joshua M. Epstein and Robert L. Axtell, The MIT Press.
- Gaines, B. J. and Taagepera, R. (2014) 'More on Measuring Two-Party Competition: A Response to Dunleavy', *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, 24(3), pp. 386–392.
- Golosov, G. V. (2010) 'The effective number of parties: A new approach', *Party Politics*, 16(2), pp. 171–192.
- Grachev, G. A. (2022) 'Size distribution of states, counties, and cities in the USA: New inequality form information', *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 592, p. 126831.
- Hoover, E. (1936) 'The Measurement of Industrial Localization', *The Review of Economics and Statistics*, 18, pp. 162–171.
- Juran, J. M. (1954) 'Universals in management planning and controlling', *Management Review*, 43(11), pp. 748–761.
- Juran, J. M. (1975) 'The Non-Pareto Principle; mea culpa', *Quality Progress*, 8(5), pp. 8–9.
- Kakwani, N. (1980) *Income inequality and poverty: methods of estimation and policy applications*. Published for the World Bank [by] Oxford University Press.
- Laakso, M. and Taagepera, R. (1979) "'Effective" number of parties: A Measure with Application to West Europe', *Comparative Political Studies*, 12(1), pp. 3–27.
- Magyar, Z. B. (2022) 'What Makes Party Systems Different? A Principal Component Analysis of 17 Advanced Democracies 1970–2013', 30(2), pp. 250–268.
- McCarthy, D. M. and Winer, R. S. (2019) 'The Pareto rule in marketing revisited: is it 80/20 or 70/20?', *Marketing Letters*, 30(2), pp. 139–150.
- Molinar, J. (1991) 'Counting the Number of Parties: An Alternative Index No Title',

- American Political Science Review*, 8(4), pp. 1383–1391.
- Pareto, V. and Page, A. N. (1971) *Translation of Manuale di economia politica* ('Manual of political economy'). A.M. Kelley.
- Pietra, G. (1915) *Delle relazioni tra gli indici di variabilita*. Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze.
- Rae, D. (1967) *The Political Consequences of Electoral Laws*. New Haven: CT: Yale University Press.
- Schutz, R. R. (1951) 'On the Measurement of Income Inequality', *American Economic Review*, 41, pp. 107–122.
- Sharp, B., Romaniuk, J. and Graham, C. (2019) 'Marketing's 60/20 Pareto Law', *SSRN Electronic Journal*.
- Spoon, J.-J. and Klüver, H. (2019) 'Party convergence and vote switching: Explaining mainstream party decline across Europe', *European Journal of Political Research*, 58 (4) pp. 1021–1042.
- Taagepera, R. (1999) 'The Number of Parties as a Function of Heterogeneity and Electoral System', *Comparative Political Studies*, 32(5), pp. 531–548.
- Vayrynen, R. (1972) 'Analysis of Party Systems by Concentration, Fractionalization, and Entropy Measures', *Scandinavian Political Studies*, 7, pp. 138–155.
- Zipf, G. K. (1949) *Human behavior and the principle of least effort*. Cambridge, Mass.: Addison-Wesley.

Статья поступила в редакцию: 14.10.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

АНАЛИЗ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ КОНЦЕНТРАЦИИ НЕРАВЕНСТВА И АСИММЕТРИИ КРИВОЙ ПАРЕТО

Г. А. Грачев

Грачев Геннадий Александрович, кандидат физико-математических наук, независимый исследователь, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: grachev@sfedu.ru (ORCID: 0000-0003-4532-7886. ResearcherID: D-3133-2016).

Аннотация

Предлагается оценить состояние партийных систем с помощью индекса Гувера (HI) и коэффициента асимметрии кривой Парето (PAC). Концептуально HI является одним из самых простых и интуитивно понятных мер концентрации неравенства, предназначенной для определения доли голосов, которую необходимо перераспределить от партий, получивших на выборах не менее среднего числа голосов, к другим партиям для достижения равномерного распределения голосов. PAC определяет, какие партии вносят наибольший вклад в общее партийное неравенство, измеряемое HI. Для типологии систем по концентрации неравенства используется обобщенный принцип Парето. Применяв новую концепцию к анализу партийных систем в 18 европейских странах (158 электоральных случаев), было установлено, что большинство из них имеют левосторонний перекося кривой Парето и концентрацию неравенства, близкую к пропорции принципа Парето. Предложенный метод оценки состояния систем может рассматриваться как самостоятельный инструмент или как дополнение к широко используемому в настоящее время эффективному числу партий Лаакса-Тагапера.

Ключевые слова: партийная система; эффективное число партий; кривая Парето; асимметрия; концентрация партийных систем; принцип Парето; типология концентрации.

УДК: 324(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-30-38

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ДИЗАЙНА

Е. А. Седашов, К. А. Крикунов

Седашов Евгений Александрович, PhD, доцент департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: esedashov@hse.ru (ORCID: 0000-0002-1022-6375. ResearcherID: AAA-9915-2019).

Крикунов Кристина Александра, аспирант школы по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: kristina.krikunov@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-5305-246X. ResearcherID: U-5458-2018).

Аннотация

Исследуется влияние фактов конфликта интересов на электоральную поддержку политиков. Для выявления каузальности на российской выборке был проведён виньеточный эксперимент, в рамках которого респонденты получали различную информацию о биографии кандидатов. Респондентам предлагалось ответить на вопросы о привлекательности политиков и потенциальном желании проголосовать за них на основе полученной информации. По результатам исследования было установлено, что раскрытие фактов наличия конфликта интересов оказывает прямое влияние на уровень поддержки кандидатов в отдельных случаях. Эффект оказывается значимым, если ранее политик демонстрировал высокие показатели эффективности в реализации социально-экономической политики. Напротив, потенциальные избиратели оказывались толерантны к информации о конфликте интересов в случае неэффективности политиков в предыдущие периоды. Полученные эмпирические результаты частично согласуются с ранее проведёнными экспериментами в других странах и вносят вклад в дискуссию о выстраивании избирательной кампании инкубентов. Отдельно в статье освещаются методологические особенности проведения экспериментов в социальных науках, включая потенциальные ограничения, накладываемые выбранным дизайном на интерпретацию полученных эмпирических результатов.

Ключевые слова: конфликт интересов; коррупция; электоральная поддержка; позиционирование кандидата; экспериментальный дизайн; сравнение средних; каузальный анализ.

В политической науке обширная группа исследований посвящена изучению коррупции, а антикоррупционные реформы, проводимые в различных странах, только усиливают научный интерес к этой области. Активное изучение коррупции началось в 1970–1980-х гг., и в исследованиях этого периода наблюдается тенденция изучения коррупции на микроуровне через рассмотрение её отдельных аспектов и разновидностей (Rose-Ackerman, 1975; Wade, 1985). Например, большая часть исследований была посвящена изучению бюрократической коррупции (Correa, 1985; Reid, Kurth, 1989), а также коррупции и экономики с использованием количественных методов (Sands, 1990; Lien, 1990). С 2000-х гг. научный интерес переместился на макроуровень, что привело к увеличению кросс-страновых исследований (Habib & Zurawicki, 2001; Gylfason, 2001). В то же время появилась серия работ о взаимосвязи коррупции и экономического роста (Abed & Davoodi, 2000; Banuri & Eckel, 2012), коррупции и государственного управления (Kaufmann, 2005), коррупции и социального капитала (Tantardini & Jean-Claude Garcia-Zamor, 2014), коррупции и военных расходов (Gupta et al., 1998).

Одно из активно развивающихся направлений коррупционных исследований связано с изучением эффективности антикоррупционной политики и регулирования конфликта интересов как ситуации, когда личные интересы должностного лица могут ненадлежащим образом повлиять на выполнение обязанностей (Руководство ОЭСР, 2003 г.). Однако предыдущие исследования в этой области противоречивы и не дают целостного понимания того, как построить эффективную модель регулиро-

вания конфликта интересов и снизить риски возникновения административной и политической коррупции (Larbi, 2007; Van den Heuvel, 2008; Qu et al., 2018). Кроме того, остаётся неразрешённым вопрос о значимости регулирования конфликта и его связи с политической подотчётностью. Как общество воспринимает проблему конфликта интересов, и влияет ли факт неурегулированного конфликта интересов на электоральное поведение избирателей? Эта статья стремится внести свой вклад в существующую литературу, оценив, как знание фактов конфликта интересов влияет на мнение о кандидате и намерение проголосовать за него.

Экспериментальный дизайн в социальных науках

В поиске ответа на этот вопрос должен помочь эксперимент. В последние годы в социальных науках всё больше исследований применяют экспериментальные методы (Dunning 2012). Одна из основных причин – это возможность выявить причинность, а не только определить взаимосвязь переменных. Именно эксперимент называют золотым стандартом причинно-следственного вывода, также известного как *causal inference* (Adcock & Collier, 2001; Седашов, 2021).

Однако применение экспериментального дизайна в социальных науках ограничено из-за его этической неоднозначности и низкой внешней валидности (Buchanan et al., 2018). По этой причине исследователи нередко прибегают к мысленному эксперименту, который не влечёт за собой рисков социального взаимодействия и может использоваться в качестве предварительного этапа перед проведением эмпирического эксперимента или самостоятельно, если нет возможности провести полноценное эмпирическое исследование (Hacking, 1983).

Помимо мысленного эксперимента, социальные исследователи могут выявить причинно-следственную связь, прибегая к естественным экспериментам. Естественный эксперимент по своим характеристикам превосходит «классический» эмпирический эксперимент, поскольку свободен от этических проблем и корректной рандомизации выборки (Dunning, 2012). Этот вид эксперимента практически независим от исследователя, что, с одной стороны, снижает внутреннее вмешательство в ход эксперимента, но с другой стороны, не позволяет в полной мере контролировать влияние внешних факторов. Одним из наиболее известных примеров естественного эксперимента является изучение одних и тех же африканских племён, отрезанных друг от друга государственными границами Замбии и Малави. Имея схожие культурные ценности и проживая в территориальной близости друг от друга, племена демонстрировали при этом разное политическое влияние в своих странах, что объяснялось долей их социальной группы относительно всего населения (Posner, 2004).

Использование экспериментальных методов характерно и для исследований в области коррупции и антикоррупционного регулирования. Во многом результаты, полученные в ходе экспериментов, подтверждают ранее известные выводы о мотивах коррупционных действий и оценке коррупции. Например, эксперимент, проведённый среди рыболовов в Южной Америке, показал, что пользователи ресурсов охотнее участвуют во взяточничестве, когда проверяющие инспекторы закрывают глаза на нарушения, другие рыболовы также вовлечены в коррупционные отношения (Sundstrom, 2019). Это подтверждает предположение о том, что участие в коррупции обусловлено как ожидаемой прибылью от взяток, так и ожиданиями касательно поведения других агентов.

Схожий исследовательский вопрос поднимался в рамках исследования уровня доверия граждан к правительству Аргентины (Alessandro et al, 2021). Авторы тестировали влияние предоставления гражданам информации о деятельности правительства и последующим изменением уровня доверия к власти. Результаты рандомизированного онлайн-опроса показали, что предоставление информации влияет на мнение граждан о прозрачности правительственной деятельности. Например, группа, получившая информацию о перевыполнении правительством своих задач, показала значительно более высокую уверенность в транспарентности системы, чем те, кто получили информацию о низкой эффективности исполнительной системы. Раскрытие информации увеличивает восприятие прозрачности работы правительства примерно на восемь процентных пунктов и ведёт к росту доверия к нему более чем на 10%.

Одной из наиболее значимых работ о взаимосвязи коррупции и эффективности правительства является сравнительный анализ, проведённый по результатам экспериментов в Швеции и Молдавии (Klašnja & Tucker, 2013). Респонденты в высоко коррумпированных политических системах (кейс Молдавии) реагируют на факты злоупотребления полномочиями только в том случае, если эффективность экономической политики оказывается на низком уровне. При этом в Швеции респонденты наказывали политиков лишением поддержки вне зависимости от успехов в экономике.

Такое рациональное поведение избирателей, задающее границы дозволенного в рамках систем с высоким уровнем коррупции в обмен на обеспечение базовых благ, позволяет предположить, что компромиссное поведение лежит в основе каузальной зависимости между коррупционным поведением и электоральной поддержкой. Однако такая логика не всегда находит эмпирическое подтверждение: исследование в Бразилии ярко демонстрирует, что, хотя отдельные группы населения следуют этой логике, в среднем респонденты настроены негативно по отношению к любым коррупционным проявлениям политиков (Winters & Weitz-Shapiro, 2013).

На материале латиноамериканских стран, для которых характерны высокие показатели коррупции, было проведено немалое число экспериментальных исследований по изучению эффектов коррупционного поведения на оценку избирателями привлекательности политиков. Так, например, именно на бразильском кейсе было показано, что респонденты более охотно «наказывают» кандидатов лишением поддержки в том случае, если узнают о чрезмерной жадности инкумбента при необоснованном обогащении (Avenburg, 2019), хотя немаловажным для них зачастую оказывается источник самой информации о фактах коррупции (Weitz-Shapiro & Winters, 2017; 2020). Экспериментальное исследование в Перу продемонстрировало, что избиратели все же склонны наказывать политиков за факты коррупционного поведения вне зависимости от их компетентности в предыдущие периоды, хотя они и оказываются более толерантными к провинившимся, но эффективным ранее бюрократам (Vera, 2020).

В целом, отмеченные результаты (зачастую противоречивые) указывают на интерес исследовательского сообщества к вопросам, затрагиваемым в настоящем исследовании. Следуя этому тренду, мы намерены далее впервые протестировать ряд отмеченных выше гипотез на российской почве.

Дизайн эксперимента

Основная цель проводимого эксперимента — понять, как избиратели реагируют на информацию о конфликте интересов, и связана ли эта реакция с общей политической эффективностью кандидата. Во-первых, основываясь на имеющихся исследованиях, мы утверждаем, что избиратели готовы «наказывать» кандидатов, вовлеченных в конфликт интересов. Во-вторых, мы ожидаем, что политики, которые воспринимаются как эффективные, понесут большие потери из-за конфликта интересов, в то время как для неэффективных политиков конфликт интересов не будет значимым фактором поддержки. В целом это говорит о том, что угроза раскрытия информации о конфликте интересов будет привлекать политиков к ответственности только в тех случаях, когда правительство работает достаточно хорошо. С другой стороны, если общая эффективность правительства низкая, то раскрытие информации о конфликте интересов не поможет повысить подотчетность.

Таким образом, мы выдвигаем следующие 2 гипотезы:

H1: политики, практикующие действия, влекущие за собой конфликт интересов, пользуются меньшим уровнем поддержки.

H2: негативное влияние предполагаемого конфликта интересов на политическую поддержку более выражено для политиков, которые демонстрируют эффективные результаты в сфере социально-экономической политики.

Полевой эксперимент был проведён совместно с Левада-центром¹ в рамках ежемесячного комплексного исследования. Эксперимент проводился на репрезентативной выборке из 1 600 чел. городского и сельского населения России в возрасте от 18 лет и старше в не менее в чем 50 субъектах Российской Федерации, в том числе в 97 городских поселениях и 40 сельских территориях. Данные для эксперимента собирались через личные интервью с респондентами.

Дизайн эксперимента включает одну контрольную группу и четыре экспериментальные. Отнесение респондента к определенной группе было выполнено путем рандомизации. Каждая группа получила общую биографическую информацию о гипотетическом политическом деятеле.

Политик N родился в семье экономиста и преподавателя истории. После окончания школы он отслужил в армии, а затем поступил на инженерный факультет в региональной столице. Параллельно с обучением он играл в студенческом театре, где познакомился со своей супругой. На выпускном курсе N по распределению попал на машиностроительный завод, где проработал 20 лет и дослужился до должности заместителя директора. Однако N принял решение уйти с предприятия и связать свою жизнь с политикой, баллотировавшись на пост главы региона.

¹ Автономная некоммерческая организация «Аналитический Центр Юрия Левады» внесена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 05.09.2016 г.

Для контрольной группы это была единственная информация. Экспериментальная группа № 1, помимо этой информации, получила данные, которые иллюстрируют эффективность политика в реализации государственной политики. Экспериментальной группе № 2 была предоставлена информация, которая иллюстрирует эффективность политика в реализации государственной политики, а также информация о его вовлеченности в ситуацию конфликта интересов (назначение на ключевую должность своего родственника). Материал для экспериментальной группы № 3 включал информацию о неэффективности политического деятеля в реализации государственной политики, а в материале для группы № 4, кроме этого, была предоставлена и информация о его вовлеченности в ситуацию конфликта интересов. Тексты карточек для экспериментальных групп даны в приложении 1.

После описания ситуации респондентам предлагалось ответить на два вопроса: 1) *«Каково ваше мнение об указанном политике: весьма благоприятно, благоприятно, нейтрально, неблагоприятно, в высшей степени неблагоприятно»*; 2) *«По шкале от 1 до 10, где 1 наименее вероятно, а 10 наиболее вероятно, оцените вероятность вашей поддержки такого политика во время выборов»*.

Результаты и ограничения исследования

Для анализа результатов эксперимента был использован метод статистического сравнения средних. Результаты для первого вопроса, связанного с мнением о политике, представлены – на графике (рис. 1), а для второго вопроса по вероятности электоральной поддержки на графике (рис.2). Согласно полученным данным, в целом раскрытие информации о конфликте интересов снижает уровень электоральной поддержки. Сравнение средних статистически значимо для экспериментальных групп 1 + 3 (*группы без раскрытия информации о конфликте интересов, несмотря на эффективность кандидата*) и 2 + 4 (*группы с раскрытием информации о конфликте интересов, несмотря на эффективность кандидата*). Этот вывод подтверждает первую гипотезу о том, что раскрытие информации о конфликте интересов действительно является важным фактором поддержки электората и, следовательно, подотчётности.

Как показывают результаты, политики, которых считают эффективными, действительно несут убытки от раскрытия информации о конфликте интересов. Экспериментальная группа № 1, которой была предоставлена информация об эффективных политиках без информации о конфликте интересов, имеет самый высокий уровень электоральной поддержки. Экспериментальная группа № 2, которая соответствует эффективным политикам с указанием на факты конфликта интересов, имеет уровень электоральной поддержки ниже, чем группа № 1. Кроме того, при сравнении с контрольной группой заметно, что электоральный выигрыш за счет эффективности политики нивелируется раскрытием факта неурегулированного конфликта интересов.

Что касается неэффективных политиков, мы обнаруживаем, что конфликт интересов не имеет большого значения просто потому, что неэффективность политики делает таких политиков очень непривлекательными для потенциальных избирателей. Выборочные средние значения очень низкие в экспериментальных группах № 3 и 4, при этом разница средних значений не достигает статистической значимости. В целом эффективность политики представляется сильным обуславливающим фактором, подтверждающим гипотезу о том, что негативное влияние предполагаемого конфликта интересов на политическую поддержку более выражено для политиков, которые демонстрируют эффективные результаты в сфере социально-экономической политики.

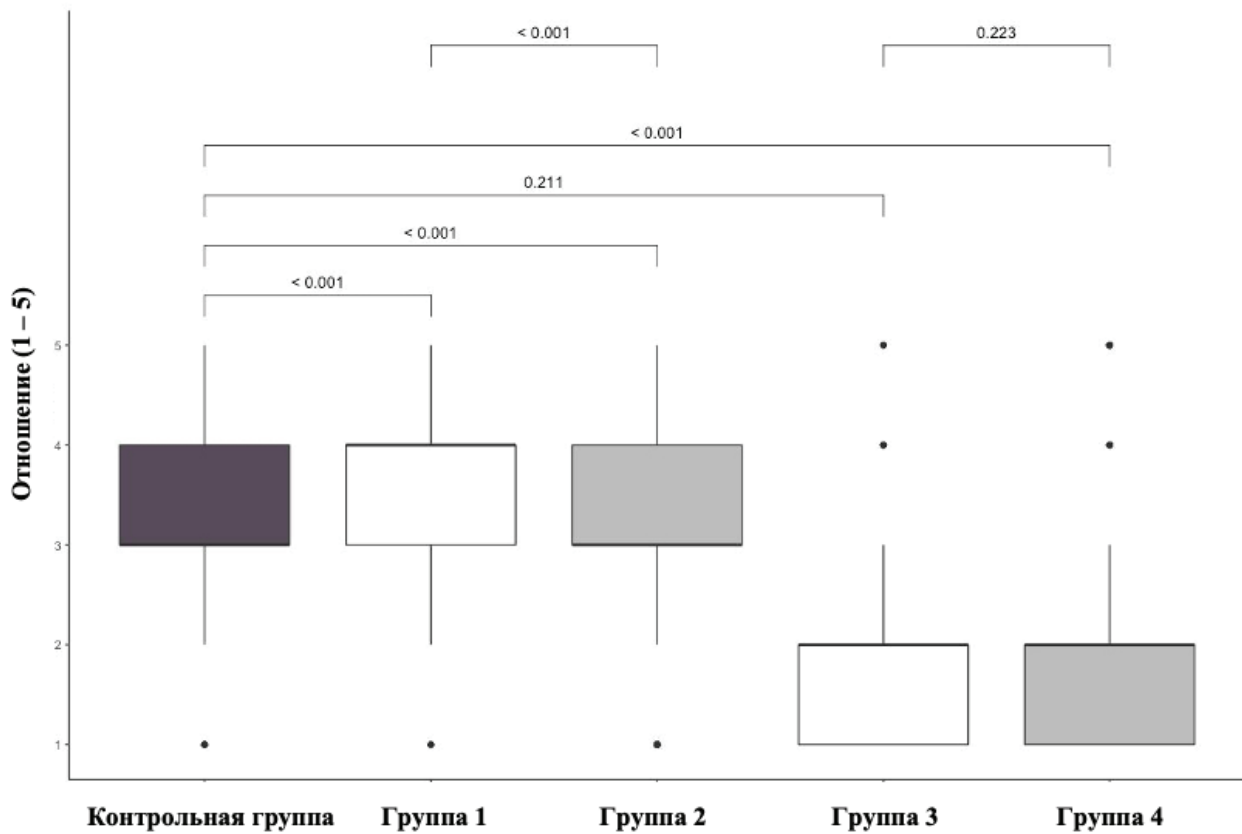

Рис. 1. Результаты эксперимента по первому вопросу (мнение о политике)

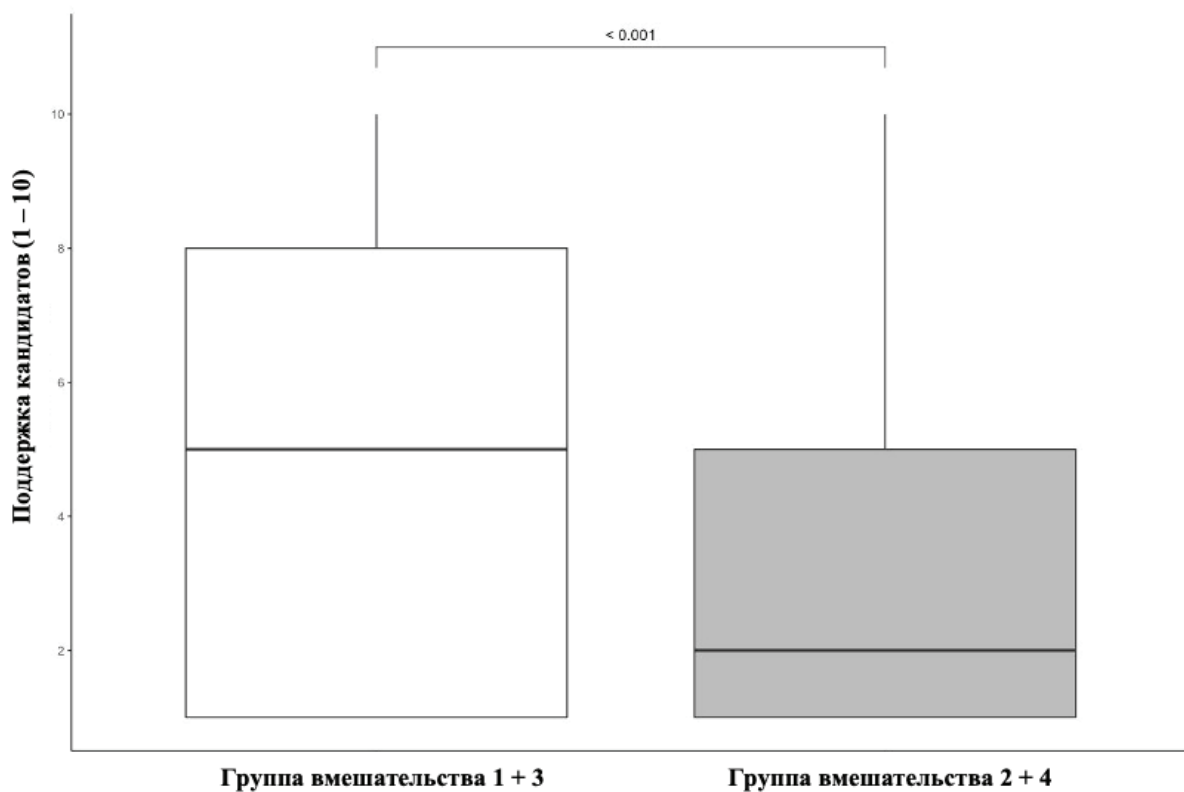

Рис. 2. Результаты эксперимента по второму вопросу (вероятность электоральной поддержки)

Однако стоит отметить, что наше исследование не лишено своих ограничений, которые ранее также были затронуты в схожих работах по изучению коррупции. К примеру, согласно исследованию Агерберга, восприятие коррупции может быть в значительной степени связано с политической мотивацией и выраженной политической поддержкой. В частности, сторонников правительства в меньшей степени беспокоят факты коррупции во властных структурах (Agerberg, 2020). Результаты исследования также показывают, что ответы на вопросы о восприятии коррупции гибкие и зависят от простых фреймов. Это означает, что восприятие коррупции среди населения более поляризовано в периоды, когда политическая принадлежность более заметна, например, в предвыборный период (Agerberg, 2020).

Политические предпочтения – это не единственные особенности, которые нужно учитывать при проведении экспериментов в области коррупции и антикоррупционного регулирования. На восприятие уровня коррумпированности также влияют личная материальная удовлетворенность граждан (Ionescu, 2015), удовлетворённость экономической ситуацией в стране (Klasnja & Tucker, 2013; Ferrer, 2020), доверие к институту выборов (Laurent, 2021) и тип коррупции (Fernandez-Vazquez, 2016; Laurent, 2021).

Эти методологические особенности планирования эксперимента, а также изучение конфликта интересов как относительно теневого явления накладывают на наше исследование и другие ограничения. Во-первых, это возможное искажение ответов респондентов из-за сензитивности темы. Для снижения этого риска мы смоделировали гипотетическую ситуацию без указания конкретного региона или конкретных политических партий/кандидатов.

Кроме того, для получения надёжных результатов в рамках социальных экспериментов необходимо добиться «концептуального единства» учёного и участников эксперимента (Banuri & Eckel, 2012). Особенно остро это проблема стоит в случае использования в эксперименте сложных или неизвестных для непрофессионального сообщества понятий. При составлении дизайна эксперимента мы осознанно не стали использовать словосочетание «конфликт интересов», поскольку этот термин респонденты могут интуитивно интерпретировать как межличностный конфликт, не связывая его с антикоррупционной политикой. Заменой термина «конфликт интересов» стал конкретный пример неурегулированного конфликта интересов, характеризующийся патронажными сетями во власти.

* * *

Наша исследовательская задача сводилась к оценке влияния осведомленности граждан о вовлечённости политика в конфликт интересов на уровень возможной электоральной поддержки кандидата. Ответ на этот вопрос может восполнить пробел в научных знаниях в области исследования коррупции и стать залогом успешного позиционирования кандидата на выборах и выстраивания коммуникации с различными сегментами избирателей.

Согласно полученным данным, знание о вовлечённости политика в конфликт интересов снижает уровень общественной поддержки и уменьшает шансы на электоральный успех. Однако неурегулированный конфликт интересов оказывается существенным фактором только в ситуациях, когда политик является эффективным и демонстрирует высокие социально-экономические показатели.

Эти выводы имеют важное значение. Во-первых, они предполагают, что антикоррупционные кампании с конфликтом интересов в качестве центральной темы могут быть эффективными только тогда, когда политики проводят эффективную политику. В ситуациях, когда результаты государственной политики плохие, конфликт интересов не влияет на поддержку кандидата на выборах.

Во-вторых, наши результаты вносят вклад в научную литературу о политической подотчётности. С учётом наших результатов угроза раскрытия конфликта интересов может служить механизмом подотчётности, но только в ситуациях, когда в остальных сферах политики демонстрируют эффективность.

Как мы упоминали ранее, ряд исследований, посвящённых изучению коррупции, доказывают влияние политической принадлежности на восприятие коррупции среди политиков или государственных служащих. Следующим этапом нашего исследования может стать попытка ответить на вопрос, как политическая принадлежность россиян влияет на их восприятие конфликта интересов и последующее электоральное поведение.

Список литературы / References

- Седашов, Е. А. (2021) 'Методы каузального анализа в современной политической науке', *Политическая наука*, 1, сс. 98–115. [Sedashov, E. A. (2021) 'Methods of causal analysis in modern political science' [Metody kauzal'nogo analiza v sovremennoj politicheskoy nauke], *Politicheskaya nauka*, 1, pp. 98–115 (In Russ)].
- Adcock, R., & Collier, D. (2001) 'Measurement validity: A shared standard for qualitative and quantitative research', *American political science review*, 95(3), pp. 529–546.
- Agerberg, M. (2020) 'The lesser evil? Corruption voting and the importance of clean alternatives', *Comparative Political Studies*, 53(2), pp. 253–287.
- Alessandro, M., Lagomarsino, B. C., Scartascini, C., Streb, J., Torrealday, J. (2021) 'Transparency and trust in government. Evidence from a survey experiment', *World Development*, 138, pp. 105–223.
- Banuri, S., & Eckel, C. (2012) *Experiments in culture and corruption: A review*. Emerald Group Publishing Limited.
- Buchanan, B., Bastian, M., Chrulow, M. (2018) 'Introduction: Field philosophy and other experiments', *Parallax*, 24(4), pp. 383–391.
- Correa, H. (1985) 'A comparative study of bureaucratic corruption in Latin America and the USA', *Socio-economic planning sciences*, 19(1), pp. 63–79.
- Dunning, T. (2012) *Natural experiments in the social sciences: a design-based approach*. Cambridge University Press.
- Ferrer, S. (2020) 'Responsibility attribution for corruption scandals', *Local government studies*, 46(1), pp. 22–43.
- Gupta, M. S. (1998) *Does corruption affect income inequality and poverty?* International Monetary Fund.
- Gylfason, T. (2001) 'Nature, power and growth', *Scottish Journal of Political Economy*, 48(5), pp. 558–588.
- Habib, M., Zurawicki, L. (2001) 'Country-level investments and the effect of corruption—some empirical evidence', *International Business Review*, 10(6), pp. 687–700.
- Hacking, I. (1983) *Representing and intervening: Introductory topics in the philosophy of natural science*. Cambridge university press.
- Ionescu, L. (2015) 'Why do electors support corrupt politicians?', *Economics, Management, and Financial Markets*, 10(4), pp. 61–68.
- Kaufmann, D. (2005) 'Myths and realities of governance and corruption', *Available at: SSRN 829244*.
- Klašnja, M., Tucker, J. A. (2013) 'The economy, corruption, and the vote: Evidence from experiments in Sweden and Moldova', *Electoral Studies*, 32(3), pp. 536–543.
- Larbi, G. A. (2007) 'Between spin and reality: Examining disclosure practices in three African countries', *Public Administration and Development: The International Journal of Management Research and Practice*, 27(3), pp. 205–214.
- Laurent, H. (2021) 'Corruption and politicians' horizon', *Economics of Governance*, 22(1), pp. 65–91.
- Lien, D. H. D. (1990) 'Corruption and allocation efficiency', *Journal of development economics*, 33(1), pp. 153–164.
- Posner, D. N. (2004) 'The political salience of cultural difference: Why Chewas and Tumbukas are allies in Zambia and adversaries in Malawi', *American Political Science Review*, 98(4), pp. 529–545.
- Reid, J. D., Kurth, M. M. (1989) 'Public employees in political firms: Part B. Civil service and militancy', *Public choice*, 60(1), pp. 41–54.
- Rose-Ackerman, S. (1975) 'The economics of corruption', *Journal of public economics*, 4(2), pp. 187–203.
- Sands, B. N. (1990) 'Decentralizing an economy: The role of bureaucratic corruption in China's economic reforms', *Public Choice*, pp. 85–91.
- Sundström, A. (2019) 'Why do people pay bribes? A survey experiment with resource users', *Social Science Quarterly*, 100(3), pp. 725–735.
- Tantardini, M., Garcia-Zamor, J. C. (2015) 'Organizational social capital and anticorruption policies: An exploratory analysis', *Public Organization Review*, 15(4), pp. 599–609.
- Wade, R. (1985) 'The market for public office: Why the Indian state is not better at development', *World Development*, 13(4), pp. 467–497.

Тексты карточек для экспериментальных групп

Экспериментальная группа 1:

ПОЛИТИК N РОДИЛСЯ В СЕМЬЕ ЭКОНОМИСТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИСТОРИИ. ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ШКОЛЫ ОН ОТСЛУЖИЛ В АРМИИ, А ЗАТЕМ ПОСТУПИЛ НА ИНЖЕНЕРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СТОЛИЦЕ. ПАРАЛЛЕЛЬНО С ОБУЧЕНИЕМ ОН ИГРАЛ В СТУДЕНЧЕСКОМ ТЕАТРЕ, ГДЕ ПОЗНАКОМИЛСЯ СО СВОЕЙ СУПРУГОЙ.

НА ВЫПУСКНОМ КУРСЕ N ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ПОПАЛ НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД, ГДЕ ПРОРАБОТАЛ 20 ЛЕТ И ДОСЛУЖИЛСЯ ДО ДОЛЖНОСТИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ДИРЕКТОРА. ОДНАКО N ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ УЙТИ С ПРЕДПРИЯТИЯ И СВЯЗАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ С ПОЛИТИКОЙ, БАЛЛОТИРУЯСЬ НА ПОСТ ГЛАВЫ РЕГИОНА.

ЗА 4 ГОДА С МОМЕНТА ЕГО ИЗБРАНИЯ В РЕГИОНЕ ВОЗОБНОВИЛ РАБОТУ ЛАКОКРАСОЧНЫЙ ЗАВОД, КОТОРЫЙ ОБЕСПЕЧИЛ РАБОЧИМИ МЕСТАМИ БОЛЕЕ 3000 ЧЕЛОВЕК. В ОТДАЛЁННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РЕГИОНА БЫЛИ ПОСТРОЕНЫ НОВЫЕ ШКОЛЫ, ЧТО ПОЗВОЛИЛО СОКРАТИТЬ ВРЕМЯ НА ДОРОГУ ДО ШКОЛЫ С 1 ЧАСА ДО 20 МИНУТ. НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА НАХОДИТСЯ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РЕГИОНАЛЬНОЙ СТОЛИЦЫ, КОТОРЫЙ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ РАБОТ СТАНЕТ КУЛЬТУРНЫМ И ТУРИСТИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ РЕГИОНА.

Экспериментальная группа 2:

ПОЛИТИК N РОДИЛСЯ В СЕМЬЕ ЭКОНОМИСТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИСТОРИИ. ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ШКОЛЫ ОН ОТСЛУЖИЛ В АРМИИ, А ЗАТЕМ ПОСТУПИЛ НА ИНЖЕНЕРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СТОЛИЦЕ. ПАРАЛЛЕЛЬНО С ОБУЧЕНИЕМ ОН ИГРАЛ В СТУДЕНЧЕСКОМ ТЕАТРЕ, ГДЕ ПОЗНАКОМИЛСЯ СО СВОЕЙ СУПРУГОЙ.

НА ВЫПУСКНОМ КУРСЕ N ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ПОПАЛ НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД, ГДЕ ПРОРАБОТАЛ 20 ЛЕТ И ДОСЛУЖИЛСЯ ДО ДОЛЖНОСТИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ДИРЕКТОРА. ОДНАКО N ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ УЙТИ С ПРЕДПРИЯТИЯ И СВЯЗАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ С ПОЛИТИКОЙ, БАЛЛОТИРУЯСЬ НА ПОСТ ГЛАВЫ РЕГИОНА.

ЗА 4 ГОДА С МОМЕНТА ЕГО ИЗБРАНИЯ В РЕГИОНЕ ВОЗОБНОВИЛ РАБОТУ ЛАКОКРАСОЧНЫЙ ЗАВОД, КОТОРЫЙ ОБЕСПЕЧИЛ РАБОЧИМИ МЕСТАМИ БОЛЕЕ 3000 ЧЕЛОВЕК. НА ОТДАЛЁННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РЕГИОНА БЫЛИ ПОСТРОЕНЫ НОВЫЕ ШКОЛЫ, ЧТО ПОЗВОЛИЛО СОКРАТИТЬ ВРЕМЯ НА ДОРОГУ ДО ШКОЛЫ С 1 ЧАСА ДО 20 МИНУТ. НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА НАХОДИТСЯ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РЕГИОНАЛЬНОЙ СТОЛИЦЫ, КОТОРЫЙ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ РАБОТ СТАНЕТ КУЛЬТУРНЫМ И ТУРИСТИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ РЕГИОНА.

ПРИ ЭТОМ СТАЛИ ИЗВЕСТНЫ ФАКТЫ ТОГО, ЧТО ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ ГУБЕРНАТОР N НАЗНАЧИЛ НА ПОСТ МИНИСТРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СВОЮ РОДНУЮ СЕСТРУ, КОТОРАЯ ДО ЭТОГО РАБОТАЛА В ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ КРУПНОЙ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ В РЕГИОНЕ.

Экспериментальная группа 3:

ПОЛИТИК N РОДИЛСЯ В СЕМЬЕ ЭКОНОМИСТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИСТОРИИ. ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ШКОЛЫ ОН ОТСЛУЖИЛ В АРМИИ, А ЗАТЕМ ПОСТУПИЛ НА ИНЖЕНЕРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СТОЛИЦЕ. ПАРАЛЛЕЛЬНО С ОБУЧЕНИЕМ ОН ИГРАЛ В СТУДЕНЧЕСКОМ ТЕАТРЕ, ГДЕ ПОЗНАКОМИЛСЯ СО СВОЕЙ СУПРУГОЙ.

НА ВЫПУСКНОМ КУРСЕ N ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ПОПАЛ НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД, ГДЕ ПРОРАБОТАЛ 20 ЛЕТ И ДОСЛУЖИЛСЯ ДО ДОЛЖНОСТИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ДИРЕКТОРА. ОДНАКО N ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ УЙТИ С ПРЕДПРИЯТИЯ И СВЯЗАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ С ПОЛИТИКОЙ, БАЛЛОТИРУЯСЬ НА ПОСТ ГЛАВЫ РЕГИОНА.

ЗА 4 ГОДА С МОМЕНТА ЕГО ИЗБРАНИЯ В РЕГИОНЕ ПРЕКРАТИЛ РАБОТУ ЛАКОКРАСОЧНЫЙ ЗАВОД, И БОЛЕЕ 3000 ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА ОСТАЛИСЬ БЕЗ РАБОЧИХ МЕСТ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ОПТИМИЗАЦИИ БЫЛИ ЗАКРЫТЫ ШКОЛЫ, ЧТО УВЕЛИЧИЛО ВРЕМЯ НА ДОРОГУ ДО ШКОЛЫ С 20 МИНУТ ДО 1 ЧАСА В СРЕДНЕМ. ОБЕЩАННАЯ ВО ВРЕМЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ ГОНКИ РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА РЕГИОНАЛЬНОЙ СТОЛИЦЫ ТАК И НЕ НАЧАЛАСЬ.

Экспериментальная группа 4:

ПОЛИТИК N РОДИЛСЯ В СЕМЬЕ ЭКОНОМИСТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИСТОРИИ. ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ШКОЛЫ ОН ОТСЛУЖИЛ В АРМИИ, А ЗАТЕМ ПОСТУПИЛ НА ИНЖЕНЕРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СТОЛИЦЕ. ПАРАЛЛЕЛЬНО С ОБУЧЕНИЕМ ОН ИГРАЛ В СТУДЕНЧЕСКОМ ТЕАТРЕ, ГДЕ ПОЗНАКОМИЛСЯ СО СВОЕЙ СУПРУГОЙ.

НА ВЫПУСКНОМ КУРСЕ N ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ПОПАЛ НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД, ГДЕ ПРОРАБОТАЛ 20 ЛЕТ И ДОСЛУЖИЛСЯ ДО ДОЛЖНОСТИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ДИРЕКТОРА. ОДНАКО N ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ УЙТИ С ПРЕДПРИЯТИЯ И СВЯЗАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ С ПОЛИТИКОЙ, БАЛЛОТИРУЯСЬ НА ПОСТ ГЛАВЫ РЕГИОНА.

ЗА 4 ГОДА С МОМЕНТА ЕГО ИЗБРАНИЯ В РЕГИОНЕ ПРЕКРАТИЛ РАБОТУ ЛАКОКРАСОЧНЫЙ ЗАВОД, И БОЛЕЕ 3000 ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА ОСТАЛИСЬ БЕЗ РАБОЧИХ МЕСТ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ОПТИМИЗАЦИИ БЫЛИ ЗАКРЫТЫ ШКОЛЫ, ЧТО УВЕЛИЧИЛО ВРЕМЯ НА ДОРОГУ ДО ШКОЛЫ С 20 МИНУТ ДО 1 ЧАСА В СРЕДНЕМ. ОБЕЩАННАЯ ВО ВРЕМЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ ГОНКИ РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА РЕГИОНАЛЬНОЙ СТОЛИЦЫ ТАК И НЕ НАЧАЛАСЬ.

ПРИ ЭТОМ СТАЛИ ИЗВЕСТНЫ ФАКТЫ ТОГО, ЧТО ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ ГУБЕРНАТОР N НАЗНАЧИЛ НА ПОСТ МИНИСТРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СВОЮ РОДНУЮ СЕСТРУ, КОТОРАЯ ДО ЭТОГО РАБОТАЛА В ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ КРУПНОЙ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ В РЕГИОНЕ.

Статья поступила в редакцию: 21.10.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

**CONFLICT OF INTEREST, POLICY EFFECTIVENESS, AND ELECTORAL SUPPORT:
EVIDENCE FROM A SURVEY EXPERIMENT**

E. A. Sedashov, K. A. Krikunov

E. A. Sedashov, Ph.D., Assistant Professor, School of Politics and Governance,
HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: esedashov@hse.ru (ORCID: 0000-0002-1022-6375. ResearcherID: AAA-9915-2019).

K. A. Krikunov, Ph.D. student at Doctoral School of Political Science,
HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: kristina.krikunov@yandex.ru.ru (ORCID: 0000-0001-5305-246X. ResearcherID: U-5458-2018).

Abstract

The article is devoted to the study of the influence of the facts of conflict of interest on the electoral support of politicians. To identify causality in the Russian sample, a vignette experiment was conducted, in which respondents received various facts about the biography of candidates. Respondents were asked to answer questions about the attractiveness of politicians and the potential desire to vote for them based on the information received. According to the results of the study, it was found that the disclosure of the facts of the existence of a conflict of interest has a direct impact on the level of support for candidates in individual cases. The effect is significant if the politician has previously demonstrated high performance in the implementation of socio-economic policy. On the contrary, potential voters turned out to be tolerant of information about a conflict of interest in case of inefficiency of politicians in previous periods. The empirical results obtained are partially consistent with previous experiments in other countries and contribute to the discussion about building the election campaign of incumbents. Separately, the article highlights the methodological features of conducting experiments in the social sciences, including the potential limitations imposed by the chosen design on the interpretation of the empirical results obtained.

Keywords: conflict of interest; corruption; electoral support; candidate positioning; experimental design; comparison of means; causal analysis.

УДК: 328(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-39-48

ДЕТЕРМИНАНТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ ДЕПУТАТОВ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Р. С. Мухаметов

Мухаметов Руслан Салихович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Екатеринбург, Россия.

E-mail: muhametov.ru@mail.ru (ORCID: 0000-0002-5175-8300. ResearcherID: M-7158-2016).

Аннотация

Оценивается законодательная эффективность парламентариев в России. Автор стремится найти ответы на вопрос, какие факторы определяют законодательную эффективность депутатов? Представлены результаты оценки влияния на законодательную эффективность членства в партии парламентского большинства, формального статуса во внутрипарламентской иерархии, наличия опыта работы в легислатурах, а также юридического образования. Эмпирическая основа исследования – данные об «эффективности» депутатов двух региональных парламентов: Санкт-Петербурга и Кировской области. Методом исследования является регрессионный анализ. Результаты исследования говорят, что на законодательную успешность парламентариев влияют членство в партии большинства или работа в качестве председателя комитета или лидера партии большинства, а также предыдущий опыт работы в законодательной сфере. Законодательная эффективность повышается с увеличением срока пребывания депутата в должности. Автор приходит к заключению, что институциональные характеристики, которые делают некоторых депутатов более эффективными законодателями, чем другие, имеет значение для более полного понимания политического представительства и формирования государственной политики.

Ключевые слова: депутаты; законодательная инициатива; парламент; законотворческий процесс; Единая Россия; политология права.

Изучение законотворчества всегда было важной предметной областью в политической науке. Ряд исследователей даже предлагают выделить изучение целого ряда проблем на стыке политологии и юриспруденции в такую специализированную дисциплину, как юридическая политология или политология права (Сунгуров и Семикова, 2017). Многие международные и национальные ассоциации политологов (например, Международная ассоциация политических наук, Европейский консорциум политических исследований, Американская ассоциация политических наук, Ассоциации политических исследований Великобритании) имеют постоянные комитеты / группы по законодательным исследованиям и изучению парламентов. Существует ряд авторитетных журналов, которые специализируются на законодательных исследованиях в области политических наук. К ним можно отнести Журнал законодательных исследований (Journal of Legislative Studies), Ежеквартальник законодательных исследований (Legislative Studies Quarterly), Австралийское парламентское обозрение (Australasian Parliamentary Review), Парламентские дела (Parliamentary Affairs) и т.д.

Центральной темой является взаимосвязь избирательных систем и поведения парламентариев (Нix, 2004; Stegmaier et al., 2016). Другим тематическим направлением выступает изучение правил и процедур парламентской деятельности (Crombez & Nix, 2015). Стоит отметить и исследования деятельности партий в легислатурах (Cox & McCubbins, 1993). В отечественной политической науке область законодательных исследований в последнее время также активно развивается (Помигуев и Алексеев, 2021). Работы российских и зарубежных политологов посвящены анализу роли политических партий в законодательной деятельности (Устинкин и Царевский, 2010; Шульман, 2015¹); влияния внутрипарламентских структур на повестку дня и законодательные инициативы (Помигуев, 2016); участия органов исполнительной власти и главы государства в законотворческом процессе

(Гаджимагомедов и Ивлиев, 2008; Шувалов, 2004); поведения российских парламентариев (Reuter & Gandhi, 2015; Reuter & Szakonyi, 2019).

Обзор отечественных и зарубежных академических работ показывает, что пока без должного внимания остается такое тематическое направление, как законодательная эффективность российских парламентариев. Необходимо отметить, что в России рядом «фабрик мыслей» созданы несколько рейтингов законотворческой активности федеральных парламентариев: «Рейтинг законотворцев» Института социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), Рейтинг законотворческой активности членов Совета Федерации Федерального собрания РФ Института социальных исследований и развития гражданских инициатив, а также Коэффициенты полезности депутатов Госдумы сайта «Депутат.клуб». Однако академические исследования проблемы эффективности работы парламентариев развиты слабо, и это вызывает стремление закрыть имеющийся вакуум. Исходя из всего вышесказанного, можно сформулировать ряд исследовательских вопросов. Почему одни парламентарии более успешны в деле продвижения своих законодательных инициатив, чем другие? Каковы корреляты законодательного успеха? Становятся ли депутаты более эффективными с наличием парламентского опыта? Являются ли депутаты от партии / фракции «Единая Россия» более эффективными законодателями? Получение ответов на эти вопросы и составляет цель настоящего исследования. Для ее достижения были собраны данные о законотворческой деятельности депутатов двух региональных парламентов (Санкт-Петербурга и Кировской области). Главный аргумент настоящего исследования состоит в том, что существуют три ключевых компонента, которые необходимы, чтобы стать высокоэффективным депутатом. Наиболее успешными в законодательном плане являются члены партии парламентского большинства, депутаты, занимающие руководящие посты в ассамблее, а также имеющие опыт законотворческой (парламентской) деятельности. Результаты данного исследования расширяют наше понимание детерминант законодательной эффективности российских парламентариев.

Структура статьи выглядит следующим образом. Первая часть посвящена концептуальным основам. Во второй части рассматриваются основные теоретические подходы к объяснению законодательной эффективности и сформулированы рабочие гипотезы. Переменные, источники данных и методы анализа представлены в третьем разделе. В четвертой части изложены результаты эмпирического анализа. Наконец, основные выводы раскрыты в заключении.

Концепция и измерение эффективности законодателей

Данная работа основывается на подходах других ученых, которые стремились измерить и изучить законодательную эффективность парламентариев. Концепция законодательной эффективности, или кто успешно продвигает свои законопроекты посредством законодательного процесса, уже давно изучается американскими учеными. основополагающий подход в этой области был предложен Д. Мэтьюзом в его исследовании Сената США, в котором он создал индекс «законодательной эффективности», чтобы измерить «способность принимать свои законопроекты» и отразить «эффективность члена как законодателя» (Matthews, 1960). К вопросу эффективности законодательства в современной Палате представителей и Сенате обращались и другие исследователи (Frantzych, 1979; Meyer, 1980).

Необходимо отметить, что эффективность законодателя может измеряться по-разному. Начиная с исследования Мэтьюза, многие измеряли эффективность законодательства путем расчета процента законопроектов, инициированных депутатом, которые становятся законом. Другие ученые, опираясь на работу С. Францича, измеряли законодательную эффективность, сосредоточив внимание на количестве (а не проценте) законопроектов, вносимых депутатом, которые проходят различные контрольные показатели в парламенте / палате ассамблеи (Anderson et al., 2003; Cox & Terry 2008; Moore & Thomas 1991). О. Акирав перечисляет три способа измерения законодательной эффективности: 1) количество представленных законопроектов; 2) количество законопроектов, прошедших предварительное слушание; 3) количество законопроектов, которые стали законом (Akirav, 2016).

К. Волден и А. Уайзман разработали новый подход к измерению законодательной эффективности парламентария. Они характеризуют его как «доказанную способность продвигать пункты повестки дня члена через законодательный процесс и в закон» (Volden & Wiseman, 2014: 18). В таком понимании законодательная эффективность депутата состоит из четырех компонентов: доказанная способность, совершенствование законодательства, пункты повестки дня и продвижение законодательного процесса в закон. В целом, оценка эффективности законодателя – это сводный показатель того,

насколько успешным является отдельный парламентарий в деле продвижения своего законопроекта, законодательной повестки в палате легислатуры по сравнению с другими депутатами (Volden & Wiseman, 2018).

Некоторые исследователи при определении эффективности парламентариев полагаются не на законодательные акты, а на опросные методы исследования, а также интервью с журналистами, политологами, лоббистами и создают индивидуальные репутационные рейтинги (Hamm et al., 1983; Mi-quel & Snyder, 2006). Другие ученые определяют успех законодателя, оценивая способность парламентария распространять федеральные расходы для своих избирателей (Anzia & Berry, 2011). Тем не менее, большинство американских исследователей оценивают эффективность парламентариев через долю законопроектов: 1) внесенных; 2) получивших одобрение в комитете; 3) одобренных палатой парламента; 4) прошедших Сенат и (5) ставших законами.

В данной работе под законодательной эффективностью понимается способность вносить такие законодательные инициативы, которые получают одобрение со стороны большинства членов парламента. В литературе термины законодательная эффективность и законодательный успех взаимозаменяемы. Последний термин определяется как способность продвигать законопроекты, преодолевать потенциальное вето комитета и/или парламента (Kirkland, 2011). Часть исследователей проводят различие между законодательным успехом и законодательной эффективностью. Законодательная эффективность означает, что парламентарий смог добиться того, чтобы политическая цель, соответствующая его или ее собственным предпочтениям, была закреплена в законе. Законодательный успех заключается в поддержке законопроекта, который выбран в качестве законодательного средства (Hasecke & Mусoff, 2007). Другие ученые заменили законодательную эффективность законодательной производительностью (Akigav, 2016).

Теоретические соображения и рабочие гипотезы

Для объяснения законодательной эффективности был выдвинут ряд теорий и подходов. В первых, положительное влияние на эффективность оказывает членство в партии большинства. М. Шефтер различает два класса политических партий – «внешне мобилизованные» и «внутренне мобилизованные» партии. Первые создаются лидерами, которые не занимают руководящих постов в органах исполнительной власти, но стремятся проложить себе путь на вершину властной вертикали путем мобилизации и организации массового электората. Внутренне мобилизованные партии основаны политиками, которые занимают руководящие должности во властной иерархии и обязуются мобилизовать и организовать народное движение за собой. Лидеры таких партий проводят такую мобилизацию либо потому, что они стремятся обеспечить свою власть над правительством перед лицом вызова со стороны мобилизованной извне партии, либо потому, что в правящем классе страны происходит серьезный раскол, и каждая сторона стремится сокрушить своих противников, взывая к народной поддержке (Shefter, 1994). Г. Голосов считает, что «партии власти» создавались для уменьшения нестабильности президентско-парламентской системы правления и установления президентского контроля над парламентом. Наличие «партии власти» как партии парламентского большинства ведет к максимизации влияния президента на законодательный процесс (Голосов и Лихтенштейн, 2001). Одной из функций доминирующей партии является представление интересов режима при выработке политики (Roberts, 2012). Под доминирующей партией подразумевают партию в недемократическом государстве, которая контролирует доступ ко многим, но не обязательно ко всем, важным политическим должностям, разделяет полномочия по выработке политики и распределению патронажа, а также использует привилегированный доступ к государственным ресурсам для поддержания своей позиции у власти (Reuter & Turovsky, 2014: 666). Вторым преимуществом для правителей и элит, предоставляемым доминирующей партией, является обеспечение стабильного большинства в законодательных органах (как национальных, так и субнациональных). Таким образом, если партия большинства является способной оказывать влияние на законодательный процесс, тогда стоит ожидать, что парламентарии от такой партии будут более эффективны при продвижении своих законопроектов, чем члены партии меньшинства. Члены партии большинства и комитета пользуются преимуществами, поскольку им легче преодолевать препятствия в законодательном процессе.

Второй фактор – это формальные руководящие должности в законодательном органе. Считается, что партийные лидеры, председатели комитетов являются более эффективными при принятии и блокировании законодательства, чем другие депутаты. Парламент / палата парламента имеет внутренние органы и подразделения. Возглавляет легислатуру, организует ее работу и ведет заседания

председатель (спикер). В осуществлении этих и других полномочий ему помогают несколько заместителей. Постоянными структурными подразделениями ассамблеи являются комитеты и комиссии, во главе которых находятся председатели и его замы. В парламенте депутаты могут создавать объединения (фракции), как правило, по признаку партийной принадлежности. Во главе такой группы стоит руководитель. Эти должности являются выборными. Статусный подход к объяснению дифференциации законодательной эффективности депутатов предполагает, что способность продвигать инициированные законопроекты зависит от формального статуса парламентария, т.е. чем выше статус народного избранника, тем выше вероятность принятия его законопроектов. Законопроекты высокопоставленных депутатов имеют наибольшие шансы получить одобрение других парламентариев и стать законом, поскольку высокий статус позволяет осуществлять больший контроль над законодательной повесткой и набрать голоса, необходимые для принятия. Парламентские лидеры способны оказывать влияние на законодательный процесс путем принудительного «выкручивания рук», чтобы заставить членов проголосовать за их законопроект. Наиболее успешными в законодательном плане являются высокопоставленные члены.

Третий фактор, объясняющий законодательный успех, связан с наличием опыта законотворческой работы. Теория социального научения, которая была сформулирована А. Бандурой, утверждает, что люди могут учиться, наблюдая за поведением других людей. А. Бандура выделил три основных механизма наблюдательного обучения: 1) живая модель, т.е. реальный человек, транслирующий поведение; 2) вербальная модель обучения, включающая рассказ о деталях и описаниях поведения; 3) символическая модель, т.е. реальный или вымышленный персонаж, демонстрирующий поведение в фильмах, книгах, радио, онлайн-СМИ и других медиа-источниках (Бандура, 2000). Исходя из теории социального научения, можно предполагать, что законодатели, которые ранее работали в законодательных органах, являются более эффективными, чем законодатели без подобного опыта. Эффективность – это талант, который может быть приобретенным и культивируемым с течением времени. Работа в законодательных и представительных органах может служить учебными площадками для депутатов, чтобы развивать навыки, которые помогут им в построении более успешной парламентской карьеры. Депутаты, проводящие больше времени в парламенте, должны стать лучше и эффективнее в законотворчестве, т.к. они получают информацию относительно вопросов и предпочтений других членов. Более опытные законодатели должны лучше ориентироваться в нюансах законодательной политики. Кроме того, законодательная эффективность может быть связана с наличием высшего юридического образования у парламентария.

Таким образом, на основе имеющихся исследований были выдвинуты четыре рабочие гипотезы:

Гипотеза 1. Законодательная эффективность депутатов, входящих во фракцию «Единой России», выше, чем парламентариев, принадлежащих другим фракциям.

Гипотеза 2. Чем выше статус народного избранника, тем выше вероятность принятия его законопроектов.

Гипотеза 3. Парламентарии, исполняющие полномочия депутата два и более срока, обладают большей законодательной эффективностью, чем те, кто имеют статус депутата первый срок.

Гипотеза 4. Вероятность принятия законопроекта выше, если депутат, выступивший с законодательной инициативой, имеет высшее юридическое образование.

Переменные, источники данных и методы анализа

В данном исследовании зависимой переменной является законодательная эффективность парламентария. Она была операционализирована через: 1) количество принятых законопроектов депутата, т.е. проектов нормативно-правовых актов, ставших законами (Модель 1 и 3); 2) долю принятых законопроектов от общей численности внесенных законопроектов (Модель 2 и 4). Выбор подсчета законодательной эффективности такими способами обусловлен наличием доступных данных. Необходимо отметить, что при подсчете эффективности законотворческой деятельности парламентариев учитывались только проекты законов. Проекты постановлений, заявлений, решений и обращений легислатуры были исключены из анализа. Подсчет осуществлялся следующим образом: каждому принятому законопроекту присваивалось значение 1; затем рассматривалось количество авторов из числа депутатов; в случае наличия нескольких субъектов законодательной инициативы единица делилась на число соавторов.

В настоящей работе были определены четыре независимых переменных:

- 1) «Фракция» – переменная, которая отражает принадлежность парламентария к партии парламентского большинства, к «Единой России»;
- 2) «Статус» – переменная, показывающая статус депутата во внутрипарламентской иерархии;
- 3) «Опыт» – переменная, которая указывает на наличие предшествующего парламентского опыта у депутата;
- 4) «Образование» – переменная, отражающая наличие или отсутствие юридического образования у законодателя.

Кроме того, целесообразно контролировать такие переменные, как гендер и избирательная система. Подробная информация по объясняющим переменным представлена в табл. 1.

Таблица 1

Объясняющие переменные, используемые в регрессионном анализе

Название	Тип	Описание	Предполагаемая взаимосвязь
«Фракция»	Независимая	Значение 1 присуждается депутатам, входящим во фракцию «партии власти», а значение 0 – все остальным парламентариям.	Положительная
«Статус»	Независимая	Значение 1 присуждается депутатам, являющимися руководителями фракций, председателями комитетов, руководителями ассамблей, а значение 0 – все остальным парламентариям.	Положительная
«Опыт»	Независимая	Если депутат имел опыт парламентской деятельности, то получает значение 1; если нет, то 0.	Положительная
«Образование»	Независимая	При наличии юридического образования значение принимает 1, при отсутствии – 0.	Положительная

Объектом исследования выступили депутаты двух региональных парламентов – Законодательное собрание Санкт-Петербурга и Кировская областная дума. Их выбор обусловлен двумя причинами. Во-первых, выборы в каждую из ассамблей проходят по разным избирательным системам – по пропорциональной и смешанной системе соответственно. Во-вторых, доступностью информации из открытых источников о законотворческой деятельности депутатов этих легислатур. В исследовании рассматривались депутаты региональной легислатуры Санкт-Петербурга V созыва (2011–2016) и Кировской областной думы шестого созыва (2016–2021). Источниками данных выступили официальные сайты законодательных органов, а также Сервис информации по выборам и кандидатам, Российская энциклопедия кандидатов.

Описательная статистика переменных, которая показывает среднее значение, медиану, стандартную ошибку, минимальное и максимальное значения, представлена в табл. 2–4. Для проверки выдвинутых рабочих гипотез применен метод множественной линейной регрессии. Регрессионный анализ является наиболее широко используемым статистическим методом для исследования или оценки взаимосвязи зависимых и набора независимых объясняющих переменных. Анализ данных был осуществлен в прикладном программном пакете GRETЛ.

Таблица 2

Дескриптивная статистика по зависимым переменным

Модель	Среднее значение	Медиана	Стандартная ошибка	Минимум	Максимум
1	2,3144	0,535	0,554	0	20,8
2	27,701	23,4	3,92	0	100
3	1,9	1	0,42	0	13,2
4	56,42	90,9	6,5	0	100

Таблица 3

**Дескриптивная статистика по переменным Модели 1 и 2
(Законодательное собрание Санкт-Петербурга)**

Переменные	Среднее значение	Медиана	Стандартная ошибка	Минимум	Максимум
Партия	0,36	0	0,06	0	1
Руководство	0,2	0	0,05	0	1
Опыт	0,68	1	0,06	0	1
Образование	0,24	0	0,06	0	1
Пол	0,76	2	0,06	0	1

Таблица 4

**Дескриптивная статистика по переменным Модели 3 и 4
(Кировская областная дума)**

Переменные	Среднее значение	Медиана	Стандартная ошибка	Минимум	Максимум
Партия	0,66	1	0,06	0	1
Руководство	0,17	0	0,05	0	1
Опыт	0,56	1	0,07	0	1
Образование	0,19	0	0,05	0	1
Пол	0,82	1	0,05	0	1
Избирательная система	0,56	1	0,07	0	1

Результаты анализа и обсуждение

В рамках исследования факторов, которые оказывают влияние на эффективность законотворческой деятельности депутатов, был получен ряд результатов (представлены в табл. 5).

Таблица 5

Результаты эмпирического анализа

Переменные	Санкт-Петербург (пропорциональная система)		Киров (смешанная система)	
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Партия	2,33992** (1,08671)	21,6440*** (8,26760)	-0,893965 (0,716122)	38,8719*** (14,5405)
Руководство	3,75108*** (1,82796)	18,4253* (9,12981)	5,13966*** (1,40888)	26,0786* (12,3908)
Опыт	-1,99240* (0,963423)	-18,9578** (8,55987)	-0,574863 (0,627394)	-12,8331 (9,83573)
Образования	0,944163* (1,20055)	1,73567 (10,2836)	-0,734036 (0,982968)	-32,3341** (14,3805)
Пол	-0,144015 (0,109222)	-1,03058 (1,23435)	0,101906 (0,913719)	7,33174 (15,6448)
Изб система	-	-	1,81433** (0,789354)	6,44054 (13,9065)
Const	1,98830* (1,05932)	29,6882*** (8,44580)	0,951054 (0,973002)	29,8440* (16,9655)
R-квадрат	0,262553	0,254082	0,459908	0,343529
Sig.	*p<0,1; **p<0,05; ***p<0,01			

Во-первых, нашла подтверждение первая гипотеза о связи между законодательной эффективностью депутатов и их принадлежностью к фракции партии «Единая Россия». Было обнаружено, что членство в партии парламентского большинства положительно влияет на количество и долю принятых законопроектов. Во-вторых, переменная «Руководство» имеет положительную высокую степень корреляции с законодательной эффективностью: чем выше формальный статус депутата во внутрипарламентской иерархии, тем выше вероятность принятия его законопроектов. Это подтверждает вторую рабочую гипотезу исследования. Наконец, третья гипотеза, согласно которой парламентарии, исполняющие полномочия депутата два и более срока, обладают большей законодательной эффективностью, чем те, кто имеют статус депутата первый срок, получила подтверждение только на данных работы депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга, которые избирались по системе пропорционального представительства. Остальные независимые и фиктивные переменные оказались незначимы. Необходимо отметить, что R-квадрат находится в промежутке 0,25–0,46, что указывает на то, что построенные регрессионные модели объясняют 25–46% случаев.

Необходимо отметить, что результаты данной работы согласуются с многолетними исследованиями, основанными на данных американских законодателей (Anderson et al., 2003). Членство в партии большинства, работа в качестве председателя комитета или лидера фракции имеют значение для законодательной эффективности парламентария. Старшинство является доминирующим объяснением поддержки законопроектов. Старшие законодатели, как правило, более активны и успешны в своей деятельности, чем младшие депутаты. Депутаты от партии парламентского большинства и руководители комитетов пользуются преимуществами, поскольку им легче преодолевать препятствия в законодательном процессе. Опыт, который высокопоставленные законодатели приобретают за годы работы в парламенте, также помогает им понимать правила игры, преодолевать препятствия, с которыми они сталкиваются, и учиться идти на компромисс, когда это необходимо (Bratton & Haunie, 1999). Эти выводы имеют важные последствия для аргументов о сроках полномочий, занимаемым выборным должностным лицом.

То, что образовательный фактор не получил своего подтверждения, можно связать с формальным положением парламентариев. Согласно законодательству, которое регулирует статус выборного должностного лица, депутаты вправе иметь помощников в штате парламента. Так, у депутатов Госдумы может быть до семи помощников, в том числе два – по работе в нижней палате легислатуры. Представить, что таким помощником является специалист по правовым вопросам, обязанность которого состоит в подготовке текстов законопроектов и сопроводительных документов, легко. В этом случае отсутствие юридического образования у парламентария не является критически важным фактором для законодательной эффективности.

Основываясь на полученных результатах, можно сделать ряд выводов: во-первых, исследование позволило получить представление об измерении эффективности работы законодателей в России. Во-вторых, результаты подтверждают выводы исследований, рассмотренных в литературе, подразумевая, что законодательные атрибуты в парламентах субъектов РФ имеют сходство с законодательными атрибутами других стран.

* * *

В данной работе было проведено эмпирическое тестирование оценки влияния принадлежности депутата к партии парламентского большинства и руководству легислатуры, опыта законотворческой деятельности и наличия юридического образования на продвижение законопроектов. Учет количественных данных проводился регрессионным анализом. Результаты проведенного исследования позволили сделать ряд выводов. Во-первых, законодатели, которые занимают руководящие должности (председатели комитетов, руководители фракций), обладают большей законодательной эффективностью, чем «простые» парламентарии. Во-вторых, члены партии парламентского большинства являются более успешными в законотворческой сфере, чем те, кто входит во фракции политической оппозиции. В-третьих, эффективность резко возрастает с увеличением срока полномочий парламентариев. Основные положения данного исследования дополняют и уточняют более ранние выводы, которые можно встретить в научной литературе. Однако настоящее исследование характеризуется рядом ограничений, главным из которых является то, что при оценке законодательной эффективности рассматривались только законопроекты, инициируемые депутатами.

Список литературы / References

- Бандура, А. (2000) *Теория социального научения*. Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ. [Bandura, A. (2000) *Theory of social learning* [Teoriia sotsial'nogo naucheniia]. St. Petersburg: EURASIA. (In Russ.)].
- Гаджимагомедов, Г. А., Ивлиев, Г. П. (2008) *Участие Правительства Российской Федерации в законодательной деятельности*. Москва: Норма. [Gadzhimagomedov, G.A., Ivliev, G. P. (2008) *Participation of the Government of the Russian Federation in legislative activity* [Uchastie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii v zakonodatel'noi deiatel'nosti]. Moscow: Norma. (In Russ.)].
- Голосов, Г. В., Лихтенштейн, А. В. (2001) 'Партии власти и российский институциональный дизайн: теоретический анализ', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 6–15. [Golosov, G. V., Lichtenstein, A.V. (2001) 'Parties of power' and Russian institutional design: theoretical analysis' [Partii vlasti" i rossiiskii institutsional'nyi dizain: teoreticheskii analiz], *Polis. Political studies*, 1, pp. 6–15. (In Russ.)].
- Помигуев, И. А., Алексеев, Д. В. (2021) 'Обнуление законопроектов: дисконтинуитет как технология блокирования политических решений', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 176–191. [Pomiguev, I. A., Alekseev, D. V. (2021) 'Zeroing bills: discounting as a technology for blocking political decisions' [Obnulenie zakonoproektov: diskontinuitet kak tekhnologiya blokirovaniia politicheskikh reshenii], *Polis. Political studies*, 4, pp. 176–191. (In Russ.)].
- Помигуев, И. А. (2016) 'Совет Государственной думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель?', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 171–183. [Pomiguev, I. A. (2016) 'Council of the State Duma: is the real veto player or a technical performer?' [Sovet Gosudarstvennoi Dumy: real'nyi veto-igrok ili tekhnicheskii ispolnitel?], *Polis. Political studies*, 2, pp. 171–183. (In Russ.)].
- Помигуев, И. А., Фомин, И. В., Мальцев, А. М. (2021) 'Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности', *Политическая наука*, 4, сс. 31–59. [Pomiguev, I. A., Fomin, I. V., Maltsev, A. M. (2021) 'Network approach in legislative research: promising methods of qualitative and quantitative analysis of parliamentary activity' [Setevoi podkhod v zakonodatel'nykh issledovaniakh: perspektivnye metody kachestvennogo i kolichestvennogo analiza parlamentskoi deiatel'nosti], *Political Science*, 4, pp. 31–59. (In Russ.)].
- Сунгуров, А. Ю., Семикова, А. Е. (2017) 'Юридическая политология или политология права: эскиз исследовательского поля', *Общественные науки и современность*, 5, сс. 83–93. [Sungurov, A. Yu., Semikova, A. E. (2017) 'Legal political science or political science of law: a sketch of the research field' [Iuridicheskaiia politologiya ili politologiya prava: eskiz issledovatel'skogo polia], *Social sciences and modernity*, 5, pp. 83–93. (In Russ.)].
- Устинкин, С. В., Царевский, С. Н. (2010) 'К вопросу оценки влияния политических партий на процесс принятия решений в Государственной думе Российской Федерации', *Власть*, 8, сс. 106–109. [Ustinkin, S. V., Tsarevsky, S. N. (2010) 'On the issue of assessing the influence of political parties on the decision-making process in the State Duma of the Russian Federation' [K voprosu otsenki vliianiia politicheskikh partii na protsess priniatiia reshenii v Gosudarstvennoi Dume Rossiiskoi Federatsii], *Power*, 8, pp. 106–109. (In Russ.)].
- Шувалов, И. И. (2004) *Правительство Российской Федерации в законотворческом процессе*. Москва: Норма. [Shuvalov, I. I. (2004) *The Government of the Russian Federation in the legislative process* [Pravitel'stvo Rossiiskoi Federatsii v zakonotvorcheskom protsesse]. Moscow: Norm. (In Russ.)].
- Шульман, Е. М. (2015) 'Фракции, комитеты, аппарат: участие парламентских партий в законотворческом процессе', *Политическая наука*, 1, сс. 172–185. [Shulman, E. M. (2015) 'Fractions, committees, apparatus: participation of parliamentary parties in the legislative process' [Fraktsii, komitety, apparat: uchastie parlamentskikh partii v zakonotvorcheskom protsesse], *Political Science*, 1, pp. 172–185. (In Russ.)].

- Akirav, O. (2016) 'What Do Representatives Produce? Work Profiles of Representatives', *Party Politics*, 3, pp. 289–99.
- Anderson, W. D., Box-Steffensmeier, J. M., Sinclair-Chapman V. (2003) 'The Keys to Legislative Success in the U.S. House of Representatives', *Legislative Studies Quarterly*, 3, pp. 357–386.
- Anzia, S. F., Berry, C. R. (2011) 'The Jackie (and Jill) Robinson Effect: Why Do Congresswomen Outperform Congressmen?', *American Journal of Political Science*, 3, pp. 478–493.
- Bratton, K. A., Haynie, K. L. (1999) 'Agenda Setting and Legislative Success in State Legislatures: The Effects of Gender and Race', *Journal of Politics*, 3, pp. 658–679.
- Crombez, C., Hix, S. (2015) 'Legislative activity and gridlock in the European Union', *British Journal of Political Science*, 3, pp. 477–499.
- Cox, G., Magar, E. (1999) 'How much is majority status in the US Congress worth?', *American Political Science Review*, 2, pp. 299–309.
- Cox, G., McCubbins, M. (1993) *Legislative Leviathan: Party Government in the House*. Berkeley: University of California Press.
- Cox, G., Terry, W. (2008) 'Legislative Productivity in the 93rd–105th Congresses', *Legislative Studies Quarterly*, 4, pp. 603–618.
- Frantzich, S. (1979) 'Who Makes Our Laws? The Legislative Effectiveness of Members of the U.S. Congress', *Legislative Studies Quarterly*, 3, pp. 409–428.
- Hamm, K. E., Harme, R., Thompson R. (1983) 'Ethnic and Partisan Minorities in Two Southern State Legislatures', *Legislative Studies Quarterly*, 2, pp. 177–189.
- Hasecke, E. B., Mycoff, J. D. (2007) 'Party Loyalty and Legislative Success: Are Loyal Majority Party Members More Successful in the U.S. House of Representatives?', *Political Research Quarterly*, 4, pp. 607–617.
- Hix, S. (2004) 'Electoral Institutions and Legislative Behavior: Explaining Voting Defection in the European Parliament', *World Politics*, 56, pp. 194–223.
- Kirkland, J. H. (2011) 'The Relational Determinants of Legislative Outcomes: Strong and Weak Ties Between Legislators', *The Journal of Politics*, 3, pp. 887–898.
- Matthews, D. R. (1960) *U.S. Senators and Their World*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Meyer, K. (1980) 'Legislative Influence: Toward Theory Development through Causal Analysis', *Legislative Studies Quarterly*, 4, pp. 563–585.
- Miquel, G. P., Snyder, J. M. (2006) 'Legislative effectiveness and Legislative Careers', *Legislative Studies Quarterly*, 3, pp. 347–381.
- Moore, M. K., Thomas, S. (1991) 'Explaining legislative success in the U.S. Senate: The role of the majority and minority parties', *Western Political Quarterly*, 4, pp. 959–970.
- Reuter, O., Gandhi, J. (2015) 'Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties', *Comparative Politics Russia*, 2, pp. 22–49.
- Reuter, O., Szakonyi, D. (2019) 'Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia', *American Political Science Review*, 2, pp. 552–568.
- Reuter, O., Turovsky, R. (2014) 'Dominant party rule and legislative leadership in authoritarian regimes', *Party Politics*, 5, pp. 663–674.
- Roberts, S. R. (2012) *Putin's United Russia Party*. London; New York: Routledge.
- Shefter, M. (1994) *Political Parties and the State: The American Historical Experience*. Princeton University Press.
- Stegmaier, M., Marcinkiewicz, K., Jankowski, M. (2016) 'The Effects of Electoral Rules on Parliamentary Behavior: A Comparative Analysis of Poland and the Czech Republic', *East European Politics & Societies*, 4, pp. 885–906.
- Volden, C., Wiseman, A. (2014) *Legislative Effectiveness in the United States Congress: The Lawmakers*. New York: Cambridge University Press.
- Volden, C., Wiseman, A. (2018) 'Legislative effectiveness in the United States Senate', *The Journal of Politics*, 2, pp. 731–735.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

**DETERMINANTS OF LEGISLATIVE EFFECTIVENESS OF RUSSIAN DEPUTIES:
EMPIRICAL ANALYSIS**

R. S. Mukhametov

R. S. Mukhametov, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science,
Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: muhametov.ru@mail.ru (ORCID: 0000-0002-5175-8300. ResearcherID: M-7158-2016).

Abstract

The article evaluates the legislative effectiveness of parliamentarians in Russia. The author seeks to find answers to the question: what factors determine the legislative effectiveness of deputies? The article presents the results of assessing the impact of membership in the parliamentary majority party, formal status in the internal parliamentary hierarchy, work experience in legislatures, as well as legal education on legislative success. The study is grounded on the data on the "effectiveness" of deputies of two regional parliaments – St. Petersburg and the Kirov region. The work is based on regression analysis. The results of the study show that membership in the majority party, a position of a chairman of the committee or a leader of the majority party, as well as the previous experience in the legislative sphere are factors influencing the legislative success of a parliamentarian. Also, legislative efficiency rises with an increase of a deputy's term in office. The author concludes that the institutional characteristics that make some deputies more effective legislators than others are crucial for the development of a more profound understanding of political representation and public policy-making.

Keywords: deputies; legislative initiative; parliament; law-making process; United Russia; political science of law.

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-49-59

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ США В РАМКАХ ЮНГИАНСКОЙ МОДЕЛИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДУШИ

Е. В. Булипопова

Булипопова Екатерина Валерьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела философии,

Институт философии и права УрО РАН, Россия, Екатеринбург.

E-mail: aerocat@inbox.ru (ORCID: 0000-0002-9941-2798. ResearcherID: rid38085).

Аннотация

Анализируется политическая мифология США, ее основные символы, архетипы и сюжеты в рамках оригинальной методологической модели – так называемой «карты коллективной души», разработанной М. Стайном на основе психоаналитической теории К.Г. Юнга. Автор применяет юнгианскую модель к исследованию политико-мифологического материала, основываясь на объективной общности корней, из которых произрастают как разнообразные социально-политические мифы, так и индивидуальные архетипические содержания. Эта общая почва – пространство коллективного бессознательного, территория специфической массовой психодинамики, где травма порождает комплекс, а комплекс продуцирует миф. Исследование американской политической мифологии с этой точки зрения дает ценный теоретический материал, помогающий понять специфику ментальности, идентичности американцев, а также модели, на которых выстраивается популярный политический дискурс США.

Ключевые слова: коллективное бессознательное; политическая мифология; политическая психология; политическая мифология США; политический миф; юнгианство; архетип.

Проблематика политической мифологии уже многие десятилетия не покидает страницы ведущих отечественных и иностранных журналов, демонстрируя неизбежность как научного интереса к мифу, так и самого мифа. В то же время традиционные – социологический и структурно-антропологический – исследовательские подходы на сегодняшний день выглядят недостаточными для научного освоения такого многослойного предмета исследования, как политический миф. Во время круглого стола, посвященного политической мифологии, доктор философских наук В. А. Луков совершенно справедливо отметил: «Социологи, по существу, не хотят погружаться в глубины массовой психологии, они предоставляют в наше распоряжение только «мнения». Но мы мало знаем о том, какие эмоциональные состояния вытекают в недрах социальной психологии. Между тем надо увидеть миф в его технологии» (Политическая мифология, 2012).

Необходимость введения в научный оборот модели, учитывающей и психологическое измерение мифа, привела автора статьи к идее обратиться к глубинной психологии и экстраполировать теоретико-методологические основы юнгианского психоанализа на область политологических исследований. В данной статье предпринимается попытка применения юнгианской модели под названием «карта коллективной души» к исследованию политической мифологии США. Ценностные основы, проявления и символы американского мифа являются предметом интеллектуального исследования едва ли не с момента зарождения государства. Это удобный и компактный объект исследования, т.к. политико-мифологическая традиция США четко определена хронологическими рамками существования страны. Кроме того, данная традиция изначально хорошо документировалась в памятниках общественно-политической мысли, значимых документах и региональной литературе.

Новизна и научная ценность статьи состоит в принципиально новом для политологии опыте исследования американской политической мифологии как системы в рамках методологической модели, которую психолог Мюррей Стайн назвал «юнговской картой души» (Стайн, 2018). Новая точка зрения на систематизацию архетипического и мифологического материала дает возможность для прогнозирования в рамках логики мифов, узнаваемых в модели. Интеграция ранее исследованных

концептов из области социальных наук (миф, архетип) с областью психологии как внутренней реальности индивида или группы (комплекс, травма) способствует формированию целостной схемы взаимодействия внутреннего мира сообщества (ценностей, представлений, эмоций) и внешнего (символов, ритуалов, деклараций, поведения и т.п.).

Методология исследования

В данной статье политические мифы США исследуются в структуралистском ключе с применением новой для политологии теоретико-методологической модели, заимствованной из сферы глубинного психоанализа, которую автор именует юнгианской картой коллективной души. **Юнгианская (юнговская) карта души** – теоретическая модель, разработанная Мюрреем Стайном на основе трудов К. Г. Юнга. В этой схеме архетипы выступают как топонимы определенных областей коллективного бессознательного и обозначают некоторые зоны сосредоточения психической энергии. Карта души, применяемая, по мнению автора статьи, и к коллективной психике, являет собой «внутренний» ландшафт мира, основу мировоззрения и мировосприятия индивида или группы. Этот «внутренний мир» существует параллельно «внешней» реальности, что совпадает в общих чертах с положениями классического структурализма, но в случае с юнгианством типы внутренних структур уже исследованы, аналитику остается лишь методом амплификации подобрать нужные образы, мифологические мотивы и символы для внешней репрезентации внутреннего бессознательного содержания.

Необходимо дать определения также важным для понимания модели концептам:

Архетип – это область коллективного бессознательного, которая вмещает в самой обобщенной форме всю полноту человеческого опыта: психоэмоциональных состояний, представлений, образов, поведенческих паттернов вплоть до сценариев судьбы, связанных с каким-либо аспектом бытия.

Архетипика – специфический для конкретного человека или сообщества набор архетипических образов и сюжетов.

Понятие архетип, таким образом, соотносится с архетипикой как четко очерченная на карте область – с самой картой. Нам представляется, что концепция архетипики подходит для анализа содержаний глубинного бессознательного у конкретно выделенного объекта (например, политика, партии, сообщества активистов, ситуация, процесс и т.п.).

Психодинамика – процесс взаимоотношения и взаимовлияния различных комплексов и архетипов бессознательного в рамках единого психического пространства (индивидуального или группового).

Комплекс – структура бессознательного, которая состоит из ассоциативных образов и затывших воспоминаний травматических моментов, погребенных в бессознательном материале и труднодоступных для Эго. Эмоции, подобно клею, удерживают в единой сети самые разные образы – личные и обломки коллективных – в едином пространстве комплекса. Ядро комплекса состоит из двух частей – «образа или следа реальной травмы в психическом и близко ассоциированной с ней врожденной (архетипической) части» (Стайн, 2018: 29).

Согласно теории Юнга, архетипическое становится частью комплекса, образованного в результате **травмы**. Если травма носит коллективный характер (война, голод, эпидемия, катастрофа и т.п.), то в таком случае увеличивается вероятность развития коллективной психопатологии, массового психоза или ментальной эпидемии. Комплексы как «двигатели» эволюции, истории, общественно-политического процесса не всегда приводят к войнам или иным иррациональным формам. Скорее, они создают интенцию, эмоциональную напряженность в конфликте интересов и потребностей разных сообществ. И только степень осознанности или бессознательности сообществ в целом определяет градус напряжения и формы, в которые конфликт в итоге выльется. Спасительная роль архетипа и символа, открытая Юнгом в рамках индивидуального психоанализа, может быть вариантом мирной трансформации напряжения в обществе (Юнг, 2010b).

Миф в контексте данной статьи понимается как бессознательный сценарий, нарратив, объединяющий в связный (хотя часто нелогичный в привычном смысле слова) сюжет разные архетипические образы, комплексы, символы.

Н.А. Медушевский отмечает, что политический миф изначально – это статический образ, который существует в обществе, но не нацелен на его трансформацию, а скорее применяется для сохранения формы мышления и поведения людей (Медушевский, 2012: 19). Миф не есть правда или ложь, это искажение (Барт, 2008). Искажающее действие травмы на сознание хорошо известно и описано в психологии. Связка «**травма-комплекс-миф**» помогает раненой психике выжить, соединяет несо-

единимое воедино, не дает сознанию расщепиться окончательно, вытесняя лишь некоторую его часть. Именно комплексы порождают стойкие мифы, и отследить работу этой цепочки можно по обломкам архетипического – символам, метафорам, образам и нарративам, включенным в общий дискурс, политический и не только.

Архетипический уровень коллективного бессознательного – это та среда, из которой рождаются значимые символы и опорные структуры любого мифа. Не так важно, родился этот миф спонтанно или был сконструирован хитроумными идеологами, вопрос приживаемости мифа в коллективном сознании связан напрямую с тем, насколько хорошо интегрированы символы и структуры мифа в общую глубинную структуру психики сообщества. Иными словами, уровень популярности мифа в сообществе, по нашей гипотезе, зависит от того, насколько хорошо логика мифа вписывается в особенности карты коллективной души, которую можно считать исходной системой координат. Возможно, со временем можно будет математически рассчитать некий коэффициент подобия отдельной мифологемы базовой мифологии сообщества, однако на данный момент мы оставляем этот вопрос за рамками статьи и ограничимся специфическим юнгианским способом анализа архетипики.

В рамках данной статьи автор провела исследование в 4 этапа:

Этап 1. Создание базы данных: выделяем «обломки» архетипического (классические мифологические конструкции и образы, символы, метафоры) в политическом дискурсе США. Корпус материала, который стал основой исследования, представлен текстами речей американских политиков и документами, значимыми произведениями американской классической литературы и кинематографа, а также аналитическими работами российских и иностранных исследователей по проблематике политической мифологии США.

Этап 2. Анализ архетипического материала и распределение его по архетипическим «локациям» на карте коллективной души – анализируем принадлежность материала к тому или иному юнгианскому архетипу.

Этап 3. Синтезирование выводов об активности в сфере политической мифологии и идеологии специфического глубинного комплекса, порожденного специфическими травмами сообщества.

Этап 4. Моделирование мифа: прогнозирование естественного развития политической ситуации на основе полученных данных об архетипике и законов глубинной психодинамики.

Анализ основных архетипов

Среди основных классических, неоднократно описанных (Иванова, 2018; Шестаков, 2012) мифов можно выделить следующие: американская мечта; фронтир (движущаяся граница); плавающий котел наций; «американский/новый Адам»; «self-made man»; страна равных возможностей; «we the people»; «Город на холме» как модель для всего мира; история Джона Смита и Покахонтас. Далее мы коротко опишем структурные элементы (архетипы и комплексы), образующие карту коллективной души, и распределим известные мифологемы в пространстве этой модели.

Эго-комплекс в юнгианской традиции понимается как совокупность представлений личности о себе. Комплексом этот элемент психики назван, исходя из соображения, что некое осознающееся «Я» получает первую травму, отделяясь от блаженного бессознательного состояния, от архетипа Самости. Осознающее «Я» не есть нечто постоянное, врожденное, наоборот, этот структурный элемент психики развивается в процессе жизни, обретает новые знания о себе в процессе вывода бессознательного материала из области Тени. Если для личности эго-комплекс – это ответ на вопрос «кто я?», то в пространстве коллективной души, для сообщества его аналогом может стать конструкт, отвечающий на вопрос «кто мы?». Важно также понимать, что эго-комплекс дрейфует в пространстве психического по сложной траектории между полюсами двух архетипов – Персоны и Самости.

В контексте исследования специфической политической культуры и, в частности, мифологии группы, эго-комплекс – это самосознание, это МЫ группы. «Кто мы?» – именно этот вопрос задает Сэмюэль Хантингтон в своей книге, размышляя о сути и вызовах национальной идентичности американцев (Хантингтон, 2004). По мнению Хантингтона, важная особенность американской идентичности – мультинациональность, субнациональность или двунациональность у подавляющего большинства граждан. Рождение американской национальной идентичности в полном объеме, по Хантингтону, произошло после Гражданской войны, а возрождение – после теракта 11 сентября 2001 года. Причины кризиса идентичности до 11 сентября – слишком большое число мигрантов и распад СССР (исчез внешний враг как фактор, стимулирующий национальное самосознание). Хотя Усама бен Ладен на время стал новым внешним врагом, проблема идентичности не решилась, однако у американ-

цев имеются и внутренние основы идентичности, например, такие ценности, как индивидуализм; стремление к личному успеху; постоянное движение, изменение, развитие; потребность в духовном порыве, в большом Вызове, в духовном крестовом походе.

Носители национального самосознания – это прежде всего рефлекслирующее сообщество, интеллигенция, создающие тексты и смыслы: ученые, университетские круги, журналисты, литераторы и т.п. Здесь рождаются не только взгляды на себя, образ себя, но во многом и варианты упрощения и мифологизации этого образа. Далее круг «носителей» национальной политической мифологии расширяется до среднего класса. Самые стойкие (читай, примитивные) мифологемы, как правило, достигают и маргинальных слоев общества. Таким образом, сеть образов и формул особенной политической мифологии покрывает весь социум. И если формула из Конституции США «we the people» – это вневременной символ демократии и «народоцентричности» американской политической мифологии, символ, который использует буквально каждый президент США в значимых речах, то оттенки смысла и наполнение формулы происходит ситуативно и зависит от идеологической принадлежности избранного главы государства¹.

К основным компонентам Эго-комплекса американцев относится и небезызвестный концепт «плавильного котла», к которому мы подробнее обратимся чуть ниже, поскольку его архетипическая основа более соответствует другому архетипу – Трансформации.

Еще один важный образ – «человек, который сам себя сделал». Хотя эта формулировка, по идее, должна звучать богохульственно для честных пуритан-креационистов, однако у американского сознания она не вызывает дискомфорта. Счастье и успех, заработанные собственным трудом, тесно связаны и с идеей американской мечты.

Архетип Персоны – частично осознаваемая социальная маска, роль, функция в обществе. Архетип Персоны – это один из двух полюсов коллективной психики, на противоположном полюсе – область Самости. Напряжение психической энергии, создаваемое движением Эго между областями Персоны и Самости порождает специфическую для мифа психодинамику, создает сильные, сакральные чувства, сопровождающие то или иное действие в бессознательном сценарии. В концепции Юнга Эго-комплекс имеет тенденцию сливаться с архетипом Персоны, и тогда индивид мыслит себя исключительно в категории социальной значимости, статуса, роли, успеха. Для сообществ подобная идентификация, базирующаяся на отделении «своих» от «других», тоже закономерна, при этом другие нередко определяются негативно (см. описание архетипа Тени).

Каков образ США для рядового гражданина? Если коротко и мифологично, то это «лучшее из государств, ориентир для других стран». Концепция «американского Адама» (или «нового Адама») лучше всего характеризует восторг американцев по поводу собственной государственности. Поселенец, героически освоивший целинные земли североамериканского континента и построивший образцово-показательное государство, почти как земля обетованная, только «само-сделанная» (self-made). К слову, и судьба у американского народа особенная – быть моделью для всего человечества, вдохновлять и вести за собой. В столь одухотворенной картине мира факты вроде обитаемости «девственной земли» или самостоятельности мироздания в целом видятся досадными мелочами, не более того. Уникальная слепота американского видения мира и культуры, умение искренне восхищаться тем, что входит в рамки выдуманного мифа, и игнорировать иное, была подмечена самими американцами. Особенно острой иронии подвергался так называемый «южный миф», рожденный в соответствующих штатах богатым воображением богатых плантаторов. Достаточно вспомнить тексты Марка Твена, Фолкнера, Стейнбека, чтобы лучше понять трагические заблуждения американского Юга о самом себе.

Какова роль и образ США в мире? Сами США думают о себе как о лидере мира, о ролевой модели для человечества. Свой реальный имидж как нации во внешнем мире рядовые американцы осознают слабо, как нам представляется, однако это не означает отсутствия рефлексии в этом направлении². Интеллектуалы в США критикуют «поведение» и «образ жизни» США в мировом про-

¹ Biden J.R. (2021) Inaugural Address (Электронный ресурс) URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/> (дата обращения: 16.10.2022).; The Constitution of the United States (Электронный ресурс) URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution> (дата обращения: 16.10.2022).; Trump D. (2017) The Inaugural Address (Электронный ресурс) URL: <https://www.politico.com/story/2017/01/full-text-donald-trump-inauguration-speech-transcript-233907> (дата обращения: 16.10.2022).

² Джефферсон, Т. (1990) 'Декларация независимости', в: Томас Джефферсон. Автобиография. Заметки о штате Виргиния / пер. с англ. В.М. Большакова, Л.: Наука, 315 с.

странстве довольно активно, что говорит о жизнеспособности «коллективной души». Способность рефлексировать, продуцировать критику и воспринимать собственные противоречия как точку роста – важный критерий психологического здоровья не только индивида, но и сообщества.

Тень – область вытесненного, нежелательного, «злого», недопустимого. Тень как внешний враг, точнее, спроецированный на другого образ «неприемлемого себя». Теневые содержания чаще всего проецируются вовне, поскольку эго-комплекс всегда склонен думать о себе как о «хорошем и приличном». Область Тени – это, безусловно, область конфликтов и драмы, пространство игры взаимных проекций, невероятно сложное для осмысления и интеграции. Тем не менее, именно в области Тени кроется и самый значительный энергетический потенциал сообщества, высвобождение которого через открытое или символическое, ритуальное столкновение противоположностей во многом становится двигателем исторического и культурного процесса.

Интересно, что изначальный идеологический враг США, каким его видели и описывали первые поселенцы, особенно пуритане – это не туземец-индеец и тем более не афро- или латиноамериканец, а европеец, закосневший в загнивающей католической традиции. Даже для специфической мифологии американского Юга негры оставались оригинальной частью пейзажа, а не полноценным субъектом, от которого отталкивается Эго в процессе самоидентификации. Другой в мифологии США – это обязательно белый человек с «иными» ценностями. В XX в. «замечательным» Врагом для США стал злобный коммунист из СССР. Отвергающий декларируемые святыни – частную собственность, рынок, индивидуализм и свободу выбора – советский человек воплотил все, что американцы старательно отвергали в себе и что было, тем не менее, очевидным признаком общества потребления: усредненное мышление, коллективные потребности и знаки статуса, пассивное следование лидерам, кумирам, «бегство от свободы», бессознательность, зависть и доноительство и т.п. Необходимо отметить, однако, в целом конструктивные отношения с Тенью в американском обществе, которое остается открытым к сложному диалогу и приятию собственных противоречий.

Анимус/Анима – области мужского/женского в глубинной психике. Тесно связаны с Анимой/Анимусом архетипы Матери и Отца, диссоциированные части которых практически в любой индивидуальной психике формируют соответственно материнский и отцовский комплексы. Тему женственного и мужского в политике не назвать чем-то новым, наоборот, она и востребована, и перспективна для исследования. Если дополнить эту тематическую область юнгианскими концептами архетипа и комплекса, то можно увидеть любопытные акценты. Например, образ Родины-матери, требующей непереносимой жертвы от своих детей, в юнгианстве однозначно понимается как архетипическое проявление деструктивного материнского комплекса, то есть огромный пласт патриотически-выверенной символики априори отходит к области коллективной патологии, а не нормы, как это навязывает традиционное этатистское мировоззрение. Еще одной любопытной сферой применения этих архетипов является вопрос о соотношении мужского и женского в архетипике сообщества, о «мистическом браке» между страной и правителем, землей и царем, народом и властью.

Женское и мужское в пространстве американской политической мифологии – это, например, легенда о Покахонтас и Джоне Смите. Не имеющая под собой реальных оснований, история любви дочери индейского вождя и белого колониста быстро стала популярной. По одной простой причине: Покахонтас выступила в роли туземной Земли, дикой и неосвоенной, которая с радостью и любовью покоряется белому пришельцу. Миф, такой же прочный и востребованный в XVIII в., как и сегодня (Морозова, 2022).

Очевидно соприкосновение мужского архетипа с содержаниями Персоны, с образом культурного Героя. В рамках популярного дискурса можно говорить даже о «срастании» этих структурных единиц, что (в юнгианской психодинамике) порождает усиление теневых тенденций, так как напряжение в системе распределено неравномерно – Эго не путешествует по гибкой траектории по оси Персона-Самость, но как будто приросло к одному из полюсов коллективной психики. В таких ситуациях Тень начинает бурную активность, чтобы привлечь внимание к иному полюсу – к Самости.

Архетип трансформации – это единственный архетип-ситуация в классификации Юнга, он характеризует особые состояния перехода, инициации, транзита. Образ **дороги** на архетипическом уровне связан с трансформацией; он же стал ключевым для американской культуры. О дороге и странниках писали и пишут в США: от детского «Домика в прериях» и романтического бродягизверобоя Фенимора Купера до «На дороге» Джека Керуака и «Земли кочевников». Начиная с архетипа первопроходца, кочевника, путешественника на Запад и концепции вечно движущейся границы

(фронтира) и заканчивая навязчивой идеей демократического транзита во внешнеполитических аспектах Великого Американского Мифа, мы имеем дело не только с метафорами из области психоанализа, но и с живым опытом трансформации, изменений, сложных и полных испытаний перемен. Жизнеспособность американской нации (чем бы она в итоге ни оказалась) заключается, не в последнюю очередь, в способности меняться, в животворящей силе истории о Страннике, Искателе лучшей доли.

Котел с древних времен был символом трансформации, изменения, омоложения (в сказках старый царь умирал в котле с кипящей жидкостью, а молодой претендент на власть выживал). Помимо этого, символика котла включает в себя такие смыслы, как инициация, испытание (Трессидер, 1999: 165). Алхимический котел также является метафорой души, где происходит взаимодействие разных чувств, содержаний и символическое рождение философского камня, Духа. Думать о себе, как о «плавильном котле» наций и народов Америка начала довольно рано; впервые эта метафора прозвучала еще в XVIII в. в «Письмах американского фермера» Де Кревекера¹. Сегодня, когда для американского общества стала очевидна принципиальная «несмешиваемость» разных культур, проживающих на территории США, метафора идентичности изменилась. Популярностью пользуется, например, сравнение американской нации с «миской с салатом», где все «ингредиенты» остаются самими собой, но вместе создают некое оригинальное «блюдо».

Архетип Самости – глубинное ядро психики и одновременно идеальный мир, царство Божие и само Божество, направляющее процесс индивидуализации личности или сообщества. Самость – это органический противовес Эго и Персоны, требующий сброса всех масок и установления вечной правды, пришествия рая как пространства гармонии, мира, справедливости. Очарование Самости, подобно божественному откровению, может очаровать Эго и увести его от внешнего мира, которое по сравнению с блестящим миром неземного выглядит пошлым и бессмысленным. Опасная одержимость сознания архетипом Самости – не редкость как для индивидуальной, так и для групповой психики. Если перенести смыслы Самости в пространство мифологии сообщества, то ее областью могут быть представления об идеальном мироустройстве, иерархии и оси мира, правде, Боге и т.п. А с учетом онтологической оппозиции Эго/Персона – Самость исследование мифологии группы может ответить на немаловажные политические вопросы: «Чего мы хотим от мира?», «Какова для нас правильная структура мироздания?», «Каковы наши базовые ценности и как мы их проявляем во внешнем мире?», «Как мы примиряем на практике высшее духовное благо и материальные потребности сообщества?» и т.п.

Первые поселенцы-пуритане, принесшие в Новый Свет концепцию Провидения и вдохновленные притчами Ветхого Завета, разумеется, оказали влияние и на формирование самобытного политического мифа об особой Миссии и роли США в мире. США уже в первых документах мыслится как модель для всего остального мира, а сами американцы как богоизбранный, уникальный народ.

Самость американцев как пространство высших ценностей сообщества воплощена также в образе «американской мечты». Без преувеличения можно сказать, что вся культура США – от популярной до элитарной, интеллектуальной – пронизана темой погони за мечтой и закономерным разочарованием. При этом Самость в психическом пространстве личности обязана оставаться недостижимой, быть вечной точкой на горизонте и путеводной звездой. Поэтому любое материалистическое представление о «земле обетованной», о богатстве и успехе как ключе к счастью на земле неизбежно приводят человека к жесточайшему разочарованию в жизни, к утрате смысла. Собственно, это и произошло с «американской мечтой» – разочарование. В неумеренной погоне за фантазией, в одержимости архетипом Самости утрачивается мудрость живой жизни, где эго-сознание должно находиться между Персоной и Самостью, но никогда не идентифицироваться с одним из архетипов. Комплекс, выстроенный вокруг Самости, и порожденный особой травмой, порождает, пожалуй, самые труднодоступные для осознающегося разума искажения. А между тем психотерапевтам хорошо известен исцеляющий потенциал несложного действия: разотождествления Эго и Самости. Этот процесс снимает очарованность, помогает понять, что Самость – это частный ориентир, частный путь и частная религия, а не всеобщая духовная магистраль.

¹ Де Кревекер, Э. С.-Дж. Письма американского фермера [Электронный ресурс] URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/pisma-amerikanskogo-fermera.php> (дата обращения: 09.12.2022)

Активность глубинных комплексов и базовые травмы

Мифы, какими бы ни были, не только заполняют пробелы в научном, рациональном знании сообщества, но и сигнализируют об активности глубинных комплексов, порожденных коллективной травмой. После анализа архетипического материала юнгианский психоаналитик переходит к этапу формулирования гипотезы о том, какие именно комплексы влияют на образ мыслей и действий клиента, каким образом можно было бы сбалансировать психодинамическую систему, поспособствовать более эффективному распределению энергии в рамках глубинной структуры психики. В применении к анализу национального психодинамического процесса США можно обозначить такие травмы и соответствующие им комплексы, как:

- травма рождения – осознание, возможно, еще смутное, отличия своего сообщества от окружения, среды, других сообществ; отстройка от «другого», формирование сначала образа другого, а затем уже образа своего собственного МЫ. Иными словами, осознание Тени (часто не просто иного, а именно врага) первично по отношению к осознанию собственной Самости, «света» самосознания – переселенцы и Война за независимость;

- травма внутреннего конфликта – крушение мифа, столкновение со сложной реальностью – сопоставима с болезненным процессом сепарации от матери, Питательная среда первичного мифа обо «всем хорошем против всего плохого» разъедается внутренними противоречиями в обществе: экономическим и социальным расслоением, критическим взглядом на реальное МЫ, часто этот реальный образ вопиющим образом противоречит мифологическому. В американской литературе существует огромный корпус материалов, который можно было бы назвать «реквиемом по американской мечте», а отправной точкой для рефлексии стала Гражданская война;

- травма внешнего конфликта. Любое военное столкновение, глобальный экономический кризис (Великая Депрессия), эпидемии – все эти значимые исторические события и процессы травмируют сообщество. Накладываясь на сложный психодинамический рисунок прошлого, новые травмы, с одной стороны, триггеруют старые раны, а с другой, ставят сообщество перед принципиально новыми вызовами, испытывают его на прочность в неожиданных, но до сего момента, относительно «здоровых» тканях коллективной психики, где за неимением выработанных психологических механизмов защиты естественным образом активируются наиболее архаические, примитивные, а вместе с ними поднимается истинно архетипический коллективный опыт в чистом виде. Движение Black Lives Matter на волне пандемического стресса – пример наложения нового вызова на старые травмы.

Если бы речь шла о конкретном человеке, то юнгианский аналитик отметил бы, что такой набор травм сформировал личность, застрявшую в специфических подростковых комплексах. Рассмотрим три основных – отцовский, материнский и комплекс Героя.

Отцовский комплекс значительно влияет на психодинамику коллективной американской души, гендер которой заметно смещен в сторону маскулинного. Отец у мифологического американца только один – Отец Небесный, Бог в ветхозаветном изводе. Отстраненный, требовательный, порой откровенной жестокий. Поскольку в центре американской мифологии стоит ветхозаветный белый мужчина, можно говорить об автоматическом наследовании сообществом всех классических маскулинных мифов. Применяя материалы юнгианства к сфере политической мифологии США, можно отметить, что любой сценарий неуспеха для такого сообщества – это знак божественного (отцовского) недовольства, клеймо вечного неудачника не только в земном измерении, но и в небесном. Это не просто депрессия смертного, это Великая Депрессия народа. Высокие стандарты Господа Бога не считаются чем-то недостижимым, скорее это мерило той самой успешности, легендарный стандарт американской мечты. Нужно ли говорить о том, что сообщество, навязавшее себе добровольно такие стандарты качества, обречено стать обществом невротиков, уповающих на антидепрессанты?

Материнский комплекс элегантно дополняет невротическую конструкцию. Образа матери как такового в американской мифологии нет, он все еще остается неосознанным, дремлет где-то в глубинах коллективного бессознательного. Учитывая специфическую Тень нашего коллективного Героя, можно предположить, что архетипической матерью американцев является Европа, однако вопрос этот открыт для дискуссии. У мужчин теневой материнский комплекс выражается в основном двумя сценариями: гомосексуализмом (избеганием женщин) и, наоборот, мачизмом в сочетании с гомофобией, потребительским отношением к женскому, стремлением унижить всех, кто не мачо. Достаточно сравнить два популярных тренда – боевики 1990-х гг. и современную «новую этику» в отношении ЛГБТ+ сообществ, чтобы нащупать большую тему американского мифа – тему непроявленной, пугающей хтонической женственности.

Комплекс Героя также применим и к анализу национальной идентичности. Комплекс Героя включает в себя такие составляющие, как подростковый бунт и идеализм, трансформацию через столкновение с Тенью, непреходящий успех – и смерть. Именно в подростковом возрасте, в активной фазе становления личности человек предпринимает сверхчеловеческое усилие, чтобы вырваться из родительской семьи, уйти в самостоятельную жизнь. Архетип Героя можно было бы назвать крайне узкой, специфической функцией психики, которая вместе со своим черно-белым видением мира должна покинуть пространство души сразу же после выполнения Миссии. Человек и общество ненормальны, пока ими руководит Герой.

Осознан ли этот комплекс самими американцами? Возможно ли это вообще в образах «нового Адама» или «self-made man»? Скорее всего, нет. Быть Героем и быть одержимым образом Героя – это разные состояния. Ориентация «само-деланного» общества на непреходящий успех порождает страх перед поражением, отвращение перед таким образом/ролью, как неудачник, лузер. Но по сравнению с успешным человеком/обществом, просто нормальный, средний – уже в некоторой степени – лузер. Это разочаровывает, исподволь порождает в сообществе носителей национального самосознания рационализированное ворчание, критику «потребителя», злую иронию над средним человеком и одновременно нереалистичные требования к обывателю.

Еще одна проблема «нового Адама» в том, что его самореализация требует чистой, девственной земли. Его реальная архетипическая Тень – это захватчик, каким любой переселенец и становится, не ведая меры в мессианском героизме. Если девственной земли не находится, то неумеренному (читай, бессознательному) Адаму проще выжечь и разрушить, построить новое на пепелище, чем решить накопившиеся проблемы. По сути бегство первых поселенцев в Новый Свет было также бегством от проблем и сложностей Старого Света. И Адам все еще бежит, демонстративно приветствуя «вызовы и возможности» будущего, но избегая остановок, рефлексий и решения наболевших проблем, которые тянутся за ним из прошлого подобно бесконечному каравану первых переселенцев, идущему на заветный Запад. Единственным прибежищем иллюзий, где возможно еще осуществление идеи фронта, продвижения к новым границам, осталась внешняя политика, где США на официальном уровне поддерживают ветхозаветный дискурс о борьбе против мирового зла и заодно служат примером для других стран, по преимуществу, в вопросах неограниченного насилия, применения практики двойных стандартов и пренебрежительного отношения к суверенитету более слабых государств. Герой как функция просвещения, окультуривания, «оплодотворения» дикости цивилизацией должен в итоге умереть, иначе создаваемый им мир не сможет жить спокойно. Если не умрет Герой, то умрет мир. Тематика Апокалипсиса и Судного дня невероятно актуальна для американского мифа, это неизменный крайний предел инфантильных мечтаний о Рае, обустроенном по собственному хотению: если не будет по-моему, то не будет никак.

К Адаму есть вопросы и в плане трансформации: почему она всегда внешняя, но не внутренняя? По своему типу Адам относится к сформированному, статичному персонажу, который не претерпевает внутренней эволюции. Если реальный Герой переходит от квеста к квесту, от вызова к вызову, то мифологическая траектория Адама сводится к неудачной женитьбе и изгнанию со старого места жительства. То есть основная претензия к этому образу в том, что он... изначально не Герой. Итог получается занятный: комплекс Героя есть, а образа, символа, в котором он мог бы быть осмыслен, нет.

Моделирование американского политического мифа

Переходя к этапу моделирования сценариев на основе мифологических тенденций, отметим важные интегральные черты американского политического мифа.

1. Мифология, которую можно зафиксировать в актуальном дискурсе власти, все еще принадлежит наследию белого переселенца, причем мужчины. «Новый Адам» как будто бы не заметил, что помимо его ценностей и нарративов, вокруг сформировался целый конгломерат весьма запутанных, пестрых и противоречивых мифологий *иных* сообществ – афроамериканских, латиноамериканских, индейских, феминистских и т.п.

2. Мифология США изначально была неоднородной, региональной – на Севере родились и окрепли одни мифы, на Юге – другие. Опыт столкновения мировоззрений, мнений о себе и травма Гражданской войны по сей день остаются предметами болезненной рефлексии, философского поиска новых опор и драматического оплакивания наивной американской мечты.

3. Видимой «Тенью» для американского мифологического Героя все еще является белый человек из Европы. Европа, Старый Свет остаются объектом пассивной агрессии со стороны США, поскольку все внешнеполитические авантюры в конечном итоге опосредованно, но серьезно сказываются именно на этом регионе: потоки мигрантов, вызванные войнами на Ближнем Востоке, санкционные действия против РФ после 2014 г., ультраконсервативные тенденции (например, запрет аборт), противоречащие установившимся в Европе идеалам гуманизма.

Диалог общества с Тенью, реальной своей, а не назначенной внешней, мог бы стать эффективным способом коллективной психотерапии, путем работы с травмирующим материалом прошлого. Осознать теневое – значит в первую очередь, ответить на вопрос, какие МЫ сейчас? Именно из ответа на этот вопрос будут следовать и логики развития мифа. Что будет с конструкциями вроде «миски с салатом» и насколько вообще эти метафоры способны вести за собой – большой вопрос. Идея трансформации при всей своей наивности остается привлекательной, а символика плавильного котла – достаточно «волшебной», чтобы захватывать сознание. Причем, за пределами США этот образ выглядит максимально достоверно и привлекает в страну новые потоки иммигрантов, которые приедут, разочаруются и начнут выстраивать гибридные идентичности в рамках своей системы ценностей и мифов. Этот неостановимый процесс будет размывать традиционную мифологию изнутри – и парадоксальным образом укреплять ее для тех, кто еще не разочарован истинным положением дел. Те сообщества, что живут за пределами США и воспринимают американские сказки о себе за чистую монету, невольно станут опорами американского мифа – и понесут его дальше, в будущее.

Приглядимся к специфике старых мифологических траекторий и поищем аналогию этому процессу методом амплификации. В Ветхом Завете описан еще один праотец, чья мифологическая траектория включает и дорогу, и трансформацию, и культурное лидерство. Речь идет о Моисее, образ которого мог бы помочь «похоронить» Героя с почестями. Среди архетипов, изначально выделенных Юнгом, был Логос, разновидность Анимуса, персонифицирующий Мудрого Старца, Учителя, Дух в его путеводной и просвещающей роли. Внутренний закон, совесть или интуитивный разум, ведущий к Самости через пространство Тени – вот назначение Логоса.

Миссия Моисея – не только вести за собой «свой народ», но и трансформировать народ в процессе. Отрыв от старого мира (в мифе – от рабовладельческого Египта) и сорокалетний карантин в пустыне как бы обосновывают в том числе и исключительность – сначала евреев, а затем и американцев, у которых вместо временного карантина – океан, пространственная дистанция. По мифу Моисей не дошел до земли обетованной. Учитывая нарастающее давление на базовый миф изнутри американского общества, тенденцию к размыванию «мифологии белого переселенца» частными мифологиями этнических, расовых, гендерных сообществ, можно предположить, что инерция мифа о Герое переживет носителя.

* * *

Основные американские мифы в данной работе распределены по областям архетипов и проанализированы методом глубинной психоаналитики. Определены и описаны специфические для США коллективные травмы и порожденные ими комплексы: материнский, отцовский и комплекс Героя. Таким образом, юнгианская карта коллективной души продемонстрировала себя как эффективный инструмент для классификации и анализа архетипического и мифологического материала. Используемая модель дает неожиданные и точные метафоры, символы, которые помогают моделировать сценарии развития мифа. Яркий пример – образ Моисея, не столь ярко проявленный в американской мифологии, как образ «Нового Адама», однако имеющий потенциал в качестве трансформирующего символа для преодоления последствий травм. Образ, определенный методом амплификации после анализа архетипики и психодинамики американской политической мифологии, является, пожалуй, наиболее ценным научным знанием, поскольку имеет практическое применение в процессе, который однажды мог бы получить название коллективной психотерапии.

Список литературы / References

- Барт, Р. (2008) *Мифологии*. Москва: Академический проект. [Barthes, R. (2008) *Mythologies* [Mifologii]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)].
- Иванова, С. В. (2018) 'Мифологемы американского политического медиадискурса эпохи Д. Трампа (типологический аспект)', *Вестник ВГУ, Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, сс. 54–59. [Ivanova, S. (2018) 'Mythologemes of the American political media discourse of the D. Trump era (typological aspect)' [Mifologemy amerikanskogo politicheskogo mediadiskursa jepohi D. Trampa (tipologicheskij aspekt)], *Bulletin of the VSU, Series: linguistics and intercultural communication*, 1, pp. 54–59. (In Russ.)].
- Медушевский, Н. А. (2019) 'Политическая мифология и политика памяти: диалог систем', *Теории и проблемы политических исследований*, 8(3А), сс. 15–22 [Medushevsky, N. A. (2019) 'Political Mythology and the Politics of Memory: A Dialogue of Systems' [Politicheskaja mifologija i politika pamjati: dialog sistem], *Theories and Issues in Political Research*, 8(3A), pp. 15–22. (In Russ.)].
- Морозова, И. (2022) *Приключения американской мечты. История литературы США* (курс лекций) [электронное издание]. URL: <https://magisteria.ru/literature-of-the-usa/literature-of-american-colonies> (дата обращения: 09.12.2022). [Morozova, I. (2022) *Adventures of the American Dream. History of US Literature* (course of lectures) [Priključenija amerikanskoj mechtu. Istorija literatury SShA (kurs lekcij)] [online]. Available at: <https://magisteria.ru/literature-of-the-usa/literature-of-american-colonies> (Accessed: 9th of December 2022)]. (In Russ.)].
- 'Политическая мифология: рубрика «круглый стол»' (2012), *Вестник аналитики*, 2(48), сс. 89–112. ['Political mythology: round table column' (2012) [Politicheskaja mifologija: rubrika «kruglyj stol»], *Bulletin of Analytics*, 2(48), pp. 89–112. (In Russ.)].
- Стайн, М. (2018) *Юнговская карта души. Введение в аналитическую психологию*, Москва: Когито-Центр [Stein, M. (2018) *Jung's map of the soul. Introduction to analytical psychology* [Jungovskaja karta dushi. Vvedenie v analiticheskiju psihologiju]. Moscow: Kogito-Center. (In Russ.)].
- Трессидер, Дж. (1999) *Словарь символов*. Москва. [Tressider, J. (1999) *Symbol Dictionary* [Slovar' simvolov]. Moscow. (In Russ.)].
- Хантингтон, С. (2004) *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. Москва: ООО «Издательство АСТ». [Huntington, S. (2004) *Who are we? Challenges of American National Identity* [Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti]. Moscow: AST Publishing Company. (In Russ.)].
- Шестаков, В. П. (2012) 'Американская культура: в поисках национальной идентичности', *Культурологический журнал*, 4(10) [электронное издание]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-kultura-v-poiskah-natsionalnoy-identichnosti-chast-2> (дата обращения: 09.12.2022). [Shestakov, V. P. (2012) 'American culture: in search of national identity' [Amerikanskaja kul'tura: v poiskah nacional'noj identichnosti], *Cultural Journal*, 4(10) [electronic edition]. Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-kultura-v-poiskah-natsionalnoy-identichnosti-chast-2> (Accessed 9 December 2022)]. (In Russ.)].
- Юнг, К. Г. (2010а) *Психология бессознательного*. Москва: Когито-Центр. [Jung, K. G. (2010a) *Psychology of the Unconscious* [Psihologija bessoznatel'nogo]. Moscow: Kogito-Center. (In Russ.)].
- Юнг, К. Г. (2010б) *Символическая жизнь*. Москва: Когито-Центр. [Jung, K. G. (2010b) *Symbolic Life* [Simvolicheskaja zhizn']. Moscow: Kogito-Center. (In Russ.)].

Статья поступила в редакцию: 05.11.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

US POLITICAL MYTHOLOGY WITHIN JUNGIAN MODEL OF THE COLLECTIVE SOUL

E. V. Bulipopova

E. V. Bulipopova, Candidate in Political Science, Fellow at the Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: aerocat@inbox.ru (ORCID: 0000-0002-9941-2798. ResearcherID: rid38085).

Abstract

In this article, the US political mythology, its main symbols, archetypes and plots are analyzed within the framework of the original methodological model - the so-called "map of the collective soul", developed by M. Stein on the basis of the psychoanalytic theory of K.G. Jung. The author applies the Jungian model to the study of political and mythological material, based on the objective commonality of the roots from which both various socio-political myths and individual archetypal contents grow. This common ground is the space of the collective unconscious, the territory of a specific mass psychodynamics, where trauma gives rise to a complex, and a complex produces a myth. The study of American political mythology from this point of view provides valuable theoretical material that helps to understand the specifics of the mentality and identity of Americans, as well as the models on which the popular US political discourse is built.

Keywords: collective unconscious; political mythology; political psychology; US political mythology; political myth; Jungianism; archetype.

УДК: 327(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-60-69

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В УКРАИНЕ КАК ФАКТОР РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Д. С. Плотников

Плотников Дмитрий Сергеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: plotnikov.perm@mail.ru (ORCID: 0000-0001-6846-044X).

Аннотация

Распад СССР, по словам Президента РФ В. В. Путина, явился «величайшей геополитической катастрофой XX в.». Особенно болезненным для российской идентификационной матрицы стало отделение от России Беларуси и Украины. В статье характеризуется процесс, когда после распада СССР власти Украины взяли курс на формирование монолингвистической стратегии, суть которой заключалась в формуле «Єдина мова – єдина держава» (один язык – одна страна), где язык воспринимается в качестве стержня национальной идентичности и национального возрождения. Автор указывает, что данная языковая политика встречает острое неприятие в России, воспринимается как инструмент по «перековыванию» идентичности русского населения, оказавшегося в результате распада СССР за пределами границ современной России. Материалы статьи подтверждают тезис о том, что украинская языковая политика служит фактором трансформации не только украинской, но и российской идентичности. Идея защиты русскоговорящего населения приобрела идеологические формы, воплотившись в концепции «русского мира». В статье проанализирована реакция ведущих политических акторов Украины на компромиссный вариант решения языкового вопроса, выразившийся в принятии закона о «региональных языках» в 2012 г. Отмена нормы о региональных языках в 2014 г. стала одной из причин противостояния России и Украины, а события 2022 г. привели к новому развороту в языковой политике в Украине, использованию украинского языка в качестве ключевого маркера идентичности и ресурса политической борьбы.

Ключевые слова: идентичность; российско-украинские отношения; языковая политика; внешняя политика; русификация; украинизация; внешняя политика.

Язык воспринимается в качестве ключевого элемента идентичности человека, сквозь систему символов которого индивид ассоциирует себя с той или иной культурной общностью и государством. Австрийский исследователь Людвиг Витгенштейн рассматривал язык в рамках картины мира, через которую мы воспринимаем нашу реальность, при этом «границы моего языка – границы моего мира» (Витгенштейн, 2005: 125). В результате он разработал «замысловатую и сложную изобразительную теорию языка, которая легла в основу идеи о том, что предложение представляет собой картину или модель действительности» (Талалаева, 2018: 150).

Языковая политика в данной статье понимается как система мероприятий и законодательных актов, проводимая властями и/или общественными институтами страны, которые ставят перед собой определённые социально-языковые цели. К последним относятся: изменение или сохранение существующих функционально-языковых норм, а также поддержка языков. Как указывает Н.В. Борисова, «язык является условием возникновения этнической общности, символом и защитой группового единства, сохранения этнокультурной самобытности, является одним из факторов самоидентификации индивида и формирования групповой идентичности, что позволяет относить язык к феноменам политики» (Борисова, 2017: 7). При этом подчеркивается, что «исследователи часто сопоставляют «борьбу за язык» с этнополитическими конфликтами, где «язык как маркер этничности выступает в качестве ресурса политической борьбы»» (Борисова, 2017: 8).

Все вышесказанное справедливо и по отношению к постсоветскому пространству, где политические элиты новообразовавшихся государств, стремясь сконструировать лояльную собственным ценностям идентичность, «принялись формировать моноязыковую политику, невзирая на полиэтни-

ную мозаику государств, образовавшихся после распада СССР» (Плотников, 2018: 63). Проблема языковой политики в Украине освещается в работах как российских, так и украинских исследователей (Зимова, 2017; Касьянов, 2019; Колода, 2020; Кулик, 2008; Кулик, 2018; Оньша, 2013; Погребинский, Толпыго, 2007; Снежкова, 2021 и др.). Как правило, она включается в контекст анализа политических процессов в Украине. Существенное внимание этой теме уделяется и западными учеными (Barrington, 2022; Guglielmi, 2020; Riabchuk, 2016; Sasse & Lackner, 2019). Цель данной статьи – на основании изучения языковой политики Украины рассмотреть, каким образом языковой фактор влияет на трансформацию российско-украинских отношений. Источниками для написания статьи послужили выступления, заявления и интервью политических акторов России и Украины (президентов РФ и Украины, депутатов, общественных деятелей); нормативно-правовые акты, касающиеся языковой политики (Конституция Украины 1996 г, Конституция Республики Крым от 1994 г., Закон «О региональных языках» 2012 г, Закон о языке 2018 г., рекомендации Венецианской комиссии и пр.); материалы украинских и российских СМИ и статистические данные относительно поддержки той или иной языковой стратегии властей и пр. Структура статьи основана на темпоральных критериях и состоит из трех частей, последовательно описывающих языковую политику в Украине в контексте политики идентичности и реакции на нее российских политических акторов.

Языковая политика в Украине в 1991–2004 гг. и ее влияние на трансформацию политической идентичности в России

К периоду распада СССР в лингвистическом отношении Украина представляла собой двуязычную страну, где русский язык был распространен в крупных административных и промышленных центрах (особенно на юго-востоке страны), а украинский – в селах и западных областях. Если в России распад СССР трактуется официальными властями как «геополитическая катастрофа», то в Украине, особенно в западных и центральных областях, появление независимого украинского государства приветствовалось. При этом языковая и социокультурная разнородность Украины создавала сложности в вопросах выработки культурно-гуманитарной политики. Л. Баррингтон отмечает, что в Украине в результате советской языковой политики сложились три крупных этнолингвистических группы: «украиноязычные украинцы, русскоязычные украинцы и русскоязычные русские» (Barrington, 2022: 3). Повсеместное использование в быту и делопроизводстве русского языка в восточных и южных регионах Украины сочеталось с широким использованием суржика в центральных регионах и абсолютном доминировании украинского языка в западной Украине.

Территориальная разнородность при концентрации вопросов выработки и принятия решений в Киеве способствовала обострению языковой тематики, повсеместно использовавшейся политическими акторами для мобилизации электората накануне парламентских и президентских выборов. Сразу после образования независимой Украины культурно-гуманитарные вопросы были переданы под контроль бывших советских диссидентов – националистов, провозгласивших в качестве цели языковой политики – возрождение украинского языка. Украинский историк Г. Касьянов отмечает: «Среди части национальной интеллигенции и политиков национал-демократического и националистического толка сложилось мнение о том, что беды и несчастья Украины обусловлены... нерешительностью и непоследовательностью в деле строительства нации, прежде всего в языковом вопросе» (Касьянов, 2019: 160).

В 1989 году Верховный Совет УССР принял закон о языке, где провозгласил украинский язык в качестве единственного государственного, подчеркнув, что «украинский язык является одним из решающих факторов национальной самобытности украинского народа. Украинская ССР обеспечивает украинскому языку статус государственного с целью содействия всестороннему развитию духовных творческих сил украинского народа, гарантирование его суверенного национально-государственного будущего»¹. Переход делопроизводства, образования и работы органов власти исключительно на украинский язык обуславливал рост протестных настроений на востоке страны, а также в Крыму. Автономный статус Крыма привел к обострению противоречий между Симферополем и Киевом сразу после обретения Украиной независимости. 6 мая 1992 г. была принята Конституция Республики Крым, где помимо широких полномочий указывалось в ст. 6, что «официальным языком делопроизводства является русский язык. Государственными языками в Республике Крым

¹ Закон Української Радянської Соціалістичної Республіки (1989) *Верховная Рада Украины, Ведомости Верховного Совета УССР (ВВР), Приложение к N 45, ст. 631.* [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/8312-11#Text> (дата обращения: 17.11.2022).

являются крымско-татарский, русский и украинский языки»¹. В 1994–1995 гг. Киеву удалось силовым путем навязать собственные правила игры политическим элитам Крыма, что означало, в том числе, отмену государственного статуса русского языка. Обращения к руководству России о поддержке населения Крыма в тот момент были проигнорированы в Москве ввиду как общего вектора России на сближение с Европой и США, так и из-за внутренних противоречий.

Пиком противостояния по языковому вопросу на востоке Украины стал 1994 г., когда в Луганской и Донецкой областях наряду с выборами в Верховную Раду прошел «совещательный опрос», где вместе с вопросами федерализации Украины поднималась языковая тематика. В анкету был включен вопрос «Согласны ли вы с тем, чтобы на территории Донецкой (Луганской) области языком работы, делопроизводства и документации, а также образования и науки был русский язык наряду с украинским?». Положительно на него ответили 87,16% принявших участие жителей Донецкой области и 90,38% Луганской области². Итоги данных опросов были проигнорированы официальными властями в Киеве, продолжившими курс на украинизацию. Статус украинского языка как единственного государственного был закреплен в ст. 10 Конституции Украины, принятой в 1996 г.³

Л. Кучма, пришедший к власти благодаря поддержке юго-восточных регионов страны в 1994 г. и использовавший тему двуязычия в ходе избирательной кампании,⁴ не придал русскому языку официального статуса. Ко второй половине 1990-х гг. образовался ряд политических партий, стремившихся использовать языковую тематику для мобилизации электората. «Левые» партии, такие как Коммунистическая партия Украины, Прогрессивная социалистическая партия Украины и Партия регионов, отстаивали идеи придания русскому языку статуса второго государственного, благодаря чему расширяли уровень социальной поддержки в юго-восточных регионах страны. В западных и центральных областях, напротив, сложились партии, выступавшие против придания официального статуса русскому языку и настаивающие на продолжении украинизации (Народный Рух Украины, в дальнейшем вошедший в блок «Наша Украина»; Блок Юлии Тимошенко, ВО Свобода и др.). Использование языкового вопроса в популистских целях стало повседневностью в украинском политическом процессе на рубеже тысячелетий. Политические акторы активно использовали языковой вопрос для мобилизации электората и в 2000-е гг. В 2001–2002 годах представители администраций Днепропетровской, Луганской областей выдвигали инициативы о проведении референдума о статусе русского языка как второго государственного. В 2006 и 2007 годах. Партия регионов также заявляла о необходимости провести референдум о статусе русского языка⁵ и начинала сбор подписей⁶. Данные инициативы не имели должного продолжения (в отличие от Беларуси и Латвии, где тема статуса русского языка все же была вынесена на референдум).

Правящие политические элиты России на протяжении 1990-х гг. стремились выстраивать добрососедские отношения с руководством Украины, не раздражая власти в Киеве поддержкой сепаратистских тенденций в Крыму или движений, стремившихся придать русскому языку официальный статус. Вопросы защиты русскоязычного населения Украины поднимались политиками «второго эшелона» (такими, как мэр Москвы Ю. Лужков, лидер ЛДПР В. Жириновский) или политиками маргинального толка (лидер НБП Э. Лимонов, основатель движения «Память» и РНЕ А. Баркашов и пр.). Принципиальные изменения отношения российских властей как к положению русскоязычных в Украине, так и в целом к украинской власти произошли только после «Оранжевой революции», ставшей своеобразным рубежом в отношениях между двумя странами, в том числе и в культурно-гуманитарной сфере.

¹ Конституция Республики Крым. Принята седьмой сессией Верховного Совета Крыма 6 мая 1992 г. (1992). *«Ведомости ВС Крыма»*, 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1992konst.htm> (дата обращения: 15.11.2022).

² Донбасс: забытый референдум-1994 (2015) *Российское информационное агентство Накануне.ру* [Электронный ресурс]. URL: <https://ukraina.ru/20150328/1012556635.html> (дата обращения: 15.11.2022).

³ Конституція України (2020) (Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1996, № 30, ст. 141) 28 июня 1996 г. № 254к/96-ВР. *Сайт Верховной Рады Украины* [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text> (дата обращения: 19.11.2022).

⁴ Как боролись за русский язык на Украине (2012) *Коммерсантъ*, 5 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1973785> (дата обращения: 15.11.2022).

⁵ На Украине пройдет референдум "За русский язык и против НАТО" (2007) *Сайт телеканала РБК*, 6 сент. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2007/5703c8e59a79470eaf766cf8> (дата обращения: 15.11.2022).

⁶ Крым собрал 300 тысяч подписей за референдум о русском языке (2006) *Всероссийская общественно-политическая газета Лентаком.ру*, 10 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.com.ru/news/83.html> (дата обращения: 15.11.2022).

Украинская языковая политика в контексте революций 2004 и 2014 гг. как фактор обострения взаимоотношений России и Украины

«Оранжевая революция» представляла собой ценностный разрыв с советским прошлым, сочетающийся с европейской мечтой украинцев. Пришедший к власти в результате революции В. Ющенко стоял на принципах евроатлантизма и умеренного украинского национализма. Он осуществил административную революцию, расставив на ключевые должности в органах власти лиц с подобными ему взглядами так называемых «просвещенных сознательных украинцев» («свідомі люди»), непременным атрибутом которых выступали идеи соборности и национализма. В пропрезидентскую партию «Наша Украина» входил ряд националистических организаций, таких, как Народный Рух Украины или Конгресс Украинских националистов. Вместе с тем, как справедливо отмечает В.В. Оньша, «взгляды руководства КУН и президента В. Ющенко расходились по ряду весьма важных вопросов» (Оньша, 2013: 136). По мнению М. Погребинского и А. Толпыго, «соборность в понимании украинских националистов означает нечто большее, нежели государственное единство или даже сильную централизованную власть. Подразумевается, что все украинцы должны, сверх того, жить в едином гомогенном культурном пространстве, иметь единый государственный язык» (Погребинский, 2007: 37). Для «возрождения» украинских ценностей в период президентства В.Ющенко интенсифицировалась политика украинизации, предполагающая ускоренный переход системы образования, работы органов власти и СМИ на украинский язык. Снежкова И.А. указывает, что «после прихода к власти президента В. Ющенко ситуация резко изменилась. Были изданы многочисленные указы, ограничивавшие употребление русского языка на Украине. Радикальным изменениям подвергся институт образования. В школах, средних и высших профессиональных учебных заведениях украинское руководство поставило своей целью вытеснить русский язык из образовательного пространства и «украинизировать» подрастающие поколения граждан страны, в т.ч. и русских по происхождению» (Снежкова, 2021: 334). При этом В.Ющенко стремился соединить европейские устремления Украины с монолингвистической стратегией внутри страны, заявив, что: «потеря языка – это потеря нации, это потеря основ национального строительства, и поэтому мы в этом вопросе проводим ту политику, которая относится к европейским стандартам...у нас есть единственный государственный язык – он есть и будет украинским»¹.

Более радикальной позиции придерживались представители националистической партии ВО Свобода. В частности, И. Фарион в ходе избирательной кампании в 2006–2007 гг. говорила, что «русский язык в Украине не может быть ни региональным, ни вторым государственным, а лишь оккупантским»². Подобная риторика, однако, не помогла ни И. Фарион, ни ВО Свобода попасть в парламент. Высказывания И. Фарион и других представителей националистического спектра украинской политики широко тиражировались в России, демонстрируя «разгул национализма» в соседней стране. Обострение языкового вопроса происходило на фоне роста российско-украинских противоречий, вызванных комплексом факторов, включая акцент внимания на преступлениях советского режима, трактовки Голодомора как сознательного геноцида русскими украинцев, героизации УПА и пр.

Поражение В. Ющенко на президентских выборах 2010 г. и приход к власти В. Януковича способствовали смягчению культурно-гуманитарных вопросов, вызывавших озабоченность в России. Потепление российско-украинских отношений в период 2010–2013 гг. выразилось в целом ряде событий, среди которых подписание Харьковских соглашений, совместные военные парады, более частые визиты первых лиц и пр. В области языковой политики представители правящей Партии регионов вернулись к обсуждению темы двуязычия Украины. В феврале 2012 г. депутаты от этой партии С. Кивалов и В. Колесниченко внесли в Верховную Раду законопроект «Об основах государственной языковой политики»³, который был одобрен и вступил в силу в августе того же года. Согласно закону, региональные и муниципальные органы власти могут вводить так называемые «региональные языки» (ст 7), если более 10% населения считают этот язык родным. «Региональный язык» при этом используется в муниципалитетах и областях Украины наравне с государственным⁴. Таким образом,

¹ Виктор Ющенко: русский не будет государственным языком (2006). *Интернет-издание newsru.com*, 27 авг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/world/27aug2006/yaz.html> (дата обращения: 15.11.2020).

² Ирина Фарион призвала львовян к «агрессивному сопротивлению против всего москальского» (2006). *Интернет-издание Знак, 11 дек.* [Электронный ресурс]. URL: <http://zik.com.ua/ru/news/2006/12/11/113146> (дата обращения: 15.11.2020).

³ Закон Украины «Об основах государственной языковой политики» (2020). *Верховная Рада Украины* [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5029-17#Text> (дата обращения: 15.11.2022).

⁴ Там же. Ст. 7, п. 6.

был принят компромиссный вариант, при котором регионы Украины, где доминирует русский язык, могут воспользоваться данной нормой, тогда как территории западной и центральной Украины могут сохранить монополию украинского языка. Данной правовой нормой воспользовался ряд регионов страны, что фактически означало следование принципам двуязычия в данных регионах. При этом в южных и восточных областях русский язык фактически уравнивался в правах с украинским, помимо этого, на региональном уровне в качестве государственного могли быть признаны крымско-татарский, венгерский и румынский/молдавский языки, а русинский язык мог быть наделен особым статусом. Имплементация этого закона означала децентрализацию языковой политики, что должно было способствовать сглаживанию противоречий внутри страны. Уже в августе 2012 г. законом о языках воспользовались региональные органы власти в Одесской области, городе Севастополе, Запорожской, Луганской, Донецкой, Харьковской, Днепропетровской, Херсонской и Николаевской областях. Часть районов Черновицкой и Закарпатской областей признали в качестве «региональных» румынский и венгерский языки.

Закон о региональных языках расколол украинское общество. Против закона высказались не только представители националистического фланга, но и многие общественные деятели, включая трех экс-президентов Украины (Л. Кравчук, Л. Кучма и В. Ющенко), писателей и ученых (И. Драч, И. Дзюба, М. Маринович, М. Попович, Е. Сверстюк, В. Скуратовский, И. Юхновский и др.) По мнению противников закона, данный нормативно-правовой акт подрывал целостность и соборность Украины, работая на распад страны. Л. Кравчук так высказался по поводу закона о региональных языках: «Сегодня закон, за который они проголосовали, ставит одну практическую задачу: расширить применение языка русского за счет украинского. Этого нельзя допустить»¹. Прокомментировал закон и Л. Кучма: «Этот закон не работает на национальную идею и независимость украинского государства... Я все время был сторонником того, что язык государственный должен быть одним»². В. Ющенко, характеризуя закон о языках, был еще более категоричен: «Это означает даже не русификацию, ибо о тех регионах, тринадцати, о которых сейчас идет речь, они и так уже русифицированы. Там российская Украина уже сделана. А речь идет об обратном процессе – деукраинизации, что там не появляется правового основания внедрять в тех или иных обстоятельствах украинский язык»³.

Таким образом, Закон о региональных языках вскрыл существующие страхи в украинском обществе, касающиеся того, что без поддержки государства украинский язык будет не в состоянии конкурировать с русским и уравнивание этих двух языков будет означать постепенное вытеснение украинского языка за счет русского. Спикер Верховной Рады В. Литвин подчеркивал: «Мы прекрасно понимаем, что в нынешней ситуации, если гипотетически предположить введение второго государственного языка – русского, у нас фактически останется один государственный язык – русский. Украинский язык не выдержит конкуренции в научной сфере, информационной сфере и в сфере коммуникативной»⁴. Противники закона подчеркивали, что закрепление региональных языковых различий подрывает идею соборности Украины, что угрожает ее целостности и подстегивает региональный сепаратизм. Показательна в этом плане реакция одного из лидеров крымско-татарской общины, главы меджлиса М. Джемилева. По его словам, если русский получит особый статус в регионах Украины, то у этнических украинцев не будет стимула изучать родной язык. «Не будет этого стимула и у крымских татар, поскольку они владеют русским языком не хуже самих русских»⁵. Украинский политолог В. Кулик ставит вопрос шире, говоря не только о русском языке, но и о российской культуре в целом: «Надо признать, русской культуры в нашей жизни было слишком много. Ее долю надо радикально снижать. Это следствие империи...если наш путь лежит в Европу, то нам нужна не россий-

¹ Кравчук про мовний закон: Не можна цього допустити (2012). *Львовская интернет-газета Zaxid.net*, 1 сент. [Электронный ресурс]. URL: https://zaxid.net/kravchuk_pro_movniy_zakon_ne_mozhna_tsogo_dopustiti_n1261423 (дата обращения: 15.11.2022).

² Недавно принятый Закон Украины "Об основах государственной языковой политики" не работает на национальную идею (2012). *Укринформ*, 21 июля. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ukrinform.ru/rubric-society/1388568-yazykoviy_zakon_ne_rabotaet_na_natsionalnuyu_ideyu_kuchma_1444333.html (дата обращения: 15.11.2022).

³ Ющенко: Закон о языках чреват не русификацией, а деукраинизацией (2012). *Интернет-газета Ліга.новини*, 14 июля [Электронный ресурс]. URL: https://news.liga.net/politics/news/yushchenko_zakon_o_yazykakh_chrevat_ne_rusifikatsiy_no_deukrainizatsiy (дата обращения: 15.11.2022).

⁴ Языковая политика: Литвин считает неуместными дискуссии о втором государственном языке (2010). *Корреспондент.нет*, 12 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/1056361-yazykovaya-politika-litvin-schitaet-neumestnymi-diskussii-o-vtorom-gosudarstvennom-yazyke> (дата обращения: 15.11.2022).

⁵ Проголосованный закон о языках неприемлем для крымских татар (2012). *Информационное агентство Уніан*, 5 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unian.net/society/669725-progolosovannyiy-zakon-o-yazykah-nepriemlem-dlya-krymskih-tatar.html> (дата обращения: 15.11.2022).

ская, а европейская культура. А в целом, программная установка – прочь от Москвы – должна существовать на всех уровнях, иначе никогда мы не перережем пуповины» (Кулик, 2018).

После победы Евромайदानа закон о региональных языках был отменен, что повлекло за собой усиление страхов русскоязычного населения южных и восточных областей Украины относительно политического курса революционных властей. Таким образом, действовавший полтора года закон о региональных языках представлял собой упущенный шанс для Украины выйти за рамки навязывания искусственного моноязычия, по существу отказаться от этнической модели нацистроительства, перейдя к гражданским трактовкам нации. Этот путь предполагал выстраивание сложного диалога между различными регионами страны с неминуемой децентрализацией. Украинское общество оказалось неготовым к такому варианту, предпочтя стратегию украинизации, которая в дальнейшем вызвала рост противоречий на юго-востоке страны и вовлечением в конфликт России.

Языковая политика в Украине в контексте российско-украинского противостояния (2014–2022 гг.)

Радикализация настроений и военные действия 2014 и 2022 гг. сказались и на языковой политике, целью которой стало форсирование процессов украинизации. Одним из основных аргументов присоединения Крыма к России стала защита русскоязычного населения полуострова. Как отмечал В. Путин, «первым делом новые так называемые «власти» внесли скандальный законопроект о пересмотре языковой политики, который прямо ущемлял права национальных меньшинств»¹. В этих условиях Россия, по словам Президента, не могла оставаться в стороне, поскольку «на Украине живут и будут жить миллионы русских людей, русскоязычных граждан, и Россия всегда будет защищать их интересы политическими, дипломатическими, правовыми средствами»². Реакция МИД России на отмену закона о региональных языках в ходе Евромайदानа (в риторике российского руководства «госпереворота») была предельно жесткой: «Без промедления созвать по решению Верховной Рады Украины конституционное собрание с равным представительством всех украинских регионов для подготовки новой федеративной конституции, в соответствии с которой (...) русскому языку наряду с украинским будет предоставлен статус второго государственного языка»³. На фоне роста российско-украинских противоречий вокруг статуса Крыма, реакция в Украине на эти предложения была крайне негативной. В частности, крайне резко отреагировала И. Фарион: «Современное языковое соглашательство власти перешло все границы... Надеюсь, что последним гвоздем в холуйские головы в Украине стало заявление МИД России, где среди идиотских требований есть требование государственного статуса для языка оккупации Украины от 1654 г. Дуста им на коренные зубы, а не государственный статус языка»⁴. После присоединения Крыма к России в обеих странах возобладала враждебная риторика по отношению друг к другу, что негативно отразилось на положении русского языка в Украине и украинского на неподконтрольных территориях Украины.

Вместе с тем, П. Порошенко после победы на президентских выборах стремился найти баланс в области языковой политики. По его словам, «... решение Верховной Рады о лишении русского языка статуса регионального было ошибкой»⁵. Отвечая на вопрос, какой стратегии он намерен придерживаться для того, чтобы вернуть Украине районы Донбасса, П. Порошенко подчеркнул: «Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что никогда нам не удастся вернуть эти регионы путем военных действий. Нам следует вести там борьбу за умы и сердца людей. У нас нет абсолютно никаких возражений против использования русского в качестве официального языка»⁶.

6 сентября 2017 г. Верховная Рада приняла Закон «Об образовании», согласно которому языком общеобразовательного процесса является государственный язык. Школьникам, принадлежащим к национальным меньшинствам, гарантируется право обучаться на языке национального меньшинства. Для этого

¹ Обращение Президента Российской Федерации 18 марта 2014 (2014). *Сайт Президента России*, 18 марта. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 15.11.2022).

² Там же.

³ МИД РФ: русский язык на Украине должен быть вторым государственным (2014). *РИА Новости*, 17 марта. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20140317/999837548.html?chat_room_id=999837548 (дата обращения: 15.11.2022).

⁴ Депутат от "Свободы": "Дуста им на коренные зубы, а не государственный статус русского языка (2014). *Завтра*, 31 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://zavtra.ru/events/deputat-ot-svobodyi-dusta-im-na-korennyie-zubyi-a-ne-gosudarstvennyij-status-russkogo-yazyka> (дата обращения: 15.11.2022).

⁵ Порошенко: решение Рады о лишении русского языка статуса регионального было ошибкой (2014). *Сообщение ТАСС*, 28 июня. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1285750> (дата обращения: 15.11.2022).

⁶ Там же.

на уровне младшей и средней школы создаются отдельные классы и группы. Однако высшее образование осуществляется только на украинском языке¹. После критики закона со стороны ряда европейских держав (в первую очередь, Венгрии и Румынии, защищающих интересы собственных общин на территории Украины), в документ были внесены изменения, согласно которым в вузах Украины «один или несколько предметов могут преподаваться на одном из официальных языков ЕС»². Тем не менее, по мнению С.А. Колоды, «данный закон фактически вводит запрет на обучение в школах и вузах на любом языке, кроме государственного – украинского. Переход на полное обучение на украинском» (Колода, 2020: 46). Закон об образовании вызвал критику со стороны многих международных акторов, включая Венецианскую комиссию, которая признала, что такой закон ставит вопрос о «дискриминационности»³ в отношении языков нацменьшинств.

На президентских выборах 2019 г. П. Порошенко выдвинул лозунг «Язык. Армия. Вера», что предполагало курс на дальнейшую украинизацию страны. Однако, несмотря на то, что он проиграл более умеренному политику В. Зеленскому, который перешел в официальной риторике на украинский язык только после избрания на пост Президента, это не привело к принципиальным изменениям языковой политики. В. Зеленский продолжил курс на украинизацию, чему способствовала в том числе и риторика российских властей, касающаяся защиты русскоязычного населения Украины. Принятый новый закон о языке предусматривал использование только украинского языка в ряде публичных мест, а также в СМИ: «Исключительно на украинском языке должна быть реклама, а также делопроизводство, надписи и афиши, обслуживание пассажиров, проведение спортивных мероприятий. Государственным языком должны пользоваться при исполнении служебных обязанностей политики, чиновники, военнослужащие, работники медицинской и образовательной сфер» (Колода, 2020: 48).

Вооруженный конфликт, начавшийся в феврале 2022 г., привел к сокращению ареала русской культуры в Украине (например, снос памятников А.С.Пушкину) и переходу украинских блогеров, шоуменов, музыкантов и других публичных деятелей на использование украинского языка вместо русского, что можно трактовать как протест против идеи защиты русскоязычных граждан со стороны России военными средствами. Символом сопротивления российской политике на подконтрольной России территории Украины стала буква «Ї» – уникальный украинский символ, отсутствующий как в русском, так и в английском (латинском) алфавитах. Данный символ стал своеобразной реакцией как на политику по распространению русского языка на территориях Запорожской и Херсонской областей, так и на использование российскими военными и теми, кто их поддерживает символов «Z» и «V». В России, в свою очередь, имели место проверки со стороны полиции за исполнение украинских песен⁴, а также штрафы за прослушивание украинской музыки⁵. При этом В. Путин постарался дезавуировать такие действия местных властей, заявив: «Мы возмущаемся попытками отменить русскую культуру и не должны вести себя таким же образом... Во многих российских семьях любят украинские песни и культуру»⁶.

* * *

К распаду СССР Украина подошла двуязычной страной с доминированием русского языка. После распада СССР украинские власти взяли курс на «возрождение» украинского языка, что вызвало неприятие как в южных и восточных регионах страны, так и в России. По мере роста геополитических противоречий дискуссии о языке приобретали ценностную окраску и остроту, касающуюся дальнейшего пути трансформации Украины и России. Стремление сформировать украинскую нацию на основе этнокультурных принципов выбрасывало за борт значительную часть населения юга и вос-

¹ Реформа образования: Какой будет новая украинская школа (2017). *Украинское издание InfoResist*, 10 сент. [Электронный ресурс]. URL: <https://inforesist.org/zakon-ob-obrazovanii/> (дата обращения: 19.11.2022).

² Украина сделает исключение для языков ЕС (2017). *Информационный ресурс Depo*, 13 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.depo.ua/rus/politics/v-osvitnomu-zakoni-ukrayini-zrobili-viklyuchennya-dlya-mov-yes-20171013657447> (дата обращения: 19.11.2022).

³ Рекомендации Венецианской комиссии по закону об образовании. Текст документа (2017). *Журнал Европейская правда. Международная безопасность и евроинтеграция*, 8 дек. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2017/12/8/7074838/> (дата обращения: 15.11.2022).

⁴ Жителя Москвы арестовали за прослушивание украинской музыки (2022). *РБК 13 октября*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/10/2022/6347d3d99a7947ce1dd88836> (дата обращения: 16.11.2022).

⁵ РБК: москвича арестовали за прослушивание украинской музыки в автомобиле (2022). *Газета.ru*, 13 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/10/13/18787351.shtml> (дата обращения: 16.11.2022).

⁶ Путин прокомментировал наказание россиян за украинские песни (2022). *Lenta.ru*, 14 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/10/14/comment/> (дата обращения: 16.11.2022).

тока страны. Это привело к вовлечению в конфликт России, воспринимающей себя в качестве заступницы русскоязычного населения постсоветских стран. Этнократическая политика украинских элит особенно болезненно воспринималась российским обществом, переживавшим ресентимент. Языковой фактор имеет существенное внутривнутриполитическое значение в Украине в связи с потребностью поддерживать легитимность украинской правящей элиты в восточных и южных регионах страны. Внешнеполитический аспект заключается в столкновении с Россией по мере интенсификации процессов украинизации. Языковой вопрос, выразившийся в отказе от компромиссов, обострил российско-украинские отношения. Отказ от требований Москвы, настаивающей на сворачивании украинизации, воспринимался в Киеве как политика, нацеленная на подрыв суверенитета, единства и соборности Украины. В условиях российско-украинского конфликта в 2022 г., Киев нацелен на дальнейшую украинизацию населения. При этом языковой вопрос является одним из ключевых маркеров идентичности в логике восприятия «свой/чужой». Переход на украинский язык в Украине декларируется как важная веха избавления от «колониального прошлого», расчищающего путь к «светлому европейскому будущему». На подконтрольных России территориях, наоборот, именно русский язык трактуется как спланирующийся элемент идентичности, служащий обоснованием для защиты «своих людей». Языковой вопрос интерпретируется сторонами конфликта как ключевой атрибут «выковывания» идентичности, при том, что конфликт происходит на территориях, где в силу исторических особенностей сформировалась поликультурная общность, выражающаяся в смешении культур, включая лингвистический аспект.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания FSNF-2022-0038 «Украина как детерминанта российской идентичности» и Экспертного института социальных исследований.

Список литературы/ References

- Борисова, Н. В. (2017) *Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях*. Москва: Политическая энциклопедия, 189 с. [Borisova, N. V. (2017) *When languages are on fire: contesting language regimes as a challenge to balance in interethnic relations* [Kogda yazyki v ogne: osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnosheniyah]. Moscow: *Political Encyclopedia*, 189 p. (In Russ.)].
- Витгенштейн, Л. (2005) *Избранные работы. Логико-философский трактат*. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 440 с. [Wittgenstein, L. (2005) *Selected Works. Logico-philosophical treatise*. [Izbrannye raboty. Logiko-filosofskij traktat]. Moscow: Publishing House "Territory of the Future", 440 p. (In Russ.)].
- Зимова, И. (2017) *Вопросы идентичности русскоязычных граждан Украины* [электронное издание]. URL: <https://www.internationalalert.org/wpcontent/uploads/2021/08/Ukraine-Russophone-Identity-RU-2017.pdf> (дата обращения: 21.11.2022) [Zimova, Iva (2017) *Identity issues of Russian-speaking citizens of Ukraine* [Voprosy identichnosti russkoazychnykh grazhdan Ukrainy] [online]. Available at: <https://www.internationalalert.org/wpcontent/uploads/2021/08/Ukraine-Russophone-Identity-RU-2017.pdf> (Accessed: 21 November 2022)]
- Касьянов, Г. (2019) *Украина и соседи: историческая политика 1989–2018*. Киев. 281 с. [Kasyanov, G. (2019) *Ukraine and neighbors: historical politics 1989–2018* [Ukraina i sosedi: istoricheskaya politika 1989-2018]. Kyiv. 281 p. (In Russ.)].
- Колода, С. А. (2020) 'Языковая политика как фактор современного украинского внутривнутриполитического противостояния', *Мир русскоговорящих стран*, 3 (5), сс. 37–55 [Kolodda, S. A. (2020) 'Language policy as a factor in modern Ukrainian internal political confrontation' [Yazykovaya politika kak faktor sovremennogo ukrainskogo vnutripoliticheskogo protivostoyaniya], *World of Russian-speaking countries*, 3 (5), pp. 37–55. (In Russ.)].
- Кулик, В. (2008) *Мовна політика та мовна ситуація в Україні*. Київ: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 364 с. [Kulyk, V. (2008) *Language policy and language situation in Ukraine* [Movna po-

- litika ta movna situaciya v Ukraïni]. Kyiv: Ed. House "Kyiv-Mohyla Academy", 364 p. (In Ukr.).
- Кулик, В. (2018) 'Надо меньше ненавидеть их, а больше любить себя' [электронное издание]. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-society/2526183-vladimir-kulik-doktor-politiceskih-nauk.html> (дата обращения 21 ноября 2022) [Kulik, V. (2018) 'You need to hate them less and love yourself more' [Nado men'she nena-videt' ih, a bol'she lyubit' sebya] [on-line]. Available at: <https://www.ukrinform.ru/rubric-society/2526183-vladimir-kulik-doktor-politiceskih-nauk.html> (Accessed: 21 November 2022). (In Russ.)].
- Онъша, В. В. (2013) 'Виктор Ющенко и украинские националисты: история «хрупкого союза»', *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика*, 1, сс. 127–158. [Onsha, V. V. (2013) 'Viktor Yushchenko and Ukrainian nationalists: the story of a "fragile union"' [Viktor YUshchenko i ukrainskie nacionalisty: istoriya «hrupkogo soyuza»], *Vestn. Moscow university Ser. 25. International relations and world politics*, 1, pp. 127–158. (In Russ.)].
- Плотников, Д. С. (2018) 'Языковая политика как инструмент конструирования идентичности (на примере Молдовы, Украины и Латвии)', *Вестник МГЛУ*, 2, сс. 60–81 [Plotnikov, D. S. (2018) 'Language policy as a tool for constructing identity (on the example of Moldova, Ukraine and Latvia)' [Yazykovaya politika kak instrument konstruirovaniya identichnosti (na primere Moldovy, Ukrainy i Latvii)], *Vestnik MSLU*, 2, pp. 60–81. (In Russ.)].
- Снежкова, И. А. (2021) 'Языковая политика на Украине как инструмент национальной дискриминации', *Власть*, 1, сс. 332–337 [Snezhkova, I. A. (2021) 'Language policy in Ukraine as an instrument of national discrimination' [Yazykovaya politika na Ukraine kak instrument nacional'noj diskriminacii], *Vlast*, 1, pp. 332–337. (In Russ.)].
- Талалаева, Е. Ю. (2018) 'Людвиг Витгенштейн. Язык как логический образ мира', *Вестник ВГУ. Серия: Философия*, 3, сс. 149–154 [Talalaeva, E. Yu. (2018) 'Ludwig Wittgenstein Language as a logical image of the world' [Lyudovig Vitgenshtejn Yazyk kak logicheskij obraz mira], *Vestnik VSU. Series: Philosophy*, 3, pp. 149–154. (In Russ.)].
- Погребинский, М., Толпыго А. (2007) *Украина без Кучмы: год оранжевой власти: январь 2005–март 2006 года*. Киев: Оптима, 744 с. [Pogrebinsky, M., Tolpygo, A. (2007) *Ukraine without Kuchma: a year of orange power: January 2005–March 2006* [Ukraine bez Kuchmy: god oranzhevoj vlasti: yanvar' 2005–mart 2006 goda]. Kyiv: Optima, 744 p. (In Russ.)].
- Barrington, L. (2022) 'A New Look at Region, Language, Ethnicity and Civic National Identity in Ukraine', *Europe-Asia Studies*, vol. 74, 3, pp. 360–381.
- Guglielmi, S. (2020) 'Monolingualism and National Identity: Lessons from Europe', *Multilingualism and Politics Revisiting Multilingual Citizenship* in: Strani, K. (ed.), pp. 205–225.
- Riabchuk, M. (2016) 'Politics Ukrainians as Russia's negative 'other: History comes full circle', *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, 1, *Special Issue: between nationalism, authoritarianism, and fascism in Russia: exploring Vladimir Putin's regime* (March 2016), pp. 75–89/
- Sasse, G., Lackner, A. (2019) 'War and State-Making in Ukraine: Forging a Civic Identity from Below?', *Foundation for Good Politics*, 1(12), pp. 75–98.

Статья поступила в редакцию: 27.11.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

LANGUAGE POLICY IN UKRAINE AS A FACTOR OF RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS

D. S. Plotnikov

D. S. Plotnikov, Candidate in Political Science, Associate Professor, Department of Political Sciences, Perm State University.

E-mail: plotnikov.perm@mail.ru (ORCID: 0000-0001-6846-044X).

Abstract

The article describes the process of Ukrainian authorities opting for the formation of a mono-linguistic strategy (after the collapse of the USSR), which was met with sharp rejection in Russia, and perceived as a tool for "reforging" the Russian population, which, as a result of the collapse of the USSR, found itself outside the borders of modern Russia. The materials of the article confirm the thesis that the Ukrainian language policy serves as a factor in the transformation of not only Ukrainian, but also Russian identity. The idea of protecting the Russian-speaking population acquired ideological forms, embodied in the concept of the "Russian world". The article analyses the reaction of leading Ukrainian political actors to compromise solution of language issue, expressed in the adoption of the law on "regional languages" in 2012, which gives the right to regions and municipalities to use "languages of national minorities" along with Ukrainian. The abolition of the norm on regional languages in 2014 was one of the reasons for the confrontation between Russia and Ukraine; and the situation of 2022 has led to a new turn in the language policy in Ukraine, the use of the Ukrainian language as a key marker of identity and a resource for political struggle.

Keywords: identity; Ukrainian-Russian relations; language policy; foreign policy; Russification; Ukrainization; foreign policy.

Международные отношения

УДК: 327

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-70-77

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ?

Г. В. Коцур

Коцур Глеб Владиславович, кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: glebk17@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4079-264X. ResearcherID: U-6214-2017).

Аннотация

В последние несколько лет в политике ЕС наблюдается так называемый геополитический поворот, который был открыто артикулирован высшими чиновниками Союза и нашел отражение в его ключевых документах. На концептуальном уровне это выразилось во введении в официальный дискурс Брюсселя двух понятий – стратегического суверенитета и стратегической автономии. Подобный курс вызвал недоумение и критику на множестве уровней: ранее ЕС неуклонно отрицал геополитическое мышление, суверенитет и баланс сил, более того, идентичность интеграционного проекта строилась на прямом противопоставлении им. Цель статьи – показать отсутствие противоречия между этими двумя полюсами. На эмпирическом материале официального дискурса ЕС автор через призму критической геополитики доказывает, что ценностный универсализм Брюсселя всегда выражался через определенное видение политической географии, а именно через построение пространственно-временной символической карты мира. Возможно выделить три ее элемента. Во-первых, метафора пути или дороги, которая структурирует действительность удобным для ЕС образом, располагая феномены и события друг за другом. Во-вторых, важна роль образца, превращающего данную дорогу в идеологический вектор. В подобном амплуа в официальном дискурсе Брюсселя выступает сам ЕС как объединение либеральных демократий западного типа. В-третьих, вдоль этой шкалы Евросоюз располагает разные страны и целые регионы в зависимости от степени соответствия идеологическому образцу. Геополитические концепции стратегического суверенитета и автономии не противоречат подобному паттерну, но лишь продолжают его на новом этапе.

Ключевые слова: Европейский союз; критическая геополитика; стратегический суверенитет; стратегическая автономия; стрессоустойчивость; ориентализм; историцизм; дискурс.

27 ноября 2019 г. Урсула фон дер Ляйен выступила перед Европарламентом со своей первой речью на новом посту и заявила о «срочной потребности в геополитической комиссии»¹. На концептуальном уровне это выразилось в двух понятиях – стратегическом суверенитете и стратегической автономии ЕС. Первое означало способность «действовать автономно, а также выбирать, когда, в каких областях и делать ли это с партнерами-единомышленниками»², а второе – «способность свободно решать и действовать во взаимозависимом мире»³.

Голос фон дер Ляйен прозвучал отнюдь не в одиночестве. Несмотря на сугубо французский генезис обоих понятий, еще Глобальная Стратегия ЕС в 2016 г. содержала «стремление к стратегиче-

© Коцур Г. В., 2023

¹ Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme (2019) *European Commission* [Online]. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (Accessed: 17 July 2022).

² On the path to «strategic autonomy». The EU in an evolving geopolitical environment (2020) *European Parliament* [Online]. P. 3. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (Accessed: 17 July 2022).

³ Franke, U. and Varma, T. (2019) Independence play: Europe's pursuit of strategic autonomy. *European Council on Foreign Relations* [Online]. Available at: https://ecfr.eu/special/independence_play_europes_pursuit_of_strategic_autonomy/ (Accessed: 17 July 2022).

ской автономии Европейского союза»¹. Ежегодное обращение Ж. К. Юнкера в 2018 г. называлось «Час суверенитета Европы»². После слов фон дер Ляйен о геополитической комиссии президент Европейского совета Ш. Мишель назвал стратегическую автономию Европы «целью нашего поколения»³. Исследовательская служба Европарламента в 2020 г. опубликовала документ «На пути к стратегической автономии», где описано, что конкретно следует предпринять, чтобы достичь ее в каждой из сфер⁴. Важной частью этого курса стала Европейская цифровая стратегическая автономия⁵ и идея цифрового суверенитета. Наконец, Новая промышленная стратегия ЕС гласит, что поиски места Союза в новых трансформациях мира «касаются суверенитета Европы»⁶.

Данный концептуальный поворот вызвал неоднозначные оценки на всех уровнях. Ранее ЕС неуклонно отвергал геополитику, суверенитет и прочие атрибуты реалистического мышления. По замечанию Ж. М. Баррозу в 2014 г. «Согласно европейскому мировоззрению, страны имеют право... искать возможности, где бы они ни находились, а не быть частью той или иной сферы влияния или выбирать между одним лагерем и другим»⁷. О. Вэвер по этому поводу писал, что европейский интеграционный проект всегда выступал своего рода антитезой геополитике и балансу сил (Waever, 1996). Немногочисленные работы по академическому осмыслению данного поворота также свидетельствуют о противоречии между реалистическим видением мира новых лидеров ЕС и либеральной институциональной культурой (Zwolski, 2020). Кроме того, согласно опросам общественного мнения, население 11 из тогда 28 стран ЕС посчитали цели европейской стратегической автономии во внешней политике «неважными» или «спорными»⁸.

Рассматриваемое противоречие кроется в видимом диссонансе между универсализмом ЕС и партикуляризмом нового геополитического курса. Цель статьи – показать, что подобного противоречия не существует, а универсализм ЕС всегда строился на определенном понимании политической географии, построении символической карты мира. Следовательно, текущий этап есть не поворот, но некий новый этап уже существующей традиции внешней политики Евросоюза.

Теоретико-методологические основания исследования

В теоретико-методологическом плане наиболее важными представляются три аспекта. В первых, общей рамкой исследования выступает критическая геополитика. В отличие от работ классических геополитиков первой половины XX в. ее критическая версия предполагает «изучение всех географических допущений, обозначений и понятий, которые влияют на формирование мировой политики» (Agnew, 2003: 135). В фокусе внимания здесь оказываются вопросы власти, которые проявляются в дискурсе и деконструируются через постструктуралистские методы (Dodds & Sidaway, 1994). Критическую геополитику принято разделять на три направления. Ее формальная версия исследует геополитический дискурс, производимый стратегическими институтами – университетами, мозговыми центрами и проч. Популярная геополитика занята изучением того, как власть и пространство отражаются в массовой культуре. В свою очередь, практическая геополитика делает акцент на пространственном измерении в практике управления, куда вовлечены государственные деятели, по-

¹ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 4. Available at:

http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022).

² President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address 2018 (2018) *European Commission* [Online]. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (Accessed: 17 July 2022).

³ 'Strategic autonomy for Europe - the aim of our generation' - speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank (2020) *European Council. Council of the European Union* [Online]. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/1-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/> (Accessed: 17 July 2022).

⁴ On the path to «strategic autonomy». The EU in an evolving geopolitical environment (2020) *European Parliament* [Online]. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (Accessed: 17 July 2022).

⁵ Cybersecurity actors for the European digital strategic autonomy (2020) *Eurosmart* [Online]. Available at: <https://www.eurosmart.com/towards-european-digital-strategic-autonomy-digital-sovereignty/> (Accessed: 17 July 2022).

⁶ A new industrial strategy for Europe (2020) *European Commission* [Online]. P. 1. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-eu-industrial-strategy-march-2020_en.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁷ Speech by President Barroso at the Conference "Paving the way for a European Energy Security Strategy" (2014) *European Commission* [Online]. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_14_400 (Accessed: 17 July 2022).

⁸ Franke, U. and Varma, T. (2019) Independence play: Europe's pursuit of strategic autonomy. *European Council on Foreign Relations* [Online]. Available at: https://ecfr.eu/special/independence_play_europes_pursuit_of_strategic_autonomy/ (Accessed: 17 July 2022).

литики, военачальники – все те, кто занимается повседневным ведением внешней политики (Tuathail, 1996: 46). Данная работа находится в русле практической критической геополитики с элементами формальной.

Во-вторых, подобный подход будет применен к исследованию власти и неравенства в двух измерениях: пространственном и временном. Первое измерение может быть концептуализировано как ориентализм. Термин был введен основателем постколониальной мысли Э. Саидом в 1978 г. в одноименной книге и означает «...стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом разделении между «Востоком» и «Западом», а также «...как западный стиль, направленный на доминирование, реорганизацию и осуществление власти над Востоком...» (Saïd, 1995: 3–4). Несмотря на декларативную инклюзивность, для целого ряда исследователей является общим местом, что ЕС в отношениях с остальным миром занимает ориенталистскую позицию ментора, стремясь «обучать» партнеров практикам развития, демократии, публичной безопасности и т.д. Однако пространственная дискриминация зачастую реализуется через временную. К. Эллиот утверждает, что темпоральное измерение активно вовлечено в конструирование текущей идентичности Запада, когда его характеристики увязываются с будущим – демократией, эффективным управлением, процветанием и проч., а все незападное – с авторитарностью, отсталостью, нестабильностью (Elliott, 2017: 1–22). Д. Чакрабартти осмыслил данное видение как историцизм. В своей книге «Провинциализация Европы» классик постколониальной мысли определил историцизм как «идею, в соответствии с которой, для того, чтобы познать нечто, оно должно рассматриваться исключительно в качестве единого и продукта исторического развития одновременно» (Chakrabarty, 2000: 6–8). Благодаря формуле «сначала на Западе, а потом где-то еще» незападный мир получает ярлык «еще не готов» (Ibid.). Таким образом, весь мир пространственно делится на сектора в зависимости от места на темпоральной прямой, где Европа всегда находится впереди в качестве образца. Примечательно, что различия между разными осями движения здесь стираются. «Лучшая защита для нашей безопасности – это мир хорошо управляемых демократических государств»¹, – гласит Европейская стратегия безопасности 2003 г. Иными словами, нормативное измерение (демократия, всевозможные права) и материальное (безопасность и развитие, что выражается в терминах модернизации, мира, стабильности, процветания) увязываются напрямую. С точки зрения официальных органов ЕС, невозможно двигаться по разным осям в разных направлениях.

В-третьих, следует обратить особое внимание на категорию стрессоустойчивости. Это понятие пришло в политическую науку примерно в 1990-х гг. из экологии, где использовалось для обозначения способности систем к адаптации после кризисов (Романова, 2017). ЕС воспринял категорию по-своему и сделал ее во второй половине 2010-х гг. едва ли не главным лейтмотивом своей внешней и внутренней политики, определив стрессоустойчивость как «способность государств и обществ сохраняться и реформироваться, восстанавливаясь после внешних и внутренних кризисов»². Для нас методологически важны три нюанса. Прежде всего, стрессоустойчивость позволила соединить нормативную и материальную сферу в одной категории: «Стрессоустойчивое государство – это безопасное государство, а безопасность является ключом к процветанию и демократии. Но верна и обратная логика»³. Иными словами, несмотря на то, что изначально она описывалась экологами как черта абсолютно любой работающей системы, идеологическая трактовка Евросоюза связывает стрессоустойчивость только с либеральными демократиями (Романова, 2017). Кроме того, хронологически данная категория появилась в дискурсе ЕС незадолго до геополитического поворота комиссии фон дер Ляйен и создала для него условия. «Что мы подразумеваем под стратегической автономией? Она означает больше стрессоустойчивости, больше влияния»⁴, – говорит Ш. Мишель в своей речи. Наконец, стрессоустойчивость, будучи процессуальной характеристикой, также оказалась вплетена в описанную выше канву символической карты мира. Т. Романова и Е. Павлова показали, что введение категории повлекло иное наполнение ядра, полупериферии и периферии в дискурсивной онтологии ЕС.

¹ European Security Strategy – A secure Europe in a better world (2003) *European Commission* [Online]. P. 12. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (Accessed: 17 July 2022).

² Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 23. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022).

³ Ibid.

⁴ 'Strategic autonomy for Europe - the aim of our generation' – speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank (2020) *European Council. Council of the European Union* [Online]. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/l-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-a-groupe-de-reflexion-bruegel/> (Accessed: 17 July 2022).

Например, Россия в новых координатах переместилась из страны демократического транзита в позицию угрозы стрессоустойчивости для стран Восточной Европы (Романова и Павлова, 2019).

Итак, ниже будет показано, как универсализм ЕС реализовывался через пространство и время и где в нем место нового геополитического курса. Эмпирическим материалом выступил официальный дискурс Брюсселя, а именно ключевые внешнеполитические документы ЕС в XXI в. с некоторыми дополнениями, которые исследовались на основе комбинированного метода дискурс-анализа из критической геополитики.

Пространственно-временной универсализм ЕС

Географический универсализм ЕС складывается из трех элементов. Первый из них – это *метафора дороги или пути*. Благодаря ей хаос действительности структурируется в цепочку событий и этапов, следующих друг за другом. Так, Стратегия безопасности ЕС 2003 г. говорит о «беспрецедентном... периоде мира и стабильности», где «...создание Европейского союза сыграло центральную роль в этом развитии»¹. Означающее «развитие» является одним из популярных инвариантов метафоры дороги, поступательного движения вперед. Оно призвано зафиксировать транзит от худшего (в прошлом) к лучшему (будущее). Дополненная в 2008 г. стратегия безопасности продолжает эту линию, постулируя, что, документ «содержал видение того, как ЕС может быть силой для более справедливого, безопасного и единого мира. Мы прошли долгий путь в этом направлении»². Во второй половине 2010-х гг. с введением в дискурс категории стрессоустойчивости конструкция лишь модернизировалась, но не изменилась содержательно. «ЕС поддержит разные пути к стрессоустойчивости, нацеленные на самые острые случаи правительственных, экономических, социальных и климатических/энергетических рисков»³, – гласит Глобальная стратегия Европейского союза 2016 г. (ниже – ГСЕС) Во-первых, категория объединила в себе сразу несколько как нормативных, так и материальных осей. Во-вторых, стрессоустойчивость понимается исключительно как процесс, нечто, к чему необходимо двигаться; неслучайно в паре с ней используются глаголы «укрепить», «усилить», «развивать». Геополитический этап комиссии фон дер Ляйен не только не изменил популярности метафоры дороги, но лишь способствовал ее более частой артикуляции. «Мы должны защищать наше европейское благополучие и наши европейские ценности. В цифровую эпоху мы должны продолжать наш европейский путь... Путь труден, задача не из легких. Но вместе мы сможем это сделать...»⁴, – заявила фон дер Ляйен в своей первой речи перед Европарламентом. Далее она вновь не раз возвращалась к данной метафоре: «Европа будет такой, какой мы хотим ее видеть. Когда нам нужно было найти путь вперед для нашего будущего, мы не позволили старым условностям сдерживать нас»⁵.

Таким образом, метафора дороги или пути предполагает выделение определенных участков действительности и последовательное их расположение. Она отражает прогрессистское неолиберальное видение мира в официальном дискурсе ЕС, которое позволяет структурировать окружающий мир в удобном порядке. Нормативные и материальные оси – демократизация, модернизация, безопасность и проч. – сливаются в единую культурную конструкцию, требующую от всех участников международных отношений двигаться вперед.

Однако вышеуказанная дорога является не просто линией, но вектором, благодаря второму элементу пространственно-временного универсализма Брюсселя, а именно, *образцу*. В качестве такового ожидаемо выступает сам ЕС (и часто Запад в расширенном понимании). Образец – это конечная цель движения, либеральная демократия западного типа, то, чем в идеале должен закончиться транзит по всем осям. «Европа еще никогда не была такой процветающей, такой безопасной и такой свободной... Европейский союз имеет потенциал внести значительный вклад как в борьбу с угрозами,

¹ European Security Strategy – A secure Europe in a better world (2003) *European Commission* [Online]. P. 3. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (Accessed: 17 July 2022).

² Report on the implementation of the European Security Strategy - providing security in a changing world (2009) *European Commission* [Online]. P. 27. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/30823/qc7809568enc.pdf> (Accessed: 17 July 2022).

³ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 9. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁴ Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme (2019) *European Commission* [Online]. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (Accessed: 17 July 2022).

⁵ State of the Union Address 2020. Building the world, we want to live in: A Union of vitality in a world of fragility (2020) *European Commission* [Online]. P. 24. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/soteu_2020_en.pdf (Accessed: 17 July 2022).

так и помочь [партнерам] в реализации возможностей...»¹, – такой пассаж содержит стратегия безопасности ЕС 2003 г. Ее обзор 5 лет спустя продолжает линию позиционирования Евросоюза как примера для подражания и «силы добра»: «ЕС остается якорем стабильности. Расширение [ЕС] распространило демократию и процветание на нашем континенте... ЕС добился значительного прогресса за последние пять лет. Мы являемся важным признанным фактором улучшения мира»². Документ очерчивает и широкую политическую географию стран и регионов, где ЕС сыграл конструктивную роль, упоминая партнерские программы для Средиземноморья, «меняющиеся к лучшему» Балканы, решающий вклад «в разрешении кризисов и конфликтов в таких местах, как Афганистан или Грузия»³. В эпоху доминирования категории стрессоустойчивости конструкция претерпела некоторые изменения. Мир изменился, отныне «ставится под сомнение цель и даже существование нашего Союза»⁴. В подобных условиях ЕС видит себя уже не совершенным образцом, итоговой целью транзита, но своего рода незаконченной моделью, двигающейся в правильном направлении с успешной частью человечества впереди всех. «ЕС будет способствовать укреплению стрессоустойчивости своих демократий», «...во время атаки в Солсбери было болезненно очевидно, что нам необходимо укрепить нашу собственную устойчивость внутри Европейского союза. ЕС дал решительный и единый ответ на это нападение...»⁵, – все подобные пассажи свидетельствуют, что Брюссель не рассматривает состояние своей стрессоустойчивости в идеальных тонах, но фиксирует правильное и успешное направление движения. Остается прежней и роль помощника для «отстающих» участников политической карты в деле укрепления стрессоустойчивости. Документы пестрят замечаниями об уже достигнутых успехах и планах на будущее в регионе Средиземноморья, Балкан, Средней Азии, Нигерии и т.д.⁶. Геополитический этап лишь продолжил заложенный тренд. «Я прошу вашей поддержки для начала новой жизни в Европе. Мы будем законодателями мировых стандартов... И снова Европа уже впереди [о технологиях и климате]... Но сейчас Европа должна стать лидером в области цифровых технологий – иначе ей придется пойти по пути, который другие установят для нас... Европа – крупный игрок, но еще не знает, что это так... Мы находимся в авангарде борьбы с изменением климата... Европейский союз по своей сути является позитивной, открытой и толерантной силой»⁷, – все эти выдержки из речей У. фон дер Ляйен и Ш. Мишеля 2019–2020 г. показывают, что ЕС по-прежнему рассматривает себя в качестве несовершенного образца. Союзу необходимы изменения, он еще не пришел в конечную точку транзита, но тем не менее находится впереди всех и служит успешным примером.

Дорога и образец, идеологически трансформирующий ее в вектор движения, были бы неполны без третьего элемента политической географии ЕС – *примеров движения* вперед/назад разных стран и регионов планеты. Показательным здесь является сюжет прогресса: «За этот период прогрессивное распространение верховенства закона и демократии привело к превращению авторитарных режимов в безопасные, стабильные и динамичные демократии»⁸. Стратегия безопасности 2003 г. и ее

¹ European Security Strategy – A secure Europe in a better world (2003) *European Commission* [Online]. P. 3, 16. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (Accessed: 17 July 2022).

² Report on the implementation of the European Security Strategy - providing security in a changing world (2009) *European Commission* [Online]. P. 7-9. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/30823/qc7809568enc.pdf> (Accessed: 17 July 2022).

³ Ibid.

⁴ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 3. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁵ Ibid., P. 8; Speech on behalf of High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the European Parliament plenary session on the situation in Russia (2018) *European Union External Action Service* [Online]. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/43152/speech-behalf-high-representativevice-president-federica-mogherini-european-parliament-plenary_en (Accessed: 17 July 2022).

⁶ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 9, 34. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022); A strategic approach to resilience in the EU's external action (2017) *European Union External Action Service* [Online]. P. 5. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁷ Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme (2019) *European Commission* [Online]. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (Accessed: 17 July 2022); 'Strategic autonomy for Europe - the aim of our generation' – speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank (2020) *European Council. Council of the European Union* [Online]. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/l-autonomie-strategique-europeenne-et-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/> (Accessed: 17 July 2022).

⁸ European Security Strategy – A secure Europe in a better world (2003) *European Commission* [Online]. P. 3. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (Accessed: 17 July 2022).

ее обзор 2008 г. говорят о прогрессе на Балканах, Средиземноморье, в Восточной Европе¹. В договоре Котону с развивающимися странами ведущими лейтмотивами являются сюжеты процесса и становления (демократизация, модернизация и др.), а слово реформа упомянуто более 40 раз². Показательно, что органы ЕС оставляют за собой право судить о степени успешности транзита. «Комиссия будет отчитываться перед Советом о прогрессе, достигнутом каждой страной в деле укрепления демократии, верховенства закона и уважения прав человека»³, – написано в учредительных документах Европейской политики соседства. Однако отдельные страны и регионы демонстрируют обратную динамику движения. «Иранская ядерная программа значительно продвинулась... С 2003 г. Иран вызывает все большую озабоченность... Ситуация в Грузии, касающаяся Абхазии и Южной Осетии, обострилась... мы видим, что события развились в другом направлении в определенных частях страны... Если Кремль отойдет еще дальше от демократии и верховенства закона, Россия потеряет всю легитимность как партнер ЕС»⁴. Все процитированные пассажи разных лет объединены общим мотивом движения, процессуальности, но этот транзит рисуется как противоположный от идеологически «правильного» направления.

Стрессоустойчивость также осмысливается через динамику: «Стрессоустойчивость – это преобразование, а не сохранение статуса-кво»⁵. Как замечено в ГСЕС 2016 г., некоторые регионы успешно двигаются вперед: «В эту группу в настоящее время входят такие страны, как Тунис или Грузия, чьи успехи процветающих, мирных и стабильных демократий отразятся на их соответствующих регионах»⁶. Противоположные примеры также находят упоминание: «Мы не признаем незаконную аннексию⁷ Россией Крыма и не принимаем дестабилизацию Восточной Украины. Мы будем укреплять ЕС, повышать стрессоустойчивость наших восточных соседей... Хроническая уязвимость и нестабильность в соседних странах Европы усугубляют влияние этих давлений. Это мешает развитию целых регионов...»⁸. Геополитический поворот с 2019 г. пролонгировал действие данных конструкций. «В Европе и среди европейских лидеров я чувствую, насколько меняется восприятие Африки. Энергия и жизнеспособность Африки открывают перспективу беспрецедентного союза. Мы, лидеры Африки и Европы, должны сделать это возможным...»⁹, – такие примеры движения вперед можно найти в речах Ш. Мишеля. Мотивы же движения в обратном направлении еще более очевидно отражены в официальном дискурсе этого периода. События, связанные с Украиной, Восточным Средиземноморьем, Ливией, Сирией, Грецией, Кипром, Китаем и даже США описываются Ш. Мишелем и составителями ключевых документов по реализации стратегического суверенитета/автономии через приз-

¹ Ibid.; Report on the implementation of the European Security Strategy - providing security in a changing world (2009) *European Commission* [Online]. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/30823/qc7809568enc.pdf> (Accessed: 17 July 2022).

² The Cotonou Agreement and multiannual financial framework 2014–20 (2000) *European Parliament* [Online]. Available at: http://www.europarl.europa.eu/intcoop/acp/03_01/pdf/mn3012634_en.pdf (Accessed: 17 July 2022).

³ European Neighbourhood Policy strategy paper (2004) *European Commission* [Online]. P. 10. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/2004_communication_from_the_commission_-_european_neighbourhood_policy_-_strategy_paper.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁴ Report on the implementation of the European Security Strategy - providing security in a changing world (2009) *European Commission* [Online]. P. 17-18. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/30823/qc7809568enc.pdf> (Accessed: 17 July 2022); EU-Russia summit (debate) (2011). *European Parliament* [Online]. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20110608+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (Accessed: 17 July 2022).

⁵ A strategic approach to resilience in the EU's external action (2017) *European Union External Action Service* [Online]. P. 23. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁶ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *European Union External Action Service* [Online]. P. 25. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eug_s_review_web.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁷ РФ не признает термина «аннексия» применительно к событиям на Украине 2014 г., однако данный фрагмент сохранен здесь как часть цитаты органов ЕС.

⁸ Ibid., P. 33; A strategic approach to resilience in the EU's external action (2017) *European Union External Action Service* [Online].

line]. P. 3. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (Accessed: 17 July 2022).

⁹ 'Strategic autonomy for Europe - the aim of our generation' - speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank (2020) *European Council. Council of the European Union* [Online]. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/l-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-a-groupe-de-reflexion-bruegel/> (Accessed: 17 July 2022).

му негативных трендов¹. Может быть, наиболее ярко это отразилось во фразе фон дер Ляйен от 2020 г.: «Турция была и всегда будет важным соседом, но несмотря на то, что мы на карте близки друг к другу, кажется, что расстояние между нами увеличивается...»². Указанные выше примеры демонстрируют то, как метафора дороги заполняется конкретными странами и регионами, формируя символическую карту мира с ЕС во главе.

Итак, пространственно-временной универсализм ЕС реализуется за счет трех элементов. Прежде всего, это метафора дороги или пути, который удобно для Брюсселя структурирует феномены окружающего мира в цепочку. Далее сам ЕС позиционируется в качестве образца, своего рода цели движения, идеологически превращая дорогу в вектор развития. Наконец, страны и регионы мира, согласно вердикту Евросоюза, располагаются на разных участках шкалы в зависимости от степени соответствия идеалу. На первом этапе до середины 2010-х гг. разные оси движения (демократизация, модернизация, развитие рынка и др.) увязывались через соединение нормативной и материальной компоненты. Затем категория стрессоустойчивости явилась тем означающим, которое объединило в себе все оси. Либеральный оптимизм 1990-х и 2000-х гг. не исчезает полностью, но трансформируется в более сдержанную структуру. Отныне ЕС осмыслился как несовершенный образец; он движется вместе со всеми, но находится впереди и остается моделью для всего мира. Изменилось и место отдельных стран и регионов на шкале движения. Наконец, концепции стратегического суверенитета/автономии с 2019 г. внесли некие коррективы в символическую карту планеты, однако общий паттерн «дорога – образец – движение назад и вперед» с начала века претерпел скорее формальные, нежели субстантивные изменения. Таким образом, геополитический компонент традиционно являлся важной частью внешнеполитического мышления Евросоюза, что вовсе не противоречит, а скорее вытекает из общего либерально-универсалистского взгляда Брюсселя на международные отношения.

* * *

«Даже в эру глобализации, география не теряет свою значимость»³, – написано в Стратегии безопасности ЕС 2003 г. Это отражает устойчивую позицию Брюсселя, что нормативное идет рука об руку с материальным. Универсализм ЕС всегда строился на определенной политической географии. Нынешний геополитический поворот являет собой лишь новый этап уже существующей традиции, а вовсе не радикальную ее трансформацию. Выше было показано, что формирование символической карты мира в официальном дискурсе ЕС покоится на следующих пространственно-временных элементах: метафора дороги; Евросоюз как образец, находящийся ближе всех к цели транзита; а также страны и даже регионы мира,двигающиеся вперед и назад относительно идеологически установленного канона либеральной демократии западного типа. Геополитический поворот целиком лежит в русле данных конструкций. В подобных обстоятельствах остается надеяться, что в будущем ЕС станет более инклюзивен в своей нормативной политике. Достижение подлинно равноправного типа отношений с партнерами невозможно в рамках существующей ценностной матрицы Брюсселя, когда все альтернативные формы политий изначально рассматриваются как недостаточно соответствующие западным образцам. Нынешний ориенталистско-историцистский курс является предельно высокомерным ко всем контрагентам ЕС, в том числе и к России, у которой в силу целого ряда географических, экономических и нормативных причин нет выбора по поводу того, взаимодействовать или нет со Старым Светом в дальнейшем.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>).

¹ Ibid.; On the path to «strategic autonomy». The EU in an evolving geopolitical environment (2020) *European Parliament* [Online]. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (Accessed: 17 July 2022).

² State of the Union Address 2020. Building the world we want to live in: a Union of vitality in a world of fragility (2020) *European Commission* [Online]. P. 17. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/soteu_2020_en.pdf (Accessed: 17 July 2022).

³ European Security Strategy – A secure Europe in a better world (2003) *European Commission* [Online]. P. 9. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (Accessed: 17 July 2022).

Список литературы / References

- Романова, Т. А. (2017) 'Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе', *Современная Европа*, 4 (76), сс. 17–29. [Romanova, T. A. (2017) 'The "Resilience" notion of the European Union' [Kategorija "Stressoustojchivost" v Evropejskom Sojuze], *Sovremennaja Evropa*, 4 (76), pp. 17–29. (In Russ.)].
- Романова, Т. А., Павлова, Е. Б. (2019) 'Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции', *Мировая экономика и международные отношения*, 63(6), сс. 102–109. [Romanova, T. A., Pavlova, E. B. (2019) 'Resilience in the European Union and Russia: Essence and Perspectives of the New Concept' [Stressoustojchivost' v Evrosojuze i Rossija: sut' i perspektivy novoj koncepcii], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 63(6), pp. 102–109. (In Russ.)].
- Agnew, J. A. (2003) *Geopolitics: Re-visioning world politics*. 2nd edn. London: Routledge.
- Chakrabarty, D. (2000) *Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference*. Princeton: Princeton University Press.
- Dodds, K. J. and Sidaway, J. D. (1994) 'Locating critical geopolitics', *Environment and planning D: society and space*, 12(3), pp. 515–524, DOI: 10.1068/d120515.
- Elliott, C. (2017) *Democracy promotion as foreign policy: Temporal othering in international relations*. Abingdon: Routledge.
- Said, E. W. (1995) *Orientalism: Western conceptions of the Orient*. London: Penguin.
- Tuathail, G. Ó. (1996) *Critical geopolitics: The politics of writing global space*. London: Routledge, 1996.
- Waeber, O. (1996) 'European security identities', *JCMS: Journal of common market studies*, 34(1), pp. 103–132, DOI: 10.1111/j.1468-5965.1996.tb00562.x.
- Zwolski, K. (2020) 'Diversified in unity: the agenda for the geopolitical European Commission', *Global affairs*, pp. 1–17, DOI: 10.1080/23340460.2020.1834427.

Статья поступила в редакцию: 18.11.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

**GEOPOLITICAL TURN OF THE EUROPEAN UNION:
THE CONCEPTUAL REVOLUTION OR CONTINUATION OF THE TRADITION?**

G. V. Kotsur

G. V. Kotsur, Candidate in Political Sciences, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations, School of International Relations, Saint Petersburg State University
E-mail: glebk17@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4079-264X. ResearcherID: U-6214-2017).

Abstract

The article focuses on the recent geopolitical turn in the EU policy. Conceptually it presupposes the introduction of two notions into the official discourse of Brussels – strategic sovereignty and strategic autonomy. This move caused ambivalent response: traditionally the EU denied geopolitical thinking, sovereignty and balance of power. Moreover, the very identity of the project was based on explicit opposition to those notions. The purpose of the article is to show that there is no contradiction between these two poles. Through the prism of critical geopolitics, the author studies the key EU foreign policy texts and reveals that the normative universalism of Brussels has always been expressed through a certain vision of political geography, namely, the spatially-temporal symbolic mapping. It contains three components. First, the metaphor of a «path» or a «way» that structures reality by placing phenomena and events one after another. Secondly, the model, which turns this path into an ideological vector. The EU presents itself as a model in the official discourse. Thirdly, the European Union places different countries and entire regions along this normative route. Geopolitical concepts of strategic sovereignty and autonomy do not contradict this pattern, but rather continue it at a new stage.

Keywords: European Union; critical geopolitics; strategic sovereignty; strategic autonomy; resilience; orientalism; historicism; discourse.

УДК: 327

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-78-87

**ОРГАНИЗАЦИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ (ОТГ):
ПРОИСХОЖДЕНИЕ, МОТИВЫ, ОСОБЕННОСТИ И ВЛИЯНИЕ**

Чжан Юйянь

Чжан Юйянь, PhD, доцент,

Институт исследований Центральной Азии, Институт политологии и международных отношений,
Ланьчжоуский университет, Китай.

E-mail: zhangyuyan@lzu.edu.cn (ORCID: 0000-0003-0923-0737).

Аннотация

На основе анализа официальных документов Тюркского совета и Организации тюркских государств (ОТГ), а также материалов средств массовой информации в данном исследовании рассматриваются возникновение, мотивы, особенности и влияние ОТГ. Анализ показывает, что переименование Тюркского совета в ОТГ тщательно подготовлено, и за ним скрываются определенные мотивы некоторых тюркоязычных стран. Внутренняя структура ОТГ систематизирована и включает в себя подчиненные и вспомогательные органы. Эти органы характеризуются сбалансированным географическим распределением. В настоящее время ОТГ разрабатывает грандиозный план развития, однако ее пять стран-членов и две страны-наблюдатели имеют разные стремления и ожидания. ОТГ обладает четырьмя ярко выраженными геополитическими особенностями. Во-первых, она широко представлена среди тюркоязычных народов и имеет большое право голоса в мире. Во-вторых, она не имеет непрерывной географической базы для интеграции. В-третьих, существует множество "идей", направленных на объединение Евразии, охваченной ОТГ. Наконец, пять стран-членов исторически и геополитически связаны с Россией, но им нужно укреплять свои национальные и государственные структуры. Исследование показывает, что перспективы развития ОТГ ограничены рядом субъективных и объективных условий. Во-первых, отсутствие внутренних стимулов серьезно препятствует развитию организации. Во-вторых, отсутствие непрерывного географического пространства является одним из объективных препятствий на пути интеграции Тюркского мира. В-третьих, разнообразие геополитических и геоэкономических интересов государств-членов и наблюдателей подрывает эффективность их коллективных действий. В-четвертых, усилия новых независимых государств по созданию титульной нации вступают в противоречие с тюркской интеграцией. В-пятых, тюркской интеграции не хватает сильной руководящей силы. Тем не менее, ОТГ оказывает влияние на развитие Центральной Азии, идеологическую борьбу других стран, строительство «Одного пояса, одного пути» и международные отношения в целом.

Ключевые слова: Организация тюркских государств; Турция; тюркская интеграция; геополитика; Россия, пантюркизм.

Распад Советского Союза открывает новое время для развития пантюркизма, и Турция уже давно ищет возможность вхождения в круг «великих держав». Одним из основных направлений внешней политики Турции является развитие отношений с новыми независимыми тюркоязычными странами и очерчивание «тюркского мира» во главе с Турцией. За последние тридцать лет сотрудничество между тюркоязычными странами приобретает новое содержание, особое внимание привлекает Организация тюркских государств (далее - ОТГ), появившаяся в Евразии в качестве региональной международной организации (Гасанова, 2022; Моммаев, 2021; Комаревцева, Гайфутдинов, 2022). Данная статья посвящена рассмотрению процесса возникновения ОТГ, анализу причин вступления в нее 8 государств, исследованию ее характеристик и геополитического влияния.

Откуда и куда идет Организация тюркских государств

12 ноября 2021 г. на 8-м Саммите глав государств Совета сотрудничества тюркоязычных государств, состоявшемся в Стамбуле, лидеры Турции, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана объявили о переименовании «Совета сотрудничества тюркоязычных государств» (далее – Тюркский совет) в «Организацию тюркских государств», а Туркменистан был принят в качестве государства-наблюдателя. С точки зрения названия, важное отличие ОТГ от ее предшественника Тюркского совета заключается в том, что используется термин «тюркские государства» вместо «тюркоязычных государств». Автор пока не нашел официального или академического объяснения о причине изменения названия, но в одной из статей крупнейшего Турецкого Агентства «Анадолу» (тур. Anadolu Ajansı) от 16 ноября 2021 г. отмечено: «тюркоязычные государства», «тюркоязычные народы» и «тюркоязычные нации» были придуманы известным российским тюркологом XIX в. Николаем Ильминским после русской оккупации Туркестана. Он разделил тюркские народы путем включения тюркских диалектов в разные языки, чтобы ускорить процесс их русификации. Необходимо рассматривать изменение термина «тюркоязычные народы и государства» на «тюркские народы и государства» как радикальную трансформацию менталитета, а не как символическую смену названия (Томар, 2021). Следуя этому тезису, можно сказать, что ОТГ использует в своем названии «тюркские государства» вместо «тюркоязычных государств» с тремя целями: во-первых, скрыть амбиции пантюркизма, во-вторых, усилить лозунг «Шесть государств – одна нация», поскольку одна нация обычно говорит только на одном языке, и в-третьих, ускорить дерусификацию. Действительно, после Николая Ильминского в России широко используется термин «тюркоязычный». Можно заметить, что в Китае правительство и ученые занимают осторожную позицию по отношению к терминам «тюркоязычные народы», «тюрки» и «тюркские нации». Понятие «тюркоязычные народы» относится к народам, говорящим на языках тюркской группы алтайской языковой семьи, а термин «тюрки» имеет в виду объединение кочевых племен, действовавших в степных регионах северо-западного и северного Китая, Монгольского плато и Средней Азии с VI по VIII в. Термин «тюркские нации» критикуется как туманное выражение, продвигаемое пантюркистами. В связи с этим для России и Китая более привычно использование термина «тюркоязычные государства», а не «тюркские государства». По этой причине, в данной статье автор употребляет идиоматическую терминологию России и Китая, кроме названия «ОТГ».

Подготовительная работа перед продвижением механизма. Смена названия не была внезапным шагом, а стала результатом тщательной подготовительной работы. Во-первых, институциональное строительство и расширение членства Тюркского совета явно укрепляет связи между тюркоязычными государствами и создает предпосылки для его стремления к внешней конкурентоспособности. Тюркский совет был создан в октябре 2009 г. Тогда Туркменистан не участвовал в этой организации, придерживаясь своей внешней политики – «позитивный нейтралитет». Узбекистан также не вступил в организацию из-за сложных отношений с Россией и Турцией, а также из-за того, что тогдашний президент Каримов предпочитал двусторонние контакты и скептически относился к многосторонним соглашениям. Однако эти две страны имеют большое значение для Тюркского совета, поскольку в Узбекистане проживает половина тюркоязычного населения Центральной Азии, а Туркменистан занимает четвертое место в мире по величине доказанных запасов газа, и его экономический потенциал нельзя недооценивать. Некоторые ученые также утверждают, что Узбекистан и Туркменистан с глубоким подозрением относятся к пантюркистским устремлениям Турции (Yang Bo, 2015). Нехватка представительства являлась основным препятствием для развития Тюркского совета. Расширение членства было поставлено на повестку дня после выдвижения президентом Турции Гюлем лозунга «Шесть государств – одна нация» на 10-м Саммите глав тюркоязычных государств в сентябре 2010 г. Сначала, в сентябре 2018 г., Венгрия получила статус наблюдателя, а затем, в сентябре 2019 г., Узбекистан официально вступил в Тюркский совет в качестве члена. Вступление Узбекистана не только придает новый импульс деятельности Совета и повышает его важность в разных регионах и в мире, но и обеспечивает внутренний и внешний геополитический баланс в сотрудничестве между тюркоязычными государствами. (а) Узбекистан является центром в Центральной Азии, граничащим не только со всеми странами региона, но и с Афганистаном. Поэтому его включение значительно разнообразит повестку дня Совета и повысит его потенциал. (б) Узбекистан с населением 33 млн чел. является самой большой страной в регионе, и его включение значительно увеличивает количество тюркоязычного населения в Совете и изменяет прежнюю ситуацию, когда в Совете доминировали 80 млн турок и 10 млн азербайджанцев (Гасанова, 2019). (в) Присоединение Узбекистана

значительно усиливает экономическую, политическую и военную мощь Совета и укрепляет его способность конкурировать с другими региональными и международными организациями в Евразии.

Во-вторых, лидеры основных тюркоязычных государств были все более не удовлетворены статусом Тюркского совета как межправительственной организации и высказывались в пользу изменения его названия. На 7-м Саммите глав государств Тюркского совета в октябре 2019 г. Назарбаев выдвинул инициативу по разработке программы «Тюркское видение – 2040» и повышению статуса Тюркского совета до уровня международной организации. Он говорил, что после 10 лет развития Тюркский совет может быть переименован в ОТГ, и это предложение было одобрено и поддержано лидерами других тюркоязычных государств, включая Эрдогана.

В-третьих, постепенно сложилась благоприятная ситуация для того, чтобы тюркоязычные государства официально объявили о «союзе». С одной стороны, победа Азербайджана в Нагорно-Карабахском конфликте в 2020 г. дает тюркскому миру реальное сознание важности «сотрудничества». С точки зрения президента Международного Фонда Тюркской Культуры и Наследия Гюнай Эфендиева, победа Азербайджана является победой всего тюркского мира, потому что она объединяет весь тюркский мир. Духовная поддержка, открыто проявленная Турцией в отношении Азербайджана, служит примером истинного братства и дружбы во всем мире. По случаю 30-й годовщины независимости тюркоязычные государства вновь продемонстрировали, что у них есть общие ценности - тюркские ценности (Afandiyeva, 2021). С другой стороны, президенту Турции Эрдогану нужен новый стимул для его внутренней и внешней политики, тем более что он хорошо умеет использовать внешнюю политику для мобилизации внутреннего национализма в собственных целях. Ему необходимо повысить свою популярность в обществе накануне президентских и парламентских выборов 2023 г., а создание ОТГ поддерживают все оппозиционные партии Турции, за исключением Народно-демократической партии (НДП), которая представляет интересы курдов (Guo Changgang, 2021).

Таким образом, когда 31 марта 2021 г. на неформальной онлайн-встрече глав государств Тюркского совета в Туркестане Назарбаев вновь предложил принять документ о будущем Тюркского совета с целью повышения уровня организации, его инициатива была одобрена главами других тюркоязычных государств.

Внутренняя структура и план развития ОТГ. ОТГ является продолжением и продвижением Тюркского совета, и ее внутренняя структура – преемством и обновлением последнего. Как и Тюркский совет, ОТГ имеет институт страны-председателя, при этом каждое государство-член ежегодно занимает этот пост в порядке очередности согласно английскому алфавиту, а глава государства-члена занимает должность председателя. Саммит глав государств остается высшим органом ОТГ и проводится ежегодно на территории следующей страны-председателя, при этом передача полномочий действующего председателя является одним из важных задач саммита (Zhang Yuyan, 2021). Саммиты глав государств предшествует Совет министров иностранных дел и, при необходимости, чрезвычайные заседания. В состав органов ОТГ входят Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин, Совет старших должностных дел и Секретариат, а в состав вспомогательных органов – Парламентская ассамблея тюркоязычных государств, Международная Тюркская академия, Центр изучения тюркского мира, Международная организация тюркской культуры, Международный Фонд Тюркской культуры и Наследия, Тюркский деловой совет, Союз тюркских университетов, Тюркская Торгово-промышленная палата, Тюркская библиотека, Тюркский музей и др. Совет глав государств является главным директивным органом, который рассматривает и принимает основные решения и программные документы, в то время как другие органы отвечают за планирование и организацию конкретных вопросов сотрудничества в различных областях, а вспомогательные органы являются органами реализации конкретных программ. Стоит отметить, что вышеупомянутые учреждения рассредоточены по разным странам. Например, Секретариат находится в Стамбуле, Международная Тюркская академия – в Нур-Султане, Международная организация тюркской культуры – в Анкаре, а Парламентская ассамблея тюркоязычных государств – в Баку.

Восьмой Саммит глав государств в ноябре 2021 г. был посвящен теме "Зеленые технологии и умные города в цифровую эпоху". На этом саммите председательство в ОТГ было передано от Азербайджана Турции. Принято решение о проведении Девятого саммита глав государств в Узбекистане в 2022 г. Помимо изменения названия и предоставления Туркменистану статуса государства-наблюдателя, подписаны ряд документов: «Видение тюркского мира – 2040», «Решение о создании Тюркского инвестиционного фонда», «Решение о Положении статуса наблюдателя Организации тюркских государств», «Решение об установлении партнерского статуса Организации тюркских государств» и т.д. Опубликована Декларация восьмого саммита глав государств (Стамбульская декла-

рация) из 121 пункта, в которой определены двусторонние, многосторонние, региональные, международные и глобальные вопросы, затрагивающие интересы тюркского мира и формирующие основную позицию сотрудничества. На саммите также обсужден вопрос о принятии Украины в качестве государства-наблюдателя.

В своем выступлении на Саммите Эрдоган предложил еще несколько конкретных планов, таких как увеличение доли торговли между странами-членами в общем объеме торговли с нынешних 3 до 10%; скорейшее подписание документа о стратегии содействия торговле и международного соглашения о совместных грузоперевозках; превращение городов тюркского мира в «умные города», расширение приоритетов национальной стратегии искусственного интеллекта в работе ОТГ и создание прозрачного совместного портала искусственного интеллекта; включение в повестку дня ОТГ мер по борьбе с такими деструктивными тенденциями, как терроризм, ксенофобия и исламофобия; предложение о признании таких «государств», как «Турецкая Республика Северного Кипра», неотъемлемой частью тюркского мира и приглашении их на следующий саммит; в рамках ОТГ создание «механизма гражданской обороны» для ликвидации последствий стихийных бедствий, поиска, спасения и восстановления работы¹.

На Саммите разработан план будущего сотрудничества между тюркоязычными государствами для того, чтобы сделать ОТГ платформой для интеграции в самых разных областях, в перспективе – сформировать тюркскую версию «Скандинавских стран» или Европейского союза. В ее рамках последовательно реализуются многие проекты «Тюркского мира», в том числе «Транскаспийский торговый-транзитный коридор "Восток-Запад"», «Процесс братских портов», Совет по здравоохранению, Группа по цепочке поставок, Программа по обмену студентами и преподавателями, Проект по совместным турам Шелкового пути, Международный молодежный лагерь и многие другие тюркские проекты. Ожидается, что в ближайшее время работа ОТГ будет сосредоточена на следующих направлениях: (а) координация отношений между членами Организации и укрепление ее внутренней сплоченности. Допустимой мерой является скорейшее создание филиалов Организации в Узбекистане и Туркменистане для укрепления внутреннего баланса; (б) продвижение Организации к более обязывающей структуре при помощи существующих механизмов в качестве гарантии и создания новых механизмов; (в) геополитическое расширение. В предстоящий период ОТГ привлекает в основном государства-наблюдатели, а не государства-члены. Возможно, Украина может стать кандидатом для рассмотрения; (г) продолжение сотрудничества в культурной, образовательной и экономической областях и укрепление сотрудничества в политической, безопасной и военной областях. Например, на фоне вспышки эпидемии COVID-19 Организация провела ряд встреч на высоком уровне по предотвращению эпидемии и борьбе с пневмонией и возобновлению работы и производства; (д) формирование партнерского статуса для третьих стран и международных организаций, таких как Россия, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности и Шанхайская организация сотрудничества (Zhang Yuanyuan, 2021). На шестой сессии Астанинского клуба, проходившей с 15 по 17 ноября 2021 г., Назарбаев предложил создать четырехсторонний экономический форум ОТГ с участием Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и Европейского союза.

Мотивы участия тюркоязычных государств в ОТГ

В настоящее время ОТГ имеет пять государств-членов (Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан (с сентября 2019 г.)) и два государства-наблюдателя: Венгрия (с августа 2018 г.) и Туркменистан (с ноября 2021 г.). Когда в 2009 г. создавался Тюркский совет, каждая из стран-основателей имела свои цели.

В отношении Турции можно выделить шесть основных мотивов: (а) появление независимых тюркоязычных государств после распада Советского Союза подогревает амбиции Турции на статус великой державы и ее интерес к Востоку; (б) переговоры о вступлении Турции в ЕС зашли в тупик с момента подачи заявки на членство в 1987 г., поэтому в условиях резких изменений международной и внутренней ситуации Турция хочет активнее развивать отношения с Востоком, особенно с другими тюркоязычными государствами, чтобы расширить свое влияние на международной арене; (в) продвижение латинизации тюркского алфавита в новых независимых государствах способствует даль-

¹ The Leaders of the Turkic World convened the Summit of Organization of Turkic States (Press Release of Secretariat of the Organization of Turkic States) (2021), *TURKKON*, November 16 [online], Available at: URL: <https://www.turkkon.org/assets/pdf/haerberler/press-release-of-secretariat-of-the-organization-of-turkic-states-2399-102.pdf> (Accessed: 18.11.2021).

нейшему укреплению влияния Турции в культуре тюркоязычных народов (Suchkov, 2014); (г) продвижение турецкой модели дает возможность укрепить гуманистическое сотрудничество, такое как открытие учебных заведений, трансляция турецких телерадиопрограмм в других тюркоязычных государствах; (д) укрепление экономического и торгового сотрудничества, поиск новых рынков для турецких товаров и содействие диверсификации турецких источников энергии; (е) содействие признанию так называемой «Турецкой Республики Северного Кипра» (Guo Changgang, 2021).

Азербайджан поддерживает создание и продвижение Тюркского Совета по четырем мотивам: (а) развивать и осуществлять пантюркистское мышление. Пантюркизм изучается азербайджанскими учеными по таким вопросам, как формирование пантюркизма и его основные представители, роль пантюркизма в формировании и развитии национальной идентичности Азербайджана, статус и роль Азербайджана в геополитике пантюркизма в мире, историческая необходимость создания единого тюркского стандартного языка (Нуриева, 2014; Бабаян, 2011); (б) заручиться поддержкой тюркоязычных государств во главе с Турцией по вопросу Нагорного Карабаха; (в) политика России на Кавказе склоняется в сторону Армении, и Азербайджан может обращаться за помощью только к тем странам, с которыми имеет общие интересы; (г) Азербайджан претендует на расширение внешнеэкономических связей. В знак признания «вклада президента Алиева в обеспечение освобождения и территориальной целостности Азербайджана», ОТГ наградила его «Высшим орденом тюркского мира».

Свои мотивы активного участия в Тюркском совете были и у Казахстана: (а) Назарбаев оказывает сильное влияние на развитие сотрудничества между тюркоязычными государствами. В сентябре 2018 г. Эрдоган назвал Назарбаева «старейшиной тюркского мира», а в октябре 2019 г., при поддержке Эрдогана, Назарбаев был удостоен почетного пожизненного председательства в Тюркском совете; (б) подчеркивается важность казахов и Казахстана в тюркском мире. Этот мотив продемонстрирован в статьях «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», «Семь граней Великой степи» и др.; (в) реализуется диверсификация экономической политики Казахстана, направленная на дальнейшее развитие его позиции как регионального центра силы, связывающего Восток и Запад, и преодоление узкого места страны – отсутствия выхода к морю; (г) укрепляется ведущая роль Казахстана в Центральной Азии и усиливается его позиция как региональной державы.

Кыргызстан как относительно небольшая страна также заинтересован в том, чтобы «воспользоваться услугами попутной машины» в Тюркском совете и ОТГ: (а) облегчить доступ к гуманитарной помощи и экономическим инвестициям из Турции. Например, созданное в 1993 г. «Турецкое агентство сотрудничества и развития» (ТКА) к 2020 г. реализовало в Киргизии свыше 30 инвестпроектов и провело 324 мероприятия в рамках политики «мягкой силы». Турецкие инвестиции в Киргизии (прямые и портфельные) к настоящему времени (октябрь 2020 г.) превышают 25% в общем объеме иностранных инвестиций в этой стране – против 15% в начале 2000-х гг. (Балиев, 2020); (б) расширить каналы сотрудничества в сфере безопасности в Кыргызстане. Например, когда военнослужащие из стран-членов Совета, включая Кыргызстан, проходят обучение в Турции, все расходы берет на себя Турция, а полученное обучение проходит не только на двустороннем уровне, но и в рамках программ сотрудничества этих стран с НАТО. Турецкие военные также время от времени передают Кыргызстану некоторые боеприпасы и оружие; (в) заручиться поддержкой других тюркоязычных государств по некоторым вопросам, таким как пограничный конфликт с Таджикистаном.

Что касается новых, то есть позднее присоединившихся к ОТГ стран, у них также разные соображения и мотивы. Основной целью присоединения Венгрии в качестве государства-наблюдателя в августе 2018 г. является подтверждение своего этнического происхождения и укрепление национального единства и уверенности в себе с помощью тюркоязычных государств. Венгры – это относительно уникальный народ в Центральной Европе, отличающийся от своих соседей этническими, языковыми и культурными особенностями. На протяжении многих лет венгры ищут свое этническое происхождение. Некоторые долгое время связывают себя с тюркским миром, ссылаясь на их ранние кочевые привычки. Другие считают, что мадьяры, основная группа венгров, имеют не тюркское происхождение, а принадлежат к группе финно-угорских языков уральской семьи, которые первоначально жили у Уральских гор на границе между Азией и Европой. А третьи относят себя к смеси финских и тюркоязычных племен (Shen Jian, 2016). В любом случае венгры имеют какое-то отношение к «тюркскому» происхождению, но в этой стране не хватает исторических материалов на эту тему.

В отношении Узбекистана можно выделить три причины присоединения к ОТГ в качестве государства-члена в сентябре 2019 г.: (а) Узбекистану необходимо переориентировать внешнюю политику при президенте Мирзиёеве. В этой связи некоторые ученые отмечают, что «членство Узбекиста-

на в Тюркском совете является результатом сильной политической стойкости, мудрого руководства и активной дипломатии президента Мирзиёева»; (б) положение Узбекистана в тюркском мире не позволяет ему долго оставаться вне ОТГ. Древние города Самарканд, Бухара и Хива были центрами Великого шелкового пути и когда-то были экономическим и культурным очагом тюркского мира, средоточием науки и культуры. Вступление в ОТГ является естественным выбором для того, чтобы сохранить свое историческое и культурное влияние в тюркском мире и позицию крупной державы в Центральной Азии; (в) вступление в ОТГ также соответствует потребностям экономического развития Узбекистана, улучшению инвестиционной логистики, увеличению объемов торговли, упрощению финансовых и банковских операций, таможенных и транзитных процедур между Узбекистаном и его соседями.

29 июня 2021 г., принимая генерального секретаря Тюркского совета Багдада Амреева, президент Туркменистана Бердымухамедов выразил намерение Туркменистана вступить в Тюркский совет, но в качестве члена со «специальным статусом»¹. С одной стороны, Туркменистан считал, что статус наблюдателя, который в Совете имеет Венгрия, Туркменистану не подходит, поскольку он является настоящей тюркоязычной страной; с другой стороны, Турция выступала за устранение всех преград на пути сотрудничества тюркоязычных стран и хотела создать механизм быстрого реагирования в рамках Тюркского совета, что накладывает определенную ответственность на государства, входящие в альянс, и Туркменистан не желал отягощать себя дополнительными обязательствами и ответственностью (Панфилова, 2021). Другими словами, «специальный статус» – это промежуточный статус, который выше статуса государства-наблюдателя и ниже статуса государства-члена, и Бердымухамедов был недоволен, когда ему сообщили о намерении Тюркского совета принять Туркменистан в качестве государства-наблюдателя, но позже согласился. Рассказывая о причинах, Бердымухамедов отмечал, что Туркменистан раньше всегда принимал участие в заседаниях Тюркского совета на самом высоком уровне, и политика Туркменистана направлена на развитие дружеских и взаимовыгодных отношений со всеми тюркоязычными странами². Марк Назаров, свободный эксперт Туркменистана, также считает, что вступление Туркменистана в Тюркский совет не противоречит выполнению положений резолюции ООН о постоянном нейтралитете. Во-первых, Туркменистан имеет право вступить в любую международную организацию невоенного характера. Например, Туркменистан является государством-наблюдателем СНГ, что позволяет ему активно участвовать в работе данного союза. Тюркский совет не имеет военного характера и не направлен против кого-либо, а его цель – действовать как инструмент укрепления доверия и экономического сотрудничества между государствами-участниками. Во-вторых, приглашение Туркменистана на саммит глав государств Тюркского совета является свидетельством растущего влияния страны на межгосударственные отношения в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, укрепления ее экономических связей с соседями. Так, многие вопросы о транспортных связях между членами Тюркского совета было бы трудно даже обсуждать без участия Туркменистана, который является важным звеном во многих региональных логистических цепочках. В-третьих, все народы в Тюркском совете, включая Туркменистан, имеют общую историю, язык и традиции, и эту связь можно поддерживать только совместными усилиями, что делает идею общетюркского взаимодействия как никогда важной (Nazarov, 2021).

Начиная с августа 2020 г. на вступление в Тюркский совет и ОТГ претендует Украина, и причины этого следующие: (а) заручиться поддержкой по крымскому вопросу и в конфликте с Россией. Крым населен преимущественно этническими русскими, и Россия уже де-факто контролирует эту территорию, поэтому Украина находится в невыгодном положении в борьбе за суверенитет над ней. Однако в Крыму живут тюркоязычные народы, особенно крымские татары, которые более эмоционально настроены по отношению к Украине (Weng Zeren, 2018). Кроме того, присоединение к ОТГ поможет Украине усилить свой голос на международной сцене; (б) отрезать связи украинского народа со славянскими этносами путем присоединения к тюркоязычным народам; (в) создать новые внешние условия для экономического развития страны. Напряженные отношения с Россией затрудняют развитие экономических связей в восточном направлении, и Украина видит новые возможности для своего развития в усилиях тюркоязычных стран по укреплению региональных экономических

¹ Туркменистан может получить специальный статус в Тюркском совете (2021), *Казинформ*, 1 июля, URL: https://www.inform.kz/ru/turkmenistan-mozhet-poluchit-special-nyuy-status-v-tyurksksomsovete_a3807157/ (дата обращения: 08.10.2021).

² Глава Туркмении рассказал о причинах, приведших страну в Тюркский совет (2021), *ИА Красная Весна*, 12 ноября. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/b73a8940/> (дата обращения: 16.11.2021).

связей и их планах по строительству энергетических коридоров и портовых сообщений; (г) использовать русофобию, которая имеет место в некоторых тюркоязычных государствах.

Геополитические характеристики и влияние Организации тюркских государств

ОТГ имеет четыре явные геополитические особенности. Во-первых, она характеризуется широким охватом и большим количеством населения. Тюркоязычные народы в основном расположены в центральной и западной частях Евразии, насчитывают около 164 млн чел. и распространены на площади около 7 млн кв. км. Шесть тюркоязычных государств занимают общую площадь 4,73 млн кв. км и имеют общее население около 170 млн чел., из которых тюркоязычное население составляет около 125 млн чел., что составляет 76,2% от общего числа тюркоязычных народов в мире. Другими словами, ОТГ имеет высокий уровень представительства и большое право голоса в мире.

Во-вторых, географическое пространство ОТГ не является непрерывным, в результате чего ОТГ не имеет географической основы для осуществления интеграции. Страны Центральной Азии отделены от Азербайджана Каспийским морем, между Азербайджаном и Турцией расположена Армения, которая решительно выступает против пантюркизма, а Венгрия расположена в отдалении от стран ОТГ. Таким образом, география препятствует достижению политической, экономической и культурной интеграции.

В-третьих, центрально-западный регион Евразии, охваченный ОТГ, представляет собой не только канал для цивилизационных контактов между Востоком и Западом, но и зону распространения самых различных политических идей (пантюркизм, неопантюркизм, османизм, неосманизм, туранство, великотуранство и т.д.). Эти «идеи», стремящиеся объединить Центральную Евразию с разных сторон, угрожают территориальной целостности и социальной стабильности стран региона.

В-четвертых, пять стран ОТГ – это новые независимые государства, возникшие в результате распада Советского Союза, исторически и геополитически связанные с Россией и испытывающие реальную потребность в укреплении своих национально-государственных структур. «Тюркская интеграция», которая является целью ОТГ, по сути, противоречит цели сохранения независимости и укрепления самобытности национального государства каждой страны и будет затруднена явными или скрытыми контрмерами России.

Вместе с тем, несмотря на то, что перспективы развития ОТГ ограничены некоторыми объективными факторами, ее геополитическое влияние на региональную ситуацию и соседние страны должно восприниматься серьезно. Появление ОТГ изменяет региональный порядок в Центральной Азии и ведет к стратегической реорганизации основных международных организаций в регионе. После распада СССР региональная интеграция новых стран Центральной Азии шла медленно по разным причинам, и именно создание Тюркского совета ускорило темпы сотрудничества, обеспечив новую платформу для диалога и сотрудничества между тюркоязычными государствами Центральной Азии. В то же время по своему составу ОТГ имеет высокую степень совпадения с Организацией Договора о коллективной безопасности, Евразийским экономическим союзом и Шанхайской организацией сотрудничества, что может привести к усилению их конкуренции в регионе. Как справиться с этими отношениями на государственном и организационном уровнях - проблема, которая должна быть рассмотрена и решена соответствующими странами и международными организациями.

ОТГ имеет знаковое значение для тюркоязычного населения за пределами тюркоязычных стран, особенно с точки зрения идеологической борьбы и угрозы сепаратизма. Исторически на севере Ирана существовала «демократическая республика Азербайджан», в китайском Синьцзяне – «республика восточного Туркестана», а на Кипре существует «Турецкая республика Северного Кипра», да и некоторые субъекты Российской Федерации, в структуре населения которых доминирует тюркоязычное население, часто проявляют нестабильность. Все это вызывает весьма осторожное отношение к ОТГ. В частности, в Китае риски, связанные с ОТГ, сосредоточены в трех основных направлениях: (а) пропаганда сепаратизма в Восточном Туркестане (Синцзян); (б) различные мероприятия, организуемые тюркоязычными государствами, имеют особый эффект, привлекая внимание и даже участие тюркоязычных народов Синьцзяна и оказывая новое негативное влияние на ключевые ценности Китая; (в) для оказания дополнительного давления на Китай на международной арене западные страны во главе с США могут приложить старания к тому, чтобы ОТГ играла большую роль в вопросах, связанных с Синьцзяном.

По геополитическому пространству и сферам деятельности ОТГ в значительной степени пересекается с Экономическим поясом Шелкового пути и оказывает глубокое влияние на строительство

экономического коридора Китай – Центральная Азия – Западная Азия. Торгово-экономическое сотрудничество и инфраструктурное строительство представляют собой главную сферу развития не только для ОТГ, но и для инициативы «Один пояс, один путь». Ключ к тому, будут ли они взаимно поддерживаться или противостоять друг другу, заключается в том, смогут ли ОТГ, страны региона и Китай найти способ достичь взаимовыгодного сотрудничества. В настоящее время взаимное доверие между Китаем и тюркоязычными странами слабо, и оно снижается мифом о «китайской угрозе».

ОТГ также оказывает влияние на динамику игры великих держав в Центральной Азии. На протяжении многих лет Центральная Азия находится в конкуренции и сотрудничестве между Китаем, США и Россией. Каждая из этих держав создала собственные механизмы для усиления влияния в регионе. Хотя Турция активно искала пути взаимодействия с Центральной Азией после распада Советского Союза, о чем свидетельствует создание Турецкого агентства по сотрудничеству и координации в 1992 г. и Организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства в 1993 г. (переименована в Международную организацию тюркской культуры в 2009 г.), эффект до недавнего времени был не заметен. Однако теперь, по мере развития и расширения членства ОТГ, Турция имеет организационную основу для вмешательства в дела Центральной Азии, и сотрудничество в политической и безопасной сферах будет укрепляться.

* * *

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. За последние тридцать лет успешно развивается сотрудничество между тюркоязычными государствами, которые продвинули этот механизм от межправительственной организации (Тюркского совета) до региональной международной организации (ОТГ). Такой шаг связан с тем, что в последние годы группа ультранационалистов и шовинистов в ряде стран, включая Турцию, Азербайджан и Казахстан, выступает за ослабление исторического влияния русского языка и культуры на свой собственный народ, а также с целью отдельных тюркоязычных государств скрыть свою претензию по отношению к пантюркизму и укрепить «Шесть государств – одна нация».

2. Такие документы, как «Видение тюркского мира – 2040» и «Решение о создании Тюркского инвестиционного фонда», дают представление о развитии ОТГ и ее работе в ближайшем будущем. Одним словом, Организация стремится к достижению «тюркской интеграции». Ее ближайшая работа будет сосредоточена на укреплении единства внутри Организации, усилении своей обязывающей силы, геополитической экспансии, расширении сфер сотрудничества и установлении партнерского статуса.

3. Перспективы развития ОТГ ограничены рядом субъективных и объективных условий. Во-первых, членам ОТГ не хватает мотивации участия в ОТГ, что сдерживает ее развитие. Во-вторых, ОТГ не обладает непрерывным географическим пространством, что является одним из объективных препятствий, затрудняющих процесс тюркской интеграции. В-третьих, разнообразие геополитических и геоэкономических интересов стран-членов и стран-наблюдателей ослабляет эффективность их коллективных действий. В-четвертых, усилия новых независимых государств по созданию титульной нации несколько противоречат целям тюркской интеграции. В-пятых, практика показывает, что попытки интеграции государств Центральной Азии за последние три десятилетия оказались неудачными, а стремление ОТГ к интеграции в более широком пространстве является отдаленной целью. В-шестых, тюркской интеграции не хватает сильной руководящей силы. Экономические размеры Турции вряд ли достаточны для поддержки всего тюркского мира, и ее культурная привлекательность не настолько сильна, чтобы доминировать в ОТГ.

4. ОТГ представляет собой серьезный вызов для России с точки зрения национальной безопасности и внешнеполитических интересов. В первую очередь, ОТГ может способствовать сепаратистским тенденциям некоторых субъектов РФ с преимущественно тюркоязычным населением. Во-вторых, активное стремление Украины получить статус государства-наблюдателя в ОТГ, направленное на поиск внешней поддержки по вопросам Крыма и конфликта с Россией, может усилить международное давление на Россию. В-третьих, позиция ОТГ по конфликту между Азербайджаном и Арменией угрожает влиянию России на Кавказе. Наконец, Турция активно участвует в делах Центральной Азии, а ОТГ конкурирует с Евразийским экономическим союзом, ОДКБ и ШОС, что противоречит интересам России.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке Национального фонда социальных наук Китая в рамках научного проекта № 21VGQ010.

[本文系中国国家社科基金重大研究专项项目（项目批准号：21VGQ010）的阶段性成果].

Список литературы / References

- Бабаян, Д. (2011) 'Арцахская проблема и идеология пантюркизма', *XXI-й в.*, 4(20), сс. 67–99 [Babayan, D. (2011) 'Artsakh issue and ideology of pan-Turkism' [Arcahsakaja problema i ideologija pantjurkizma], *21-j VEK*, 4(20), pp. 67–99. (In Russ.)].
- Балиев, А. (2020) 'Киргизия в ланах турецкой экспансии в Центральную Азию', *Военно-политическая аналитика*, 9 ноября. URL: <https://vpoanalytics.com/2020/11/09/kirgiziya-v-planah-turetskoj-ekspansii-v-tsentralnuyu-aziyu/> (дата обращения: 18.12.2021) [Baliyev, A. (2020) 'Kyrgyzstan is in the process of Turkey's expansion to Central Asia' [Kirgiziya v lanakh turetskoj ekspansii v Tsentral'nyuyu Azi], *Voyenno-politicheskaya analitika*, November 9 [Online], Available at: <https://vpoanalytics.com/2020/11/09/kirgiziya-v-planah-turetskoj-ekspansii-v-tsentralnuyu-aziyu/> (Accessed: 18.12.2021). (In Russ.)].
- Гасанова, А. Б. (2022) "Неопантюркизм" и Организация тюркских государств' в: Прозоровский, А. С., Хорос, В. Г. (ред.) *'Запад – Восток – Россия 2021'*. Москва: ИМЭМО РАН, сс. 52–56 [Gasanova, A. B. (2022) "'Neo-adventurism" and the Organization of turkic states' ["Neopantjurkizm" i Organizacija tjurkskih gosudarstv] in: Prozorovski, A. S., Horos, V. G. (eds.) *'West - East - Russia 2021'* [Zapad - Vostok – Rossiya 2021]. Moscow: IMEMO RAN, pp. 52–56. (In Russ.)].
- Гасанова, М. (2019) 'Взгляд из Баку: Узбекистан в Тюркском совете'. *REGNUM*, 16 сент. URL: <https://regnum.ru/news/2720737.html> (дата обращения: 10.11.2021) [Gasanova, M. (2019) 'From Baku: Uzbekistan in the Turkic Council' [Vzglyad iz Baku: Uzbekistan v Tyurkskom sovete]. *REGNUM*, September 16 [online]. Available at: <https://regnum.ru/news/2720737.html> (Accessed: 10.11.2021). (In Russ.)].
- Комаревцева, Н. С., Гайфутдинов, Р. И. (2022) 'Россия и Турция в контексте нового Тюркского мира', *Вопросы политологии*, 3 (79), сс. 761–772, DOI: 10.35775/PSI.2022.79.3.015 [Komarevtseva, N. S., Gayfutdinov, R. I. (2022) 'Russia and Turkey in the context of the new Turkic world' [Rossiya i Turcija v kontekste novogo Tjurkskogo mira], *Political Science Issues*, 3 (79), pp. 761–772, DOI: 10.35775/PSI.2022.79.3.015 (In Russ.)].
- Моммаев, Н. (2021) 'Цели и задачи Организации тюркских государств'. URL: <https://business.com.tm/ru/post/7868/ceci-i-zadachi-organizacii-tyurkskih-gosudarstv> (дата обращения: 18.11.2021). [Momayev, N. (2021). 'Aims and Purposes of Turkish National Organization' [Celi i zada4i Organizacii tjurkskih gosudarstv]. Available at: <https://business.com.tm/ru/post/7868/ceci-i-zadachi-organizacii-tyurkskih-gosudarstv> (Accessed: 18th November 2021) (In Russ.)].
- Нуриева, К. А. (2014) 'Идея создания общетюркского литературного языка', *Гилея научный вестник*, 90, сс. 281–284 [Nuriyeva, K. A. (2014) 'The idea of creating a common Turkic literary language' [Ideya sozdaniya obshchetyurkskogo literaturnogo], *Gilea Scientific Bulletin*, 90, pp. 281–284. (In Russ.)].
- Панфилова, В. (2021) 'Туркменистан хотят сделать частью "Тюркских Соединенных Штатов"', *Независимая газета*, 11 ноября [Panfilova, V. (2021) 'Turkmenistan hopes to become part of the "Turkic America"' [Turkmenistan khotyat sdelat' chast'yu "Tyurkskikh Soyedinennykh Shtatov"], *Nezavisimaya Gazeta*, November 11. (In Russ.)].
- Afandiyeva, G. (2021) 'We propose to build a cultural center of the Turkic world in Karabakh', *AZERTAC*, November 13. [online]. Available at: https://azertag.az/en/xeber/Gunay_Afandiyeva_We_propose_to_build_a_cultural_center_of_the_Turkic_world_in_Karabakh-1925462 (Accessed: 16.11.2021).
- Guo Changgang (2021) 'Organization of Turkic States: the new geopolitical situation of Eurasia?', *Wenhui Bao*, December 4 [郭长刚 (2021) '突厥国家组织:欧亚地缘新格局?' [Tujue guojia zuzhi: ouya diyuan xin geju], *文汇报*, 12月4日 (In Chinese)].

- Nazarov, M. (2021) 'Turkmenistan's Observer Status in Cooperation Council of Turkic-Speaking States is Promising', *The Diplomatic Insight Translation*, 16 October.
- Shen Jian (2016) 'Hungarian origin and early changes', *Jingji shehui shi pinglun*, 2, p. 41–48 [沈坚(2016)‘匈牙利人起源及早期变迁’, *经济社会史评论*, 2, pp. 41–48 (In Chinese)].
- Suchkov, M. (2014) 'Limits of Partnership: Russia and Turkey in the Caucasus', *Garnegie Moscow center*, November 12 [online], Available at: <https://carnegie.ru/commentary/57192/> (Accessed: 20.03.2020).
- Tomar, C. (2021) 'From Turkic-speaking countries to Turkish states: Transformation of Turkic Council into "Organization of Turkic States" in such short time has great meaning in terms of institutional change, future', *Anadolu Agency*, November 16 [online]. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/analysis/analysis-from-turkic-speaking-countries-to-turkish-states/2422657> (accessed: 15.12.2021).
- Weng Zeren (2018) 'Investigation of the influence and role of the Crimean Tatars in the "Ukrainian conflict"', *Guizhou minzu yanjiu*, 11, pp. 204–208 [翁泽仁 (2018) “乌克兰事件”中克里米亚—鞑靼人的影响与作用研究' ["Wukelan shijian" zhong kelimiya-dadaren de yinxiang yu zuoyong yanjiu], *贵州民族研究*, 11, pp. 204–208 (In Chinese)].
- Yang Bo (2015) 'About the textbook "General Turkic History"', *Wenhui bao*, October 15 [杨波(2015)‘从突厥语国家统一历史教科书谈起’ [Cong tujueyu guojia tongyi lishi jiaokeshu tanqi]. *文汇报*. 10月 15日 (In Chinese)].
- Zhang Yuyan (2021) 'Demystification of the plan of the Turkic world', *Globe*, 24, pp. 30–31 [张玉艳.‘解密突厥世界计划’[Jiemi tujue shijie jihua], *环球*, 24, pp. 30–31. (In Chinese)].

Статья поступила в редакцию: 14.10.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

ORGANIZATION OF TURKIC STATES: ORIGIN, MOTIVES, PARTICULARITIES AND INFLUENCE

Zhang Yuyan

Zhang Yuyan, PhD, Associate Professor, Lanzhou University, Institute for Central Asian Studies, School of Politics and International Relations, Lanzhou, China.

E-mail: zhangyuyan@lzu.edu.cn (ORCID: 0000-0003-0923-0737).

Abstract

Based on the analysis of official documents of Turkic Council, Organization of Turkic States and the relevant media reports, the article examines the origin, motives, features and influence of Organization of Turkic States. The analysis shows that the internal structure of the Organization is highly systematized. Currently, OTS sets great development plans, although its five member-countries and two observer-countries have different aspirations. OTS has striking geopolitical features in terms of level of representation in Turkic-speaking populations. The author concludes that the prospects of OTS are limited by several conditions. First, the lack of internal motivation. Secondly, the absence of a continuous geographical space, which hinders the process of Turkic integration. Thirdly, the diversity of the geopolitical and geo-economic interests of its members and observer countries weakens the effectiveness of their collective actions. Fourthly, the efforts of the newly independent states to create a titular nation somewhat contradict the goals of Turkic integration. Moreover, OTS's desire for integration in a wider space is a distant goal lacking strong leadership. However, OTS influences Central Asia, the ideological struggles of the respective countries, the initiative of the "Belt and Road" and the game of Major powers. In particular, the OTS is a serious challenge for Russia in its national security and foreign interests.

Keywords: Organization of Turkic States; Türkiye; Turkic integration; geopolitics; Russia; pan-Turkism.

Обзоры и аналитика

УДК: 323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-88-100

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: САМООЦЕНКА И МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

О. В. Попова, Н. В. Гришин

Попова Ольга Валентиновна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет;
старший научный сотрудник,
ИНИОН РАН.
E-mail: o.popova@spbu.ru (ORCID: 0000-0002-0701-7767).

Гришин Николай Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет;
ведущий научный сотрудник,
ИНИОН РАН.
E-mail: nvgrishin@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0850-7581).

Аннотация

Представлен анализ результатов двух эмпирических исследований политического доверия российской молодежи, проведенных осенью 2022 г. – всероссийского онлайн-анкетирования молодежи и экспертного опроса. Эмпирические исследования проведены в рамках реализации научного проекта «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тенденции, системные риски». Самооценка политического доверия молодежи включала выявление ее отношения к институтам власти и политикам от местного до федерального уровней, к силовым институтам, а также к общественным организациям. Экспертный опрос был основан на применении метода нестандартизованного интервью. Вычислена переменная, позволяющая прояснить вопрос о пропорции недоверяющих власти, демонстрирующих низкие, средние и высокие показатели политического доверия. По сравнению с предыдущими онлайн-опросами заметно выросли показатели антирейтинга доверия. Выявлен раскол в оценке молодежью политического курса государства во внутренней и внешней политике и деятельности конкретных институтов. Получены данные о дифференциации политического доверия молодежи к отдельным политическим институтам. В решении вопроса о наличии возрастных внутрипоколенческих отличий политических установок молодежи представляется значимой выявленная дифференциация трех возрастных групп.

Ключевые слова: политическое доверие; молодежь; доверие к органам власти; молодежная политика; социальное доверие.

Цель данной статьи – выявление актуального уровня политического доверия различных групп российской молодежи. Безусловно, исследователей интересовали не только показатели доверия молодежи к институтам власти и политикам в весьма непростой внутри- и внешнеполитической ситуации, но и возможность структурирования этой социально-демографической группы по подгруппам в зависимости от их предрасположенности к доверию/недоверию. Нам было важно проверить, насколько в условиях социальной и политической турбулентности «работают» статистические закономерности, которые мы воспринимаем как нечто совершенно незыблемое. В частности, в предыдущие два десятилетия уровень политического доверия российских юношей и девушек был примерно одинаковым (Реутов, Кравченко, Гиндес, 2019; Попова, 2017); несколько более критично в отношении властных структур и политиков были настроены студенты, жители мегаполисов. Было очевидно, что

в зависимости от структуры доминирующих типов населенных пунктов в федеральных округах могут различаться и показатели политического доверия молодежи (Попова, Лагутин, 2019).

Еще одна важнейшая исследовательская задача касалась вычисления переменной, которая позволила бы прояснить вопрос о пропорции недоверяющих власти, демонстрирующих низкие, средние и, наконец, высокие показатели этой важной политической установки, служащей как поддержанию политической стабильности и сдерживанию рисков роста политической напряженности, но также положительно влияющей и на формирование гражданской солидарности, что в настоящее время является очень значимым компонентом политической социализации и ресоциализации новых поколений.

В рамках данной статьи изложена только небольшая часть эмпирических результатов исследовательского проекта «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тенденции, системные риски» (август–декабрь 2022 г.), который включал проведение массового онлайн-опроса молодежи, экспертного опроса специалистов по данной тематике, анализ дискурса глав регионов и спикеров региональных парламентов с молодежью на их персональных интернет-страничках, особенностей дискурса политизированных молодежных сообществ в ВКонтакте, а также опыт изучения лучших региональных практик взаимодействия органов власти с молодежью. При реализации проекта использовались принцип триангуляции и сочетание количественных и качественных методов исследования.

Теоретическая рамка исследования

Вопросы политического доверия молодежи стали объектом повышенного внимания исследователей в 2010-е гг. как в отечественной, так и в зарубежной науке. Были сформулированы теоретические подходы, отражающие основные закономерности и тенденции политического доверия молодежи в различных условиях (Гришин, 2021: 51; Александрова, 2017).

На современном этапе исследований продолжается спор между сторонниками двух основных подходов к решению вопроса о формировании политического доверия – «культурных» и «институциональных теорий» (Chevalier, 2019; Schoon, Cheng, 2011: 625). С точки зрения первых, политическое доверие основано на установках и ценностях, которые усваиваются в раннем возрасте и передаются из поколения в поколение (Inglehart, 1997; Putnam, 2000). Предполагается, что ценности приобретаются в начале жизни, а затем сохраняются во взрослые годы и «кристаллизуются» к тому времени, когда человек достигает зрелости. В отличие от этой точки зрения, институциональные теории предусматривают, что политическое доверие имеет рациональную основу и на него влияют индивидуальные оценки функционирования институтов (Netherington, 1998), в связи с чем отношение к ним варьируется в зависимости от непосредственных знаний и опыта.

Одной из важнейших теоретических проблем в области изучения политического доверия молодежи, стал вопрос, объясняются ли различия в политическом доверии в большей степени возрастом или принадлежностью к иному поколению. Анн Мюксель объясняет различия в политическом доверии молодежи фактором возраста: молодой возраст рассматривается как период «политического моратория», когда отношение к политике еще не установилось и подвергается частым изменениям (Muxel, 2001). Гарсия Альбасете связал фактор возраста с известным в психологии «эффектом когорты»: он предположил, что переход к взрослой жизни занимает больше времени, чем раньше, и является более сложным, что объясняет наблюдаемое снижение политического доверия молодежи (Albacete, 2014). Особенности изменения доверия в рамках сравнительного и эконометрического анализа отмечены в работах О.А. Демидовой, акцентировавшей роль влияния возраста (молодые реже доверяют, чем пожилые) и семейного положения на политическое доверие; в качестве одной из технологий формирования доверия ей было названо повышение значимости семейных ценностей (Demidova, 2011: 114–132).

Распространен подход, в соответствии с которым низкий уровень политического доверия – результат не столько возрастных, сколько поколенческих особенностей (Henn, Foard, 2012: 56-57). Поскольку уровень доверия зависит от включенности в политические процессы, новые поколения в современном мире отличаются более слабыми связями с национальными структурами и большей открытостью к глобальным процессам (в том числе посредством современных информационных технологий). Вследствие этого ожидается, что новые поколения граждан могут сохранить скептическое отношение к политическим и государственным институтам национального уровня и в более взрослом возрасте. В рамках данного подхода П. Норрис выделяет пять измерений политического доверия, по-

нимаемого как «поддержка правительства»: доверие политическому сообществу (нации-государству), принципам существующего режима, функционированию режима, институтам и политическим лидерам. П. Норрис показала, что уровень институционального доверия претерпел наиболее заметное снижение за последние десятилетия (Norris, 2011). При этом допускается, что эти изменения связаны с приходом новых поколений, которые в целом отличаются более низким уровнем политического доверия.

В 2016 г. Роберто Фoa и Яша Мунк обосновали тезис о том, что ценности и взгляды молодого поколения сигнализируют о направлении, в котором может развиваться политическая система (Foa, Mounk, 2017). Вместе с тем, хотя классическая литература о состоянии демократии рассматривала ценности и взгляды молодых людей как детерминанты демократического режима, очень немногие исследования были направлены на изучение силы этих эффектов.

Следует заметить, что в современной научной литературе феномены «политического доверия» и «политической лояльности» соотносятся по-разному (Бойко, 2007: 12–21). Мы считаем принципиально важным разводить эти понятия.

Дизайн исследования

В рамках всероссийского исследования политического доверия российской молодежи «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тенденции, системные риски» осенью 2022 г. были проведены всероссийское онлайн-анкетирование (ноябрь) и экспертный опрос (октябрь, ноябрь). Размер выборки составил 1500 респондентов по всей России в возрасте от 14 до 35 лет. Выборка квотная, с контролем несвязанных признаков пола, возраста и федерального округа проживания. В выборке молодые мужчины составили 50,93% респондентов, молодые женщины – 49,7%; 14–17-летние – 16,07%, 18–20-летние – 11,13%, 21–24-летние – 14,2%, 25–29-летние – 20,87%, 30–35-летние – 37,73%.

Параметры выборки строго соответствуют данным Росстата на 1 января 2022 г. (Численность населения, 2022), и не только по полу и возрасту, но и по распределению по федеральным округам. Согласно данным Росстата, больше всего молодежи (25% всей когорты в стране) проживает в Центральном федеральном округе. На втором месте по этому показателю стоит Приволжский Федеральный округ (19,6%), на третьем – Южный Федеральный округ (11,2%). Далее идут Сибирский (11,9%), Северо-Западный (9,3%), Уральский (8,5%) и Северо-Кавказский (8,4%). Меньше всего молодежи проживает в Дальневосточном Федеральном округе (6,1%).

Дополнительно к трем указанным параметрам выборки была проконтролирована также предельная доля людей с высшим образованием.

Самооценка политического доверия молодежи касалась выявления ее отношения к институтам власти и политикам от местного до федерального уровней, к силовым институтам, а также к общественным организациям.

В рамках экспертного опроса был использован метод нестандартизованного интервью. 30 экспертов – представители органов власти, по роду своей деятельности взаимодействующие с молодежью; исследователи, специализирующиеся на изучении политического сознания и поведения молодежи; активисты и лидеры молодежных организаций и движений – высказали свое представление об уровне политического доверия данной социально-демографической группы к институтам власти и политическим лидерам.

Результаты исследования

В ходе массового онлайн-опроса молодые респонденты оценивали степень своего доверия политическим институтам и политикам (табл. 1). Анализ показал, что молодежь недостаточно хорошо информирована о действующем премьер-министре и своем региональном парламенте (достаточно большой процент затруднившихся с ответом; соответственно 16,5 и 12,6%).

При составлении рейтинга доверия ответы молодежи о 7 оцениваемых институтах и политиках были редуцированы до трех позиций. Несомненным лидером выступает действующий президент страны (однозначно оценили свои чувства к нему как полное доверие и относительно высокое доверие соответственно 25,5 и 19,5% молодежи). На второй месте рейтинга доверия расположились действующий премьер-министр, правительство страны и глава региона, в котором проживает опрашиваемый (суммарно однозначные положительные оценки составили для них соответственно 30,4, 30,9

и 28,7%). На третьей позиции – федеральный и региональные парламенты, а также органы местного самоуправления, которые ныне рассматриваются как «кирпичик» публичной власти (суммарно однозначные положительные оценки составили для этих структур в глазах российской молодежи 20,9, 21,2 и 20,2%).

Следует обратить внимание на заметно выросшие по сравнению с предыдущими годами (мы делали замеры доверия российской молодежи в 2014, 2015, 2018, 2019 и 2021 гг.) показатели антирейтинга доверия. На наш взгляд, имеет место не консолидация молодежи в оценке политического курса Российского государства во внутренней и внешней политике и деятельности конкретных институтов, а как раз раскол. Насколько он окажется глубоким и устойчивым, в настоящее время сказать сложно. Однако совершенно очевидно, что процесс дифференциации отношения молодежи к органам государственной власти не завершен (суммарно доля тех, кто предпочитает уклоняться от ответа или давать ответ «50 на 50», превышает треть опрошенной молодежи).

Таблица 1

Политическое институциональное и персональное доверие российской молодежи, % по строке

Институт власти	Не доверяю абсолютно	Скорее, не доверяю	В чем-то доверяю, в чем-то нет	Скорее, доверяю	Доверяю абсолютно	Затрудняюсь ответить	Всего	Рейтинг доверия
Органы местной власти	13,0	18,9	39,3	16,5	3,7	8,6	100,0	3
Региональный парламент	14,4	18,1	33,7	16,9	4,3	12,6	100,0	3
Глава региона	19,3	17,0	26,3	20,6	8,1	8,8	100,0	2
Федеральный парламент	23,0	19,0	28,0	15,3	5,6	9,0	100,0	3
Правительство РФ	21,0	12,7	28,4	21,0	9,9	7,1	100,0	2
Премьер-министр М.В. Мишустин	17,6	11,7	23,7	20,7	9,7	16,5	100,0	2
Президент В.В. Путин	20,2	8,7	20,1	19,5	25,5	6,2	100,0	1

Интересно то, что впервые за много лет на полученной базе данных опроса оказалось невозможно провести факторный анализ на основе включения в него объектов самооценки доверия; в результате проведенных манипуляций программа SPSS делала вывод о невозможности обнаружения более чем одного фактора, что свидетельствует о стереотипности восприятия институтов и политиков, несмотря на весьма заметные отличия в фиксируемом уровне доверия к ним.

Об этом же говорит и корреляционный анализ между институциональными и персональными объектами оценки политического доверия (табл. 2). Даже на уровне проверки степени сходства/отличия ответов молодежи о доверии к локальным структурам власти и самым высоким ее «этам», мы видим высокую степень сходства и совпадения ответов, о чем свидетельствуют статистически значимые положительные коэффициенты корреляции Спирмена.

**Коэффициенты корреляции между оценками различных институтов власти
(коэффициент Спирмена)**

Институт власти	Органы местной власти	Региональный парламент	Глава региона	Федеральный парламент	Правительство РФ	Премьер-министр М.В. Мишустин	Президент В.В. Путин
Органы местной власти	–	+0,717	+0,671	+0,609	+0,583	+0,544	+0,519
Региональный парламент	+0,717	–	+0,702	+0,654	+0,598	+0,561	+0,535
Глава региона	+0,671	+0,702	–	+0,626	+0,605	+0,562	+0,563
Федеральный парламент	+0,609	+0,654	+0,626	–	+0,798	+0,670	+0,720
Правительство РФ	+0,583	+0,598	+0,605	+0,798	–	+0,725	+0,721
Премьер-министр М.В. Мишустин	+0,544	+0,561	+0,562	+0,670	+0,725	–	+0,702
Президент В.В. Путин	+0,519	+0,535	+0,563	+0,720	+0,721	+0,702	–

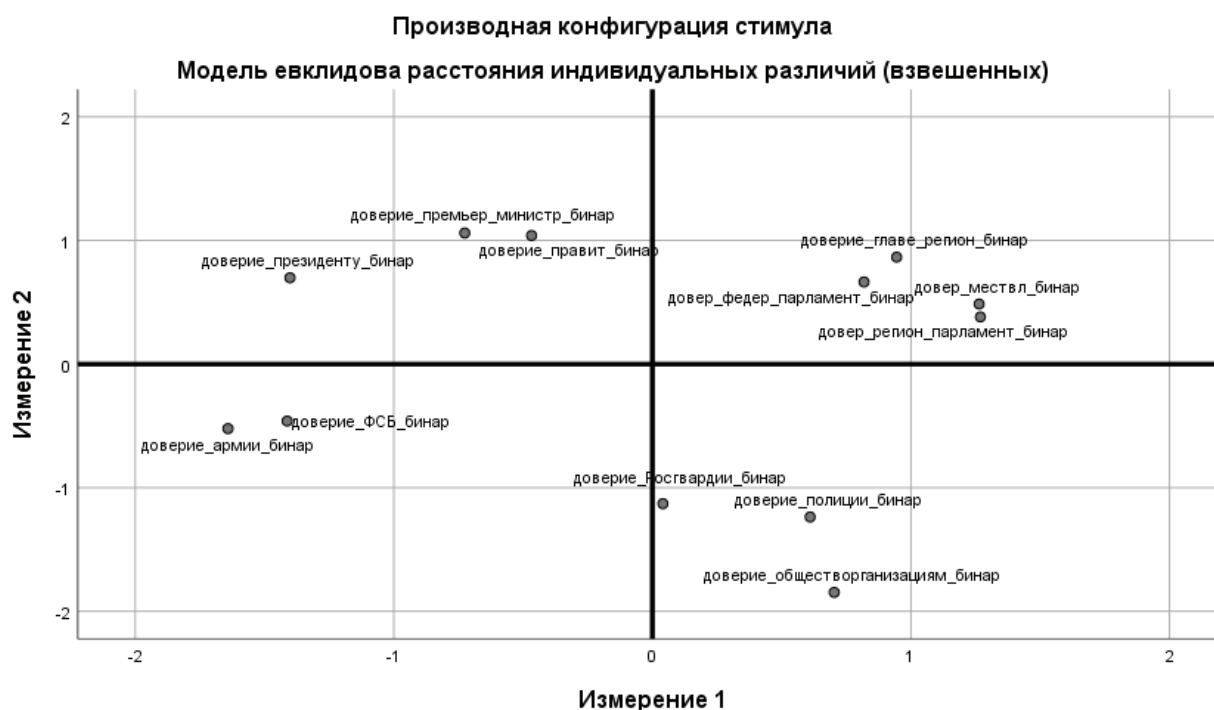
По сравнению с предыдущими годами произошли некоторые подвижки в плане доверия молодежи к силовым институтам, которые, наряду с другими, выполняют в государстве важные политические функции (табл. 3). Мы видим значительное число уклоняющихся от ответа (от 6% в отношении к полиции до 11,2% в отношении к ФСБ) и тех, кто предпочитают давать ответ «50 на 50» (от 19,9% в отношении ФСБ до 33,7% в отношении полиции). Мы также видим раскол оценок (отсутствует так называемое «нормальное гауссовское распределение ответов»), а в отношении трех из 4 «силовых институтов» баланс оценок отрицательный. Хотя максимально схоже распределение ответов молодежи в отношении армии и ФСБ (и в отношении этих структур баланс оценок положительный), проведенный дополнительно корреляционный анализ так же, как и в отношении управленческих структур, показал наличие устойчивых положительных статистически значимых связей в самооценке молодежи своего отношения к «силовикам»: коэффициенты корреляции Спирмена между этими 4 объектами колеблются в диапазоне от +0,56 до +0,734.

Доверие российской молодежи политическим институтам, % по строке

Силовое ведомство	Не доверяю абсолютно	Скорее, не доверяю	В чем-то доверяю, в чем-то нет	Скорее, доверяю	Доверяю абсолютно	Затрудняюсь ответить	Всего	Рейтинг доверия
Армия	15,5	8,7	23,0	26,7	19,2	6,8	100,0	1
Полиция	15,3	17,4	33,7	21,1	6,4	6,0	100,0	3
Росгвардия	22,4	14,5	23,9	20,9	7,7	10,5	100,0	3
ФСБ	17,9	8,8	19,9	23,5	18,7	11,2	100,0	2

Кроме того, был задан вопрос о доверии институтам гражданского общества – общественным организациям. Высказали полное доверие общественным организациям только 4,5%; скорее, доверяют им 24,1%, в чем-то доверяют, в чем-то нет – 39,1%; скорее, не доверяют 15,2, не доверяют абсолютно 7,1%. Затруднились ответить 9,9% молодых респондентов.

Проведенное многомерное шкалирование при оценке близости объектов на графике (см. рисунок) также подтверждает картину сходства характера распределения ответов молодежи на вопросы о политическом доверии структурам и персонам.

Многомерное шкалирование результатов самооценки молодежью политического институционального и персонального политического доверия

Вычисление новой переменной – уровень политического доверия на основе оценок 12 объектов – позволило выделить четыре группы респондентов: абсолютно недоверяющие политическим институтам (26,4%), молодежь с низким уровнем политического доверия (32,9%), со средним уровнем доверия (24,8%) и с высоким показателем доверия (15,8%) (табл. 4).

Уровень политического доверия российской молодежи (% по столбцу)

Количество набранных баллов	Величина групп	Уровень политического доверия	Величина групп
0	26,4	Отсутствует	26,4
1	14,0	Низкий	32,9
2	9,7		
3	9,2		
4	7,8	Средний	24,8
5	6,0		
6	5,9		
7	5,1		
8	5,0	Высокий	15,8
9	3,4		
10	3,8		
11	3,6		
Всего	100,0	Всего	100,0

Корреляционный анализ не показал статистически значимых коэффициентов связи между уровнем политического доверия молодежи и основными социально-демографическими и статусными характеристиками этой группы. Однако на уровне оценки стандартизованных остатков в комбинированных таблицах удалось зафиксировать некоторые тенденции (табл. 5–7).

Так, наибольшую склонность абсолютно не доверять политикам и политическим институтам проявляют мужчины, молодежь в возрасте от 21 года до 29 лет, студенты, обладатели неполного высшего образования, испытывающие существенные материальные затруднения («денег хватает только на продукты питания»), жители мегаполисов и крупных промышленных центров (стандартизованные остатки равны соответственно +1,7 +2,1, +3,4, +2,3, +2,2, +1,9).

Из данных таблицы мы ясно видим, что молодежь, не достигшая совершеннолетия, завершающая этап вторичной политической социализации, в большей степени, чем другие подгруппы, склонна полностью доверять политическим институтам и политикам.

Люди в возрасте 21–24 лет резко меняют свое отношение к власти и демонстрируют либо низкий уровень политического доверия, либо его полное отсутствие. Наконец, к возрасту 30–35 лет происходит определенная стабилизация восприятия образов политиков, институтов и политического курса, и представители данной возрастной страты начинают демонстрировать несколько большую склонность к среднему уровню доверия (статистически значимые стандартизованные остатки равны соответственно +5,0, +1,7, +2,1, +3,4, +2,2) (табл. 5).

Уровень политического доверия различных возрастных подгрупп молодежи, % по строке

Возраст	Доверие отсутствует	Уровень доверия низкий	Уровень доверия средний	Уровень доверия высокий	Всего
14-17 лет	19,1	25,3	27,0	28,6	100,0
	-2,2	-2,1		+5,0	
18-20 лет	24,4	33,8	23,6	18,2	100,0
21-24 года	33,6	38,9	19,0	8,4	100,0
	+2,1	+1,7	-1,8	-2,8	
25-29 лет	36,4	33,5	20,1	9,9	100,0
	+3,4		-1,7	-2,6	
30-35 лет	21,9	33,0	29,5	15,5	100,0
	-2,1		+2,2		

* Вторая цифра в ячейке таблицы — статистически значимый стандартизованный остаток, в зависимости от знака фиксирующий склонность или отсутствие склонности группы мыслить или действовать определенным образом.

Обнаружена взаимосвязь уровня образования молодежи и предрасположенности к политическому доверию/недоверию. Так, наибольшую склонность к полному отсутствию политического доверия демонстрируют обладатели неполного высшего образования, к среднему уровню доверия – молодежь со средним профессиональным образованием, к высокому уровню доверия – люди с начальным и неполным средним образованием, школьники (соответствующие статистически значимые стандартизованные остатки равны соответственно +2,5, +2,3, +2,1, +6,1).

Таблица 6

Уровень политического доверия молодых жителей различного типа населенных пунктов, % по строке

Типы населенных пунктов	Доверие отсутствует	Уровень доверия низкий	Уровень доверия средний	Уровень доверия высокий	Всего
Мегаполис, областной центр, крупный промышленный город	29,6 +1,9	34,4	23,2	12,7 -2,3	100,0
Небольшой город	22,6 -1,6	32,8	25,8	18,8 +1,7	100,0
Поселок городского типа	22,0	31,9	28,6	17,6	100,0
Село, деревня, хутор	15,6 -2,1	22,9 -1,7	34,4 +1,9	27,1 +2,8	100,0

* Вторая цифра в ячейке таблицы — статистически значимый стандартизованный остаток, в зависимости от знака фиксирующий склонность или отсутствие склонности группы мыслить или действовать определенным образом.

Подтвердилась и гипотеза о том, что жители крупных населенных пунктов и студенты склонны более критично воспринимать политическую реальность и субъектов политической деятельности, тогда как жители небольших городков и сельской местности, напротив, демонстрируют больше политического доверия органам власти (статистически значимые стандартизованные остатки равны соответственно +1,9, +1,7, +1,9, +2,8) (табл. 6).

Наконец, анализ стандартизованных остатков в комбинированной таблице, фиксирующей распределение молодежи с разным уровнем политического доверия по федеральным округам (табл. 7), показал, что при всем внешнем сходстве распределения результаты определенные отличия все-таки есть. Так, молодежь Северо-Западного и Сибирского федеральных округов в несколько большей степени склонна демонстрировать отсутствие политического доверия; наиболее отчетливо низкий уровень политического доверия просматривается в Приволжском Федеральном округе, средний – в Южном, высокий – в Северо-Кавказском Федеральном округе (статистически значимые стандартизованные остатки равны соответственно +3,7, +1,9, +1,7, +1,7, +5,0).

Таблица 7

Уровень политического доверия молодежи в Федеральных округах Российской Федерации, % по строке

Федеральные округа	Доверие отсутствует	Уровень доверия низкий	Уровень доверия средний	Уровень доверия высокий	Всего
Центральный ФО	21,9 -1,7	36,5	26,4	15,2	100,0
Северо-Западный ФО	39,3 +3,7	28,0	22,7	10,0 -2,1	100,0
Южный ФО	22,0	29,8	31,5 +1,7	16,7	100,0

Федеральные округа	Доверие отсутствует	Уровень доверия низкий	Уровень доверия средний	Уровень доверия высокий	Всего
Северо-Кавказский ФО	21,4	19,8 -2,6	25,4	33,4 +5,0	100,0
Приволжский ФО	25,4	38,4 +1,7	22,4	13,6	100,0
Уральский ФО	24,2	36,7	24,2	14,9	100,0
Сибирский ФО	32,6 +1,6	28,7	25,3	13,4	100,0
Дальневосточный ФО	24,2	38,5	18,7	18,6	100,0

* Вторая цифра в ячейке таблицы – статистически значимый стандартизованный остаток, в зависимости от знака фиксирующий склонность или отсутствие склонности группы мыслить или действовать определенным образом.

Дискуссия

Традиционно экспертный опрос используют в целях уточнения и углубления информации, полученной в ходе массового опроса или в качестве предшествующего ему этапа, однако в данном проекте онлайн-анкетирование молодежи и интервьюирование экспертов проходило параллельно по времени, поскольку была интересна точка зрения экспертов прежде всего по проблемам глубинных причин трендов, мотивации и факторов формирования политического доверия/недоверия. В данной статье мы затрагиваем только два аспекта: методический вопрос об объектах оценки политического доверия и представление экспертов об актуальном состоянии политического доверия молодежи.

Первый аспект обозначенной исследовательской проблемы заключается в наборе объектов для оценки и определении системы индикаторов для понимания сути данного явления, второй касается собственно поиска параметров определения политического доверия как низкого, среднего или высокого.

Занимающиеся проведением эмпирических исследований политического сознания и поведения молодежи специалисты утверждают, что ограничиваться выяснением отношения респондентов только к органам власти и отдельным широко известным политикам нельзя. В современном мире отношение к различным типам общественных организаций, включая волонтерские и религиозные, также предельно политизировано и также позволяет понять отношение населения к власти («Мы обычно формулируем свои вопросы как доверие органам власти, их представителям и общественно-политическим организациям, то есть мы сюда включаем и церковь, религиозные вернее организации ... общественные организации, волонтерские, молодежные, политические организации... На сегодняшний день уровень доверия политическим организациям значительно ниже, чем общественным, в частности, волонтерским организациям. В этом плане важно понять, оценить ... без этого дополнительного общественного компонента очень сложно» (ж., политолог, доктор политических наук, специалист в области молодежных исследований)).

Эксперты обращают внимание на то, что в рамках проведения исследования достаточно часто происходит подмена понятий. Так, политическое доверие ученые могут смешивать с симпатией или поддержкой политического курса, позитивной оценкой деятельности, признанием влиятельности структуры или персоны («Как показала практика, доверие в молодежной среде воспринимается как оценка деятельности определенных органов власти и очень часто ей подменяется. Конечно, на мой взгляд, как исследователя, доверие нужно воспринимать как определенный позитивный образ, позитивное восприятие органов власти. И вообще-то доверие должно быть шире, чем оценка деятельности ... надо разделять доверие и влияние» (ж., политолог, доктор политических наук, специалист в области молодежных исследований)). Эксперты считают, что реальным показателем политического доверия молодежи является участие этой группы в поддерживающих (легитимизирующих) существующую политическую систему формах публичной политической активности («Уровень политического доверия у молодёжи, в целом, низкий. Эта группа населения не очень активно участвует в по-

литической жизни, в частности, в выборах, особенно в регионах» (м., представитель молодежи, политический активист)).

Эксперты справедливо отмечают, что собственно количественные формализованные и стандартизованные методики не дают точной картины политического доверия, поскольку при ответе на вопрос о степени доверия респонденты могут иметь в виду совершенно разные моменты. Для кого-то из респондентов это отношение к его образу, реакция на используемые имиджевые технологии, для кого-то принятие или непринятие политических идей и программы лидера или партии, (не)согласие с проводимым политическим курсом («Если мы уже про качественный анализ термина доверия, то он может включать в себя разные составляющие: это и отношение к тому, что политик говорит; это и отношение к его внешности, образу; и это в принципе отношение к тем идеям, идеологемам, которыми считается, что должно быть наполнено содержание публичной деятельности политика» (м., политолог, политтехнолог, организатор молодежного движения)).

По мнению экспертов, существует взаимозависимость между формированием доверия и отношения к органам власти; для разных поколений направленность влияния может отличаться («С одной стороны, доверие должно формироваться как некий габитус, как некая долгосрочная переменная, и она ... может определять отношение к органам власти... если человек доверяет, то он по определению должен воспринимать идеи более позитивно. Но с другой стороны, очень часто исследования показывают, что происходит обратное – отношение к органам власти формирует доверие в массовом сознании. Для молодежи ... характерен второй подход, для старшего поколения (имеется в виду пенсионеров и так далее) — первый... доверие как вера воспринимается» (ж., политолог, доктор политических наук, специалист в области молодежных исследований)). Фактически в данном случае мы имеем дело с установками сознания, находящимися в отношениях функциональной зависимости.

Доминирующая точка зрения экспертов заключается в признании общего уровня политического доверия молодежи достаточно невысоким («Я бы охарактеризовала уровень политического доверия российской молодежи как средне-низкий, то есть не совсем низкий, прямо уровень плинтуса, а такой средне-низкий» (ж., политический психолог, доктор политических наук); «Я бы характеризовала уровень доверия скорее как низкий, особенно среди образованной молодежи среднего и высшего класса, жителей больших городов. Если мы посмотрим на регионы... конечно, уровень доверия будет выше исходя из того, что они используют меньше ресурсов различных информационных» (ж., политолог, активистка волонтерского движения помощи беженцам)).

Существенным фактором, определяющим в настоящее время политическое доверие молодежи, является ее отношение к СВО и частичной мобилизации, затрагивающей наиболее активные социальные группы населения. По мнению экспертов, возникает некоторое двоемыслие, наблюдается заметное снижение политического доверия молодежи к власти на фоне нежелания обозначать свою точку зрения («Мы видим, что доверие по факту снижается параллельно с возрастанием декларируемой поддержки» (м., политолог, доктор политических наук)).

Наблюдается расхождение мнений от других респондентов точки зрения экспертов-прикладников, которые по своим исследованиям в отдельных регионах видят положительный тренд к росту доверия («... обрабатывая данные по нашему региону... афишировать я не могу эти результаты, но... по сравнению с прошлым годом уровень доверия и вообще уровень положительного восприятия ситуации вырос; уровень раздражения, удивительно, что в студенческой среде, в молодежной (школьники, студенты) снизился... Пропаганда это? ... уровень доверия ... к силовым структурам, президенту вырос по сравнению с предыдущим годом» (ж., политолог, доктор политических наук, специалист в области молодежных исследований)).

По мнению экспертов, в рамках изучения политического доверия обязательно необходимо оценивать институциональное и персональное, однако межличностное доверие остается важнейшим фактором, позитивно влияющим на состояние дел внутри страны («Измеряется институциональное доверие и межличностное доверие. Динамика остается постоянной. Уровень межличностного доверия считается ниже, чем достаточно для экономического роста...» (м., политолог, доктор политических наук, организатор молодежного движения)).

Эксперты осознают неоднородность политического доверия различных групп молодежи («Абсолютно точно молодёжь неоднородна в этом плане...» (ж., политический деятель, «СР-ЗП-ПР»)). Существеннейшим фактором остается возраст. Можно говорить о внутрипоколенческих расколах. («Когда мы говорим о доверии тем или иным политикам, то ... я вижу практически полное отсутствие интереса к этой теме. Фактически сегодня политически активной молодежи как таковой и

нет. Вот до 25 лет точно. 25–35 лет – это уже что-то» (м., политолог, политтехнолог, организатор молодежного движения)).

Как мы видим, в целом оценки экспертов о состоянии политического доверия молодежи не отличаются существенно от того, что было получено в ходе массового онлайн-опроса молодежи. Тем не менее, они дают основание говорить о том, что для обнаружения нюансов доверительного отношения респондентов к политикам и органам власти требуется более тонкий инструментарий.

* * *

В целом результаты двух эмпирических исследований, экспертного опроса и массового онлайн-опроса российской молодежи, совпадают. Проведенное исследование дает ценный материал для изучения вопроса, объясняются ли различия в политическом доверии возрастом или принадлежностью к иному поколению. Выявленные в результате эмпирических исследований глубокие различия в уровне политического доверия между отдельными возрастными группами молодежи дают основания вывести обсуждение этого вопроса на новый уровень. Самым низким уровнем политического доверия отличается молодежь в возрасте 21–29 лет, наиболее высоким – до 20 лет. Средние показатели характерны для возрастной группы от 30 лет. В настоящее время не ясно, являются ли эти существенные различия возрастными или же отражают различия политических установок между поколениями. Феномен «скептических 20-летних»: возрастная группа от 20 до 30 лет, в которой достаточно высокий интерес к политике совмещается с весьма низким уровнем доверия существующим государственным институтам.

Проведенное исследование позволило выявить дифференциацию доверия российской молодежи основным общественно-политическим институтам. Полученные результаты свидетельствуют о размежевании ценностно и политически различных типов молодежи. Подтверждается мнение ряда ученых (Щекотуров, 2021) о том, что происходит углубление раскола внутри молодежи по уровню и направленности политического доверия. Вопреки распространенному мнению (Moamenla, 2017), результаты исследований подтверждают, что молодежь интересуется политической тематикой.

Нашел подтверждение вывод П.М. Козыревой и А.И. Смирнова о том, что «меньшим доверием пользуются институты, помогающие реализовывать гражданские и политические права. Участие в политической жизни не воспринимается большинством россиян как инструмент изменений, а право пользоваться такого рода инструментами не особенно ценится» (Козырева, Смирнов 2015:83).

Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение фокуса анализа для преодоления ограничений проведенного исследования. В частности, представляется перспективным выявить роль макродетерминант в различиях политического поведения и установок отдельных групп молодежи.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта N 122101100043-9 «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тренды и риски».

Список литературы / References

- Александрова, Ю. А. (2017) 'Политическое доверие как управленческий ресурс в системе общественно-политических отношений современной России', *Правовая культура*, 3 (30), сс. 50–57. [Aleksandrova, Yu. A. (2017) 'Political trust as a managerial resource in the system of socio-political relations of modern Russia [Politicheskoye doveriye kak upravlencheskiy resurs v sisteme obshchestvenno-politicheskikh otnosheniy sovremennoy Rossii]', *Legal Culture*, 3 (30), pp. 50–57. (In Russ.)].
- Бойко, С. И. (2007) 'Проблема соотношения доверия, легитимности и политической стабильности в переходной политической системе современной России' в *«Новая Россия»: Проблема доверия в современном российском политическом сообществе*. Москва: Изд-во РГГУ, сс. 12–21. [Boyko, S. I. (2007) 'The problem of correlation of trust, legitimacy and political stability in the transi-

- tional political system of modern Russia' [Problema sootnosheniya doveriya, legitimnosti i politicheskoy stabil'nosti v perekhodnoy politicheskoy sisteme sovremennoy Rossii] in: *"New Russia": The problem of trust in the modern Russian political community*. Moscow: Publishing House of the Russian State Humanitarian University, pp. 12–21. (In Russ.).
- Гришин, Н. В. (2021) "Теория подкрепления" и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 23. (1), сс. 47–59. [Grishin, N. V. (2021) "Reinforcement theory" and the study of the influence of Internet technologies on the political participation of modern youth' [Teoriya podkrepleniya] i izucheniye vliyaniya internet tekhnologiy na politicheskoye uchastiye sovremennoy molodezhi], *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 23. (1), pp. 47–59. (In Russ.).]
- Демидова, О. А. (2011) 'Моделирование доверия населения к основным социальным и политическим институтам: сравнительный эконометрический анализ', *Прикладная эконометрика*, 1, сс. 126–127. [Demidova, O. A. (2011) 'Modeling Public Confidence in Major Social and Political Institutions: A Comparative Econometric Analysis' [Modelirovanie doverija naselenija k osnovnym social'nym i politicheskim institutam: sravnitel'nyj jekonometricheskij analiz], *Prikladnaja jekonometrika*, 1, pp. 126–127. (In Russ.).]
- Козырева, П. М., Смирнов, А. И. (2015) 'Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности', *Вестник Института социологии*, 1 (12), сс. 79–99. [Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. (2015) 'Political trust in Russia: some features and the problem of optimality' [Politicheskoye doveriye v Rossii: nekotoryye osobennosti i problema optimal'nosti], *Bulletin of the Institute of Sociology*, 1 (12), pp. 79–99. (In Russ.).]
- Попова, О. В. (2017) 'Особенности политического сознания современной российской молодежи', *Политическая наука*, 1, сс. 138–163. [Popova, O. V. (2017) 'Features of the political consciousness of modern Russian youth' [Osobennosti politicheskogo soznaniya sovremennoy rossiyskoy molodezhi], *Political Science*, 1, pp. 138–163. (In Russ.).]
- Попова, О. В., Лагутин, О. В. (2019) 'Политические настроения молодежи: лояльность или протест?', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 21(4), сс. 599–619. [Popova, O. V., Lagutin, O. V. (2019) 'Political moods of youth: loyalty or protest?' [Politicheskkiye nastroyeniya molodezhi: loyal'nost' ili protest?], *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 21(4), pp. 599–619. (In Russ.).]
- Реутов, В. Е., Кравченко, Л. А., Гиндес, Е. Г. (2019) 'Доверие как институциональный фактор качества государственного управления экономикой', *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета*, 2 (64), сс. 191–196 [Reutov, V. E., Kravchenko, L. A., Gindes, E. G. (2019) 'Trust as an institutional factor in the quality of state management of the economy' [Doveriye kak institutsional'nyy faktor kachestva gosudarstvennogo upravleniya ekonomikoy], *Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University*, 2 (64), pp. 191–196. (In Russ.).]
- Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 г. (2022) *Статистический бюллетень*. Москва: Росстат [Population of the Russian Federation by sex and age as of January 1 (2022) [Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po polu i vozrastu na 1 yanvary 2022 goda]. *Statistical bulletin*. Moscow: Rosstat. (In Russ.).]
- Щекотуров, А. В. (2021) 'Политическое доверие и ценности лояльной и оппозиционной молодежи в эксклавному регионе России', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 23(4), сс. 570–583. [Shchekoturov, A. V. (2021) 'Political Trust and Values of Loyal and Oppositional Youth in the Exclave Region of Russia' [Politicheskoye doveriye i tsennosti loyal'noy i oppozitsionnoy molodezhi v eksklavnom regione Rossii], *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 23(4), pp. 570–583. (In Russ.).]

- Albacete, G. G. (2014) *Young people's political participation in Western Europe: Continuity or generational change?* New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Chevalier, T. (2019) 'Political trust, young people and institutions in Europe. A multilevel analysis', *International Journal of Social Welfare*, 28(4), pp. 418–430.
- Foa, R. S., and Mounk, Y. (2017) 'The signs of deconsolidation', *Journal of Democracy*, 28(1), pp. 5–16.
- Henn, M., and Foard, N. (2012) 'Young people, political participation and trust in Britain', *Parliamentary Affairs*, 65(1), pp. 47–67.
- Hetherington, M. J. (1998) 'The political relevance of trust', *American Political Science Review*, 92, pp. 791–808.
- Inglehart, R. (1997) *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Moamenla, A. (2017) 'The Dynamics of Political Trust among Youth', *Asian Journal of Research in Social Sciences and Humanities*, 7(8), pp. 300–310.
- Muxel, A. (2001) *L'expérience politique des jeunes*. Paris: Presses de Sciences Po.
- Norris, P. (2011) *Democratic deficit: Critical citizens revisited*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Putnam, R. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.
- Schoon, I., and Cheng, H. (2011) 'Determinants of Political Trust: A Lifetime Learning Model', *Developmental Psychology*, 47(3), pp. 619–631.

Статья поступила в редакцию: 13.12.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

RUSSIAN YOUTH'S POLITICAL TRUST: SELF-ASSESSMENT AND EXPERT OPINION

O. V. Popova, N. V. Grishin

O. V. Popova, Doctor in Political Science, Professor, the Head of the Department of Political Institutes and Applied Political Studies,
Saint Petersburg State University;
Senior Researcher at the INION RAS.
E-mail: o.popova@spbu.ru (ORCID: 0000-0002-0701-7767).

N. V. Grishin, Doctor in Political Science, Professor at the Department of Political Institutes and Applied Political Studies,
Saint Petersburg State University;
Leading Researcher at the INION RAS.
E-mail: nvgrishin@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0850-7581).

Abstract

An analysis of the results of two empirical studies of the political trust of Russian youth conducted in the fall of 2022 — an all-Russian online youth survey and an expert survey — was carried out. Empirical studies were a part of the implementation of the research project "Political Trust of the Russian Youth: Formation Mechanisms, State, Trends, Systemic Risks". The self-assessment of the political trust of young people included the identification of their attitude towards the institutions of power, as well as to NGOs, and politicians of all levels. The expert survey was based on the application of the non-standardized interview method. A variable was calculated to clarify the issue of the proportion of those who did not trust the authorities, demonstrating low, medium and high indicators of political trust. Compared to previous online surveys, trust anti-rating indicators grew significantly. A split was revealed in the assessment of young people's regard of the domestic and foreign policies and the activities of certain institutions. Data was obtained on the differentiation of the political trust of young people in certain political institutions. Age/generational explanations for the differences in the political attitudes of young people showed differences between the three age groups of young people.

Keywords: political trust; youth; trust in authorities; youth policy; social trust.

УДК: 323:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-100-113

**КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ИМИДЖА
РЕГИОНАЛЬНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА
ПРАВИТЕЛЬСТВА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Д. И. Каминченко

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

E-mail: Ert1fg2@rambler.ru (ORCID: 0000-0002-3193-3423).

Аннотация

Работа посвящена изучению содержания имиджа регионального лидера в коммуникативном поле интернет-пространства. Задачами исследования является установление в символическом наполнении имиджа руководителя тематических интенций, отображения способов их реализации, а также выявление особенностей коммуникации с другими представителями органов власти и обществом. Отталкиваясь от теории информационного общества, автор работы анализирует содержание новостных сообщений, размещенных на официальном веб-сайте Правительства Нижегородской области за период с 27 ноября 2021 г. по 9 июня 2022 г., содержащих упоминание главы региона. В исследовании используется комплекс прикладных методов, включающий в себя количественный контент-анализ, сетевой и лингвистический анализ. Результаты проводимого исследования визуализированы в форме облаков тегов и тематического графа. По итогам проведенной работы установлено, что одной из ключевых идей, представленных в имидже политического лидера, стала идея целедостижения. Важнейшие темы, нашедшие свое проявление в содержании имиджа, – это взаимодействие органов власти различных уровней, развитие экономики и строительства, управление областью в условиях кризисных явлений, запуск новых проектов и принятие качественно иных, прорывных решений, тесная интеграция области во взаимодействии с центром и российскими регионами.

Ключевые слова: политическая коммуникация; политический имидж; информационное общество; Интернет; контент-анализ; сетевой анализ данных; лингвистический анализ.

Быстрое распространение в обществе цифровых технологий способствует важнейшим изменениям в функционировании сферы политики. Цифровые платформы как пространство для коммуникации между властью и обществом «становятся частью реализации публичного управления в современном мире» (Сморгунов, 2021: 157), а распространяемая с их помощью информация и так называемые большие данные (трактовка указанного термина может включать в себя как указание на непосредственно большие объемы данных, так и на подходы и методы их обработки) «становятся дополнительным инструментом для государственного управления» (Шмелева, 2021: 40). Сетевые технологии расширяют возможности и для реализации обществом делиберативных практик, включая при этом и определенные риски, например, связанные с использованием бот-технологий. В частности, неслучайно ученые обращают внимание на существование возможности для контроля над человеческим поведением в социальных медиа с помощью ботов (Толокнев, 2021: 25).

Изменения, происходящие в условиях цифровизации современных коммуникативных практик, затрагивают общество и политических субъектов не только с точки зрения конкретных действий (на акторно-деятельностном уровне), но и на символическом уровне – в пространстве формируемых систем образов, знаков, имиджей и т.д. Трансформации, происходящие в символическом поле публичной политики, не столь заметны для наблюдателей, но при этом оказывают важнейшее влияние на действия общественных и политических субъектов в коммуникативном поле. Можно предположить, что доминирующие системы образов и символов способны определять способы действий со стороны различных субъектов коммуникативного поля публичной политики. Причем в условиях массового использования интернет-технологий и активного вовлечения общества в процессы их распростране-

ния политики и их сторонники вынуждены ещё более опираться на запросы со стороны общества при формировании и поддержании собственного политического имиджа. Усиливающееся влияние цифровых технологий на символическое поле публичной политики делает тему изучения политического имиджа современных политических лидеров крайне актуальной и востребованной в научном сообществе.

Цель данной работы – охарактеризовать содержание политического имиджа в интернет-пространстве одного из современных лидеров. Задачи исследования заключаются в выявлении в содержании имиджа политика следующих логико-смысловых аспектов: (1) ключевые тематические интенции (т.е. целевые направления деятельности, которые ретранслируются в самом имидже), (2) особенности реализации целевых установок (т.е. выполнения каких действий требует достижение формулируемых целей) и (3) преобладающие черты коммуникации с обществом и представителями власти (т.е. способы взаимодействия на субъектно-объектном уровне). Объект исследования – политический имидж губернатора Нижегородской области – Г.С. Никитина, молодого лидера региона, активно использующего интернет-технологии в процессе выполнения своих функций.

Теоретические основания исследования

Изучению политического имиджа уделяется значительное внимание как в русскоязычных исследованиях (Василенко, Дебольская, 2020; Головченко, 2018; Канюков, 2018; Курманина, 2017; Толкалов, 2013; Шелекасова, 2000; Каминченко, 2022; Каминченко, 2021), так и за рубежом (Bird et al., 2022; Severt & Nahm, 2020; Warren et al., 2020; Coakley et al., 2019; Wright & Tomlinson, 2018; Lou, 2017; Alvarez & Campo, 2014; Clemmer & Payne, 1991; Cundy, 1990). Применительно к вопросам терминологии необходимо обратить внимание на предпринимаемые учеными попытки сформулировать точное определение понятия «имидж». Л. Шилз в одной из своих работ, которая посвящена анализу имиджа кандидатов на выборах в США 1984 г., пишет о том, что имидж политического кандидата включает в себя такие компоненты, как «характерные атрибуты политика, личностные черты и точное описание их происхождения» (Shyles, 1988: 18). По мнению Н. А. Синеокой, имидж политического лидера – это «совокупность его образов как личности и профессионала» (Синеокая, 2017: 236), а Т. Н. Пищева указывает на то, что, чаще всего, имидж интерпретируется как «специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (власти, партии, страны и т.д.)» (Пищева, 2011: 47).

Выделяя основные направления изучения политического имиджа, обратим особое внимание на некоторые из них. Одно из них – это анализ процессов формирования и распространения имиджа политического субъекта. Опираясь на данные опросов общественного мнения, связанных с проведением президентской избирательной кампании 2012 г. в США, группа исследователей сформулировала структурную основу для анализа конкретных вопросов и проблем, выносимых в публичное пространство в ходе избирательной кампании. Ученые исходят из предположения, что эффекты от освещения тем или иным кандидатом одной и той же темы могут быть различными для самих политиков (Mortimore et al., 2015: 77). Поэтому для понимания тактических соображений, стоящих перед кандидатами на выборах, необходимо учитывать три взаимосвязанных фактора: (1) какие вопросы являются «сильными»/«слабыми» для кандидата (кандидат наиболее заинтересован поднимать те вопросы, где его позиция сильна, но перед ним может встать необходимость осветить и те вопросы, поднятые его оппонентом, где его позиции слабее); (2) какие вопросы наиболее тесно связаны с намерением индивида прийти на избирательный участок; и (3) какие вопросы влияют на отношение избирателей к каждому конкретному кандидату на выборах (Mortimore et al., 2015: 77).

В другой работе рассматривается влияние политической рекламы на формирование политического имиджа. Ученые сконцентрировали внимание на четырех характеристиках, которые часто называют важными детерминантами воздействия политической рекламы, а именно: (1) были ли отражены в содержании рекламы какие-либо тематические или имиджевые стратегии; (2) использовались ли в рекламном контенте с точки зрения тактики ведения предвыборной борьбы призывы к атакующим коммуникативным актам в отношении оппонента или же к поддержке собственной позиции; (3) наличие или отсутствие музыкального сопровождения на заднем плане; и (4) на чем сделан акцент в предвыборной рекламе: на демонстрации кандидата в окружении его семьи или на выполнении им профессиональной предвыборной деятельности (Thorston et al., 1991). Как показали результаты исследования, «тематическая» реклама, нацеленная, прежде всего, на освещение конкретной темы и отношения к ней со стороны политического субъекта, оказала более сильное положительное влияние

на отношение граждан к кандидату и самой рекламе, а также – на желание прийти на избирательный участок и проголосовать, чем непосредственно «имиджевая» реклама (использующая, главным образом, стратегию построения и распространения имиджа). Не нападки на оппонента, а тактика поддержки собственных позиций кандидата, используемая в рекламе, оказала более положительное влияние на отношение избирателей к самой рекламе, на их отношение к политическому лидеру и его качествам как кандидату на выборах, а также – вызвала более приятный эмоциональный отклик со стороны аудитории (Thorston et al., 1991: 480–481).

Ещё одно популярное направление изучения политического имиджа – это анализ восприятия его содержания индивидами и группами. Дж. Карлсон, Г. Гэниэл и М. С. Хайд в одной из своих работ, используя экспериментальный исследовательский дизайн, рассматривают имидж политического кандидата в зависимости от пола кандидата и его участия в каком-либо финансовом или сексуальном скандале (Carlson et al., 2000). Результаты проведенного исследования показали, что в зависимости от типа скандала (финансовый или сексуальный), в который оказался вовлечен политик, и от его пола общественность может по-разному оценивать того или иного политического кандидата (Carlson et al., 2000: 751). Причем, как и ожидали ученые, личностные черты кандидатов, не участвовавших в каких-либо скандалах (по сравнению с теми политиками, кто оказался вовлечен в скандальные истории), получили от респондентов более высокие оценки. Кроме того, не было установлено никаких существенных различий между оценками, данными респондентами кандидатам-мужчинам и женщинам, не участвовавшим в скандалах (Carlson et al., 2000: 750).

Восприятие имиджа политического лидера художниками-карикатуристами рассмотрено в одной из работ М. С. Моррисона (Morrison, 1969). Он пишет о том, что обработка отдельными художниками-карикатуристами образов А. Линкольна, Дж. Д. Блейна и Р.Ф. Кеннеди демонстрирует, что карикатурист, используя графические аналоги эффективного устного стиля, может сделать незаметные и неясные черты и образы более четкими и видимыми для аудитории, подчеркивая, что политическая карикатура эффективна так же и по тем же причинам, что и речевая коммуникация. Политический карикатурист как полемист стремится к целенаправленному объединению порой сложных смыслов в единый яркий образ. Вместе с тем ученый отмечает невозможность эмпирически доказать прямую причинно-следственную связь между исторической политической карикатурой и общественным мнением (Morrison, 1969: 253).

Формирование и восприятие политического имиджа проанализировано в недавней работе Дж. Блуменау и Б. Е. Лаудердале. Политические лидеры, по мнению ученых, тратят время и усилия на выработку аргументов для представления их избирателям, и в аргументах, которые они выдвигают, часто используются общие риторические элементы. Независимо от того, о какой конкретной политической линии идет речь, лидер может опираться на одобрение своей позиции со стороны авторитетного специалиста, акцентировать внимание на моральной стороне вопроса, демонстрировать тщательно выверенную оценку выгод и затрат от того или иного решения, оспаривать мотивы оппозиционных им акторов, представлять доказательства из исторического опыта или опыта других стран и т.д. (Blumenau, Lauderdale, 2022: 1). Используя экспериментальный дизайн и моделирование, Блуменау и Лаудердале оценили относительную эффективность разных аргументов, используемых в обсуждении различных тем политической повестки дня (на примере Великобритании). Они обнаружили лишь умеренные различия в степени и силе убедительности 14 различных риторических элементов и продемонстрировали, что существует значительная неоднородность в плане убедительности и силы аргументов, представленных внутри этих элементов. В совокупности эти результаты подразумевают, что убедительность различных типов аргументов существенно зависит от контекста и что анализ риторической структуры, характеризующей аргумент, позволяет лишь в ограниченной степени предсказать убедительность этого аргумента (Blumenau, Lauderdale, 2022: 13–14).

Несмотря на большой пласт работ по теме политического имиджа отметим, что данное направление исследований по-прежнему остается недостаточно изученным, особенно учитывая продолжающуюся цифровизацию современного коммуникативного пространства публичной политики. Это требует последовательного изучения политического имиджа, его содержания и процессов его формирования, сохранения, изменения и распространения. В данной работе мы сосредоточим основное внимание на анализе содержания имиджа политического лидера (на примере губернатора Нижегородской области), представленного в интернет-пространстве (на официальном сайте Правительства Нижегородской области¹).

¹ Официальный сайт Правительства Нижегородской области. URL: <https://government-nnov.ru/> (дата обращения: 22.08.2022).

Методология исследования

Теоретико-концептуальную основу исследования составляет теория информационного общества, фокусирующая основное внимание на вопросах применения информационных технологий для «повышения эффективности, снижения издержек и решения организационных проблем в рамках отдельных политических процессов, например, в ходе организации и проведения выборов» (Современная политическая наука, 2020: 747). Изучению так называемого «информационного общества» по-прежнему уделяется немало внимания со стороны ученых (см., например, Науменко, 2018, Науменко, 2022). Анализ процессов формирования и распространения политического имиджа губернатора при помощи официального правительственного сайта также находится в фокусе указанной теории. В условиях повышения доступности и скорости распространения информации изменяется и специфика работы с имиджем политического кандидата. В частности, лидер и его сторонники при построении собственного имиджа сталкиваются с динамичностью и изменчивостью современного информационного поля, значимостью в нем ситуативного фактора и другими аспектами. Обозначенные аспекты способны оставить свой отпечаток на содержании имиджа субъекта политики, делая его крайне изменчивым и чувствительным к различным событиям и ситуациям, влияя параллельно и на его цельность, т.е. наполнение имиджа становится менее структурированным (в традиционном смысле) и в определенной степени децентрализованным, приобретая сетевую специфику. При этом сам имидж не теряет своей логико-смысловой структуры, но она приобретает сетевую природу, когда её содержательные элементы (например, темы) находятся в постоянном взаимодействии друг с другом зачастую при отсутствии какого-либо централизованного начала или ядра; причем в разные периоды времени и в условиях разных ситуаций публике может быть продемонстрирован тот или иной содержательный элемент (или их совокупность) имиджа, а другие элементы могут временно не использоваться, но и они также при смене ситуации или в другой период времени могут быть продемонстрированы обществу.

Эмпирическая часть данного исследования подразумевает комплексное использование трех методов: количественный контент-анализ ненаправленного типа, сетевой анализ данных и лингвистический анализ. С помощью указанного перечня методов произведена обработка текстового массива, составленного из 710 новостных сообщений, которые были размещены на официальном сайте Правительства Нижегородской области за период с 27 ноября 2021 г. по 9 июня 2022 г. Подчеркнем, что для анализа отбирались только те новостные записи, где встречалось упоминание губернатора области – Г. С. Никитина. С учетом пилотного характера проводимого исследования, где применяется целый ряд прикладных методов, объем текстовой выборки, на наш взгляд, является достаточным для выполнения поставленной в работе цели и задач. Упоминание губернатора могло представлять собой ссылку на решения, которые были приняты главой региона ранее, могло содержать в себе элементы прямой речи – цитаты из утверждений Г. С. Никитина. Вместе с тем в содержании новостного текста часто встречалось и упоминание других представителей власти, общественных и политических организаций (в том числе – с их цитатами), а также – уточняющая информация по тематике записи (в частности, ссылка на функционирующие национальные проекты, в соответствии с которыми готовились, принимались и реализовывались конкретные решения главы региона). Уточним, что новостные сообщения анализировались целиком, без вычленения из них непосредственно тех предложений, где встречается упоминание Г.С. Никитина. По нашему мнению, подобный подход к проведению анализа удовлетворяет требованиям системности исследования и комплексности изучения содержания имиджа. Более того, те фрагменты текста новостных сообщений, где не содержится упоминание главы региона, могут включать в себя важнейшее смысловое значение для последующего анализа тематических направлений, представленных в содержании политического имиджа.

Проведение количественного контент-анализа дало возможность установить список наиболее популярных лексем, используемых в новостных сообщениях. Смысловой единицей аналитического наблюдения при проведении контент-анализа выбрано слово, а единицей счета – новостное сообщение. Результаты, полученные по итогам контент-анализа, были дополнительно изучены с помощью сетевого анализа данных. Это позволило не только определить наиболее популярные во всем информационном массиве лексемы, но и выявить наиболее значимые области – хабы, состоящие из слов и связей между ними. Параллельно применяя и лингвистический анализ полученных данных, выявили наиболее популярные темы и целевые установки, представленные в символическом содержании имиджа политического лидера, а также определили особенности реализации установок и преобладающих черт во взаимодействии политика с обществом и представителями власти.

Результаты исследования

Проведение контент-анализа с демонстрацией его результатов в виде облака тегов, а также сетевой анализ данных с построением тематического графа осуществлены при помощи программы «PolyAnalyst 6.5» благодаря Центру коллективного пользования (ЦКП) платформой «PolyAnalyst» на базе Томского государственного университета (ТГУ) и компании-разработчику данной платформы – «Megaputer Intelligence»¹. Облако тегов – один из эффективных вариантов обработки результатов частотного анализа слов, представленных в информационном массиве данных. Частота использования того или иного слова в нем выражена с помощью размера шрифта, степени его яркости и цвета, а также – месторасположения (близость или удаленность от центра облака): чем ярче цвет слова, представленного на облаке тегов и крупнее его шрифт, и чем ближе оно расположено к центру облака, тем оно, следовательно, чаще используется в изучаемом корпусе текстовых данных. В нашей работе последовательно измерена частотность имен существительных и глаголов. Результаты подсчета частоты использования имен существительных приведены на рис. 1.

Рис. 1. Наиболее популярные (по частоте встречаемости) имена существительные в новостных сообщениях официального веб-сайта Правительства Нижегородской области

Согласно представленному облаку тегов, наиболее часто используемыми именами существительными стали следующие: «губернатор», «глава», «учреждение», «президент», «представитель», «сфера», «правительство», «соборание», «объект», «экономика», «промышленность», «инициатива», «министр», «средство», «компания», «строительство», «бизнес», «дорога», «намерение», «закон», «система», «гражданин», «специалист», «производство», «подготовка», и т.д. Выделим ряд содержательно-смысловых направлений, к которым могут быть отнесены наиболее часто встречаемые лексемы. Во-первых, очевиден существенный акцент на сфере управления (в частности, помимо самого популярного слова – «губернатор», часто встречаются следующие слова: «глава», «учреждение», «президент», «министр», «правительство», «соборание» (данное слово зачастую использовалось применительно к упоминанию областного законодательного органа – Законодательное собрание) и т.д. Во-вторых, популярными оказались слова, связанные с основными направлениями деятельности политического лидера – «промышленность», «экономика», «строительство», «производство», «бизнес», «дорога», «инфраструктура», «объект», «культура», «образование» и т.д. В-третьих, находит свое отражение и идея целедостижения (используются такие слова, как «инициатива», «намерение», «подготовка», «обеспечение», «результат» и т.д.), причем обращается внимание на процессы, свойственные разным стадиям достижения каких-

¹ Официальный интернет-сайт компании «Megaputer Intelligence» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.megaputer.ru> (дата обращения: 23.08.2022).

либо целей. В-четвертых, представлены и слова, отвечающие за конкретные инструменты и механизмы работы главы региона: «закон», «площадка» (в том числе – в значении места для взаимодействия, дискуссии и обмена мнениями), «встреча», «взаимодействие» и т.д.

Отдельно произведен подсчет глаголов, используемых в информационном массиве данных. Результаты вычисления частоты встречаемости глаголов отражены на рис. 2.

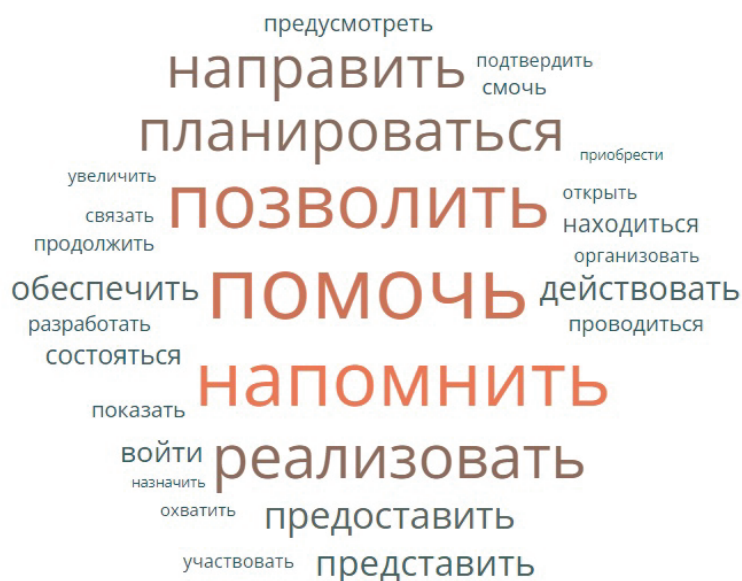
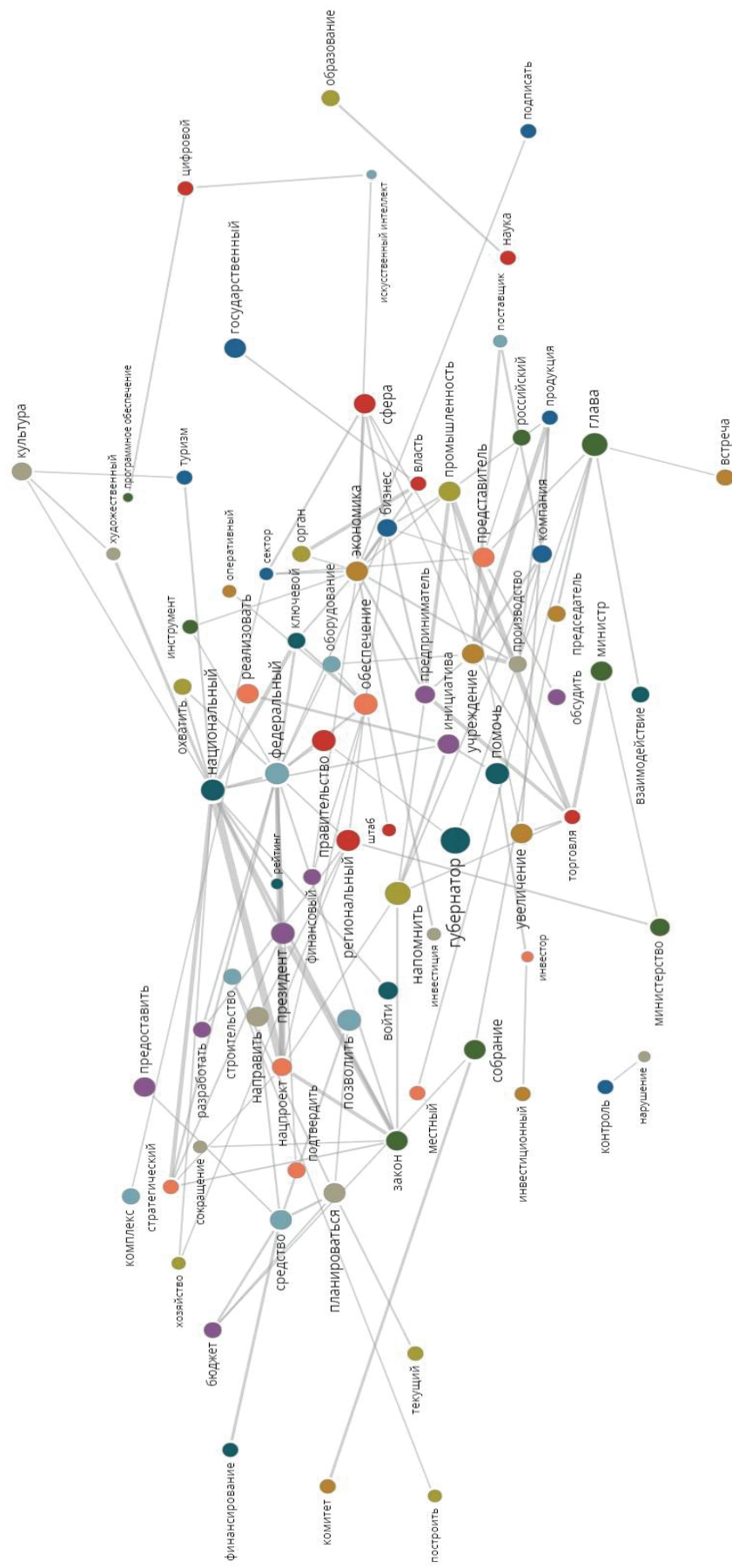

Рис. 2. Наиболее популярные (по частоте встречаемости) глаголы в новостных сообщениях официального веб-сайта Правительства Нижегородской области

Согласно сформированному облаку тегов, наиболее часто используемыми стали следующие глаголы: «помочь», «позволить», «напомнить», «планироваться», «реализовать», «направить», «предоставить», «представить», «действовать», «обеспечить», «состоится», «находиться», «предусмотреть», «войти», «проводиться», «смочь», «организовать», «разработать», «открыть», «подтвердить», «участвовать» и т.д. Среди указанных глаголов наиболее часто встречаются глаголы совершенного вида, что свидетельствует о наличии определенного акцента либо на том, что уже сделано, либо на том, что должно или может быть сделано в будущей перспективе. Поэтому, в содержательно-смысловом плане можно выделить первое направление – ориентация на целедостижение (в частности, в текстовом массиве часто представлены следующие глаголы: «планироваться», «реализовать», «обеспечить», «действовать», «предусмотреть», «разработать», «решить» и т.д.). Снова (как и в случае с предыдущим облаком тегов с именами существительными) отмечаем наличие акцента на разных по времени процессах (этапах), связанных с достижением цели. Второе направление – это идея поддержки, выраженная следующими, часто встречаемыми словами – «помочь», «направить» (например, в значении – направления конкретных мер поддержки), «предоставить» и т.д. Дополнительно можно выделить ещё и другие смысловые направления, которые также представлены на соответствующем облаке тегов, но не столь заметно, как первые два: идеи передачи знания («напомнить», «показать» и т.д.), начала чего-то нового («открыть» и т.д.), активного действия («организовать», «участвовать» и т.д.) и др.

**Рис. 3. Тематический граф новостных сообщений официального веб-сайта
Правительства Нижегородской области**

Сетевой анализ информационного массива представлен в форме тематического графа на рис. 3. Отметим, что при выполнении сетевого анализа данных подсчитывалось количество не только имен существительных и глаголов, но и имен прилагательных. Визуальный тематический граф позволяет установить наличие хабов, т.е. тех участков сети, которые совокупно включают в себя (1) наиболее часто используемые в тексте слова (узлы), (2) наибольшее количество узлов и (3) связей между ними. Подчеркнем, выделение наиболее значимых хабов осуществляется именно с учетом трех указанных показателей с особым акцентом на частоту использования того слова, которое находится в центре (ядре) хаба.

На сформированном тематическом графе можно выделить ряд крупнейших хабов. Одним из наиболее значимых является хаб, центром которого является слово «губернатор» (оно связано с двумя другими, значимыми ключевыми словами – «глава» и «правительство»). Следующим по своей значимости для всего информационного массива является хаб с центральным словом – «глава» (в него входят такие слова, как «губернатор», «представитель», «председатель», «взаимодействие», «встреча», «местный» и т.д.). На третьем по своему значению месте расположен хаб, ядром которого выступает глагол «напомнить» (связан со словами «закон», «нацпроект», «инициатива», «торговля», «компания», «предприниматель»).

Далее расположены хабы с такими центрирующими их словами, как «федеральный» (связано со следующими ключевыми словами: «президент», «национальный», «правительство», «региональный», «обеспечение», «бизнес», «оборудование», «закон», «инструмент» «обеспечение», «разработать», «подтвердить», «стратегический» и т.д.), «помочь» (связано со словами «инициатива», «инвестор»), «национальный» (взаимосвязь со словами: «президент», «федеральный», «закон», «инициатива», «ключевой», «нацпроект», «охватить», «войти», «культура», «хозяйство», «туризм», «стратегический» и т.д.), «президент» (связано со словами «национальный», «федеральный», «закон», «нацпроект», «стратегический») и «позволить» (взаимосвязано со следующими словами: «планировать», «средство»).

На представленном тематическом графе присутствуют области, в которых наблюдается большое количество связей между узлами, но при этом центры этих областей выражены словами, которые по частоте встречаемости уступают ключевым словам-центрам из восьми указанных выше тематических хабов. Среди них можно выделить области, ядро которых составляют такие слова, как «учреждение», «планироваться», «экономика», «промышленность», «закон», «средство», «нацпроект», «бизнес», «торговля» и т.д.

В содержательно-смысловом отношении выделенные восемь крупных хабов свидетельствуют о наличии нескольких идей, воплощенных в анализируемом информационном массиве. Во-первых, речь идет об идее единства и высокой степени интегрированности органов власти, так как среди ключевых слов (ядра) установленных хабов присутствуют упоминания должностей и разных уровней власти. Причем, если оттолкнуться от содержания других слов (не только центральных), входящих в крупные хабы, то можно дополнительно выделить ряд аспектов, например, основные направления во взаимодействии внутри системы власти (в частности – принятие мер, способствующих развитию предпринимательства в регионе) или инструменты для взаимодействия (в частности, через национальные проекты). Во-вторых, выражается идея поддержки, причем речь идет, в первую очередь, о помощи со стороны федерального и регионального правительств в условиях усиления санкционного, внешнеэкономического давления со стороны зарубежных государств в отношении России.

Обсуждение

Результаты проведенного комплексного анализа позволяют сделать ряд выводов о содержании имиджа политического лидера. Во-первых, в наполнении имиджа представлен ряд тематических интенций, среди которых можно выделить нацеленность на: (1) тесное сотрудничество внутри системы власти и поддержание единства управления на различных уровнях; (2) развитие отдельных отраслей, прежде всего, экономики (в частности, региональной промышленности и сферы бизнеса); (3) выполнение национальных проектов; (4) преодоление негативных последствий от санкционного давления со стороны иностранных государств; (5) ещё более тесное сотрудничество области с другими российскими субъектами и федеральным центром и т.д. Обозначенные целевые установки, представленные в символическом поле политического имиджа регионального лидера, частично являются производными от тех тем, на которых и сделан акцент в имидже руководителя, а именно: тема взаимо-

действия органов власти различных уровней, развития экономики, строительства, управления областью в условиях кризисных явлений, запуска новых проектов и принятия качественно иных, прорывных решений, тесной интеграции области во взаимодействие с центром и российскими регионами и т.д. Подытоживая рассуждения о темах и целевых установках, представленных в содержании имиджа регионального лидера, отметим, что идея целедостижения является одной из ключевых в имидже руководителя. Причем, как уже отмечалось, в наполнении имиджа встречается упоминание о различных этапах выполнения поставленных целей: от планирования и разработки до принятия решений и полученных результатов. Это свидетельствует о доскональном и тщательном внимании, уделяемом данной идее.

Во-вторых, в реализации основных интенций, демонстрируемых в содержании имиджа, важнейшую роль играют тщательный подход к проработке и реализации конкретных решений, тесное взаимодействие различных субъектов (в том числе, на специальных площадках для диалога) в рамках существующего законодательства и на договорной основе, а также инициативность и готовность к решительным действиям, которые могут подразумевать открытие чего-то нового и не использованного ранее.

В-третьих, с точки зрения отражения в содержании имиджа темы взаимодействия губернатора с другими представителями власти необходимо снова отметить нацеленность на тесное сотрудничество (в том числе, посредством двусторонних встреч) и активную включенность в систему управления, что проявляется как во взаимодействии с представителями федерального правительства, так и региональными лидерами (например, в вопросах выполнения национальных проектов). Кроме того, обращается внимание и на координацию действий между представителями власти внутри Нижегородской области. Сделан определенный акцент и на активной работе главы региона с руководителями крупных государственных компаний. Всё это подчеркивает идею единства власти разных уровней и интенсивной интеграции главы региона в систему государственного управления.

В-четвертых, в проанализированном текстовом массиве не слишком активно по сравнению с другими представлена тема взаимодействия власти и общества (хотя, например, на облаке тегов представлено слово «гражданин»). Одна из возможных причин – это опосредованное выражение данной темы, в частности, через демонстрацию взаимодействия власти и представителей бизнес-сферы или промышленного сектора. Иными словами, тема диалога между властными и общественными субъектами отражена в содержании имиджа не напрямую, а через описание взаимодействия соответствующих институтов. Ещё одна вероятная причина имеет отношение к ситуативному фактору, а именно: необходимость реагировать на серьезное усиление санкционного давления на экономику России со стороны зарубежных стран. Поэтому особое внимание в имидже губернатора в этот период (а новостные сообщения, размещенные на правительственном сайте Нижегородской области в данный временной период, составляют значительную часть всего проанализированного информационного массива) зачастую касались принятия неотложных мер по противодействию негативным последствиям от внешнего влияния. Кроме того, не следует забывать, что в работе исследовались текстовые данные непосредственно с официального сайта Правительства области, возможно, в других источниках данных (например, в социальных медиа) теме коммуникации лидера и общества уделено больше внимания.

Полученные выводы удалось сформулировать благодаря анализу облаков тегов (воплотивших в себе результаты контент-анализа), тематического графа (построенного на основе сетевого анализа данных) и использованию элементов лингвистического анализа. На наш взгляд, несмотря на наличие определенных ограничений (связанных, например, с некоторым упрощением и унификацией логико-смысловой взаимосвязи слов, представленных в информационном массиве) обозначенный комплексный подход, включающий применение как минимум трех указанных методов, позволяет сформировать целостную картину, где отражены важнейшие содержательно-смысловые элементы имиджа политического лидера. Причем подобный подход позволяет выявить некоторые логико-интуитивные и смысловые связи между ключевыми имиджевыми компонентами, что, в частности, позволит выявить специфику имиджа политического субъекта, а при повторном анализе и установить, является ли она устойчивой либо подвержена определенным изменениям.

* * *

Выводы, полученные в результате данного исследования, на наш взгляд, вносят определенный вклад в сложившуюся систему научного знания в изучаемой предметной области. Они представ-

ляют собой результат комплексного анализа имиджа политика в сетевом коммуникативном поле. Подчеркнем, что в ходе работы проведен целостный анализ содержания имиджа на основе конкретного корпуса текстовых данных, не исключая из него никакие логико-смысловые компоненты. Сделанные заключения свидетельствуют о политематичности содержания политического имиджа, когда в нем переплетены разные темы и тематические интенции, среди которых отсутствует ярко выраженное, централизующее всё логико-смысловое наполнение имиджа ядро. Кроме того, в содержании имиджа наблюдается и ситуативность, продуцируемая контекстуальным фактором. Данные выводы являются важным дополнением к сложившимся представлениям как о символическом поле современной публичной политики в целом, так и о политическом имидже (его структурных и содержательных особенностях), представленном в современном поле сетевой коммуникации – в частности. Всё это доказывает необходимость проведения подобного анализа содержания имиджа одного из современных политических лидеров.

Имидж губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина был выбран в качестве объекта изучения не случайно: глава региона активно погружен в пространство сетевой коммуникации. Он использует различные интернет-площадки (официальный веб-сайт Правительства Нижегородской области, социальные медиа («ВКонтакте»), мессенджер («Telegram»)), поэтому его пример показателен для решения поставленных в работе задач. Отметим и возможность генерализации полученных выводов благодаря тому, что главы российских субъектов сегодня вынуждены принимать активное участие в интернет-коммуникации. В последнее время на основании степени их активности в Сети, частоты упоминания как в СМИ (в том числе – в интернет-изданиях), так и в социальных медиа регулярно формируются рейтинги региональных лидеров (см. например, регулярные рейтинги от компании «МедиаЛогия»¹). Впрочем, для более убедительной генерализации результатов необходим анализ содержания имиджа и других лидеров. Это позволит сформировать более системное представление об имидже современного лидера, в том числе в сравнительной перспективе.

Список литературы / References

- Гаман-Голутвина, О. В., Никитин, А. И. (ред.) (2020) *Современная политическая наука: Методология*. Москва: Издательство Аспект Пресс, 776 с. [Gaman-Golutvina, O. V., Nikitin, A. I. (eds.) (2020) *Contemporary Political Science [Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya]*. Moscow: Izdatelstvo "Aspekt-Press", 776 p. (In Russ.)].
- Василенко, С. А., Дебольская, А. А. (2020) 'Женщина-политик: эволюция имиджа на примере Терезы Мэй и Юлии Тимошенко', *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 3 (32), сс. 33–36. [Vasilenko, S. A., Debol'skaya, A. A. (2020) 'Woman in politics: evolution of the image based on the example of Theresa May and Yulia Tymoshenko' [Zhenshchina-politik: evolyutsiya imidzha na primere Terezy Mei i Yulii Timoshenko], *Azimuth of Scientific Researches: Economics and Management*, 3(32), pp. 33–36. (In Russ.)].
- Головченко, А. В. (2018) 'Имиджевые инверсии либерального лидерства в современной России', *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 4, сс. 457–462. [Golovchenko, A. V. (2018) 'Image inversions of liberal leadership in modern Russia' [Imidzhevye inversii liberal'nogo liderstva v sovremennoi Rossii], *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 1, pp. 64–68. (In Russ.)].
- Каминченко, Д. И. (2021) 'Особенности политического имиджа регионального лидера в интернет-пространстве', *Вестник Пермского университета. Политология*, 3(15), сс. 24–39. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-24-39 [Kaminchenko, D. I. (2021) 'Features of the political image of a regional leader on the Internet' [Obrazy rossii: razmyshlyaya ob epokhakh peremen], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 3(15), pp. 24–39. (In Russ.)].
- Каминченко, Д. И. (2022) 'Сетевой анализ содержания политического имиджа современного регионального лидера', *PolitBook*, 1, сс. 117–145. [Kaminchenko, D. I. (2022) 'Network analysis of the political image of a modern regional leader' [Setevoi analiz sodержaniya politicheskogo imidzha sovremennogo regional'nogo lidera], *PolitBook*, 1, pp. 117–145. (In Russ.)].

¹ Официальный интернет-сайт компании «МедиаЛогия» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 26.12.2022)

- Канюков, А. Н. (2018) 'Убедить россиянина. Структура убеждающего воздействия в формировании имиджевых характеристики к депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга', *Вестник Пермского университета. Политология*, 2, сс. 124–146. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-2-124-146 [Kanyukov, A. N. (2018) 'To convince the russians. structure of persuasive influence in shaping image characteristics of St. Petersburg Legislative Assembly deputies' [Ubedit rossiyanina. Struktura ubezhdayushchego vozdeistviya v formirovaniy imidzhevykh kharakteristik deputatov Zakonodatel'nogo sobraniya Sankt-Peterburga], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2, pp. 124–146. (In Russ.)].
- Курманина, Т. С. (2017) 'Особенности формирования имиджа региональных политических лидеров', *Вестник науки и образования*, 8 (32), сс. 44–46. [Kurmanina, T. S. (2017) 'Peculiarities of forming image of regional political leaders' [Osobennosti formirovaniya imidzha regional'nykh politicheskikh liderov], *Herald of Science and Education*, 8(32), pp. 44–46. (In Russ.)].
- Науменко, Т. В. (2022) 'Теория информационных потоков в исследовании информационного общества', *Информационное общество*, 3, сс. 2–10. DOI: 10.52605/16059921_2022_03_02 [Naumenko, T. V. (2022) 'The theory of information flows in the study of the information society' [Teoriya informatsionnykh potokov v issledovanii informatsionnogo obshchestva], *Information society*, 3, pp. 2–10. (In Russ.)].
- Науменко, Т. В. (2018) 'Методологический анализ концепции информационного общества', *Информационное общество*, 2, сс. 4–9. [Naumenko, T. V. (2018) 'Methodological analysis of the information society concept' [Metodologicheskii analiz kontseptsii informatsionnogo obshchestva], *Information society*, 2, pp. 4–9. (In Russ.)].
- Пищева, Т. Н. (2011) 'Политические образы: проблемы исследования и интерпретации', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 47–52. [Pishcheva, T. N. (2011) 'Political images: Problems of research and interpretation' [Politicheskie obrazy: problemy issledovaniya i interpretatsii], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 47–52. (In Russ.)].
- Синеокая, Н. А. (2017) 'Имидж политика, формируемый в современных электронных СМИ (на примере женщин-политиков Германии)' в: Доманский, Ю. В., Бердникова, М. А. (ред) *Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н. М. Лебедева*. Материалы конференции. Тверь: ООО «СФК-офис». сс. 235–242. [Sineokaya, N. A. (2017) 'The image of a politician formed in modern electronic media (on the example of female politicians in Germany)' [Imidzh politika, formiruemyi v sovremennykh elektronnykh SMI (na primere zhenshchin-politikov Germanii)] in: Domanskii, Yu. V., Berdnikova, M. A. (eds.) *Philology and enlightenment. Scientific, pedagogical, local history heritage of N.M. Lebedev*. Conference proceedings [Filologiya i prosvetitel'stvo. Nauchnoe, pedagogicheskoe, kraevedcheskoe nasledie N.M. Lebedeva. Materialy konferentsii], pp. 235–242. (In Russ.)].
- Сморгунов, Л. В., Игнатъева, О. А., Быков, И. А., Кондратенко, К. С., Барышкин, А. Г. (2021) 'Публичная коммуникация граждан и органов государственной власти: формирование суждений на Цифровых платформах', *Вестник Пермского университета. Политология*, 2(15), сс. 156–172. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-156-172. [Smorgunov, L. V., Ignat'eva, O. A., Bykov, I. A., Kondratenko, K. S., Baryshkin, A. G. (2021) 'Public communication between citizens and public authorities: forming of judgments on digital platforms' [Publichnaya kommunikatsiya grazhdan i organov gosudarstvennoi vlasti: formirovanie suzhdenii na tsifrovyykh platformakh], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2(15), pp. 156–172. (In Russ.)].
- Толкалов, А. С. (2013) 'Сущность политического имиджа: отечественный и зарубежный опыт теоретического осмысления', *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 2, сс. 72–75. [Tolkalov, A. S. (2013) 'Content of the political image: Russian and foreign experience of theoretic comprehension' [Sushchnost' politicheskogo imidzha: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt teoreticheskogo osmysleniya], *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2, pp. 72–75. (In Russ.)].

- Толокнев, К. А. (2021) 'Боты, ведущие народ? Модель влияния ботов на политическую мобилизацию и демобилизацию в социальных медиа', *Вестник Пермского университета. Политология*, 4(15), сс. 16–29. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-16-29 [Toloknev, K. A. (2021) 'Bots leading the people? Model of social bot's impact on political mobilization and demobilization in social media' [Boty, vedushchie narod? Model' vliyaniya botov na politicheskuyu mobilizatsiyu i demobilizatsiyu v sotsial'nykh media], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 4(15), pp. 16–29. (In Russ.)].
- Шелекасова, Н. П. (2000) 'Бессознательные аспекты имиджа политического лидера', *Полит. Политические исследования*, 4, сс. 130–131. [Shelekasova, N. P. (2000) 'Unconscious aspects of the image of a political leader' [Bessoznatel'nye aspekty imidzha politicheskogo lidera], *Polis. Political Studies*, 4, pp. 130–131. (In Russ.)].
- Шмелева, С. А. (2021) 'Большие данные в процессе принятия политических решений: от анализа теорий к оценке эффективности практик', *Вестник Пермского университета. Политология*, 3(15), сс. 40–51. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-40-51 [Shmeleva, S. A. (2021) 'Big data in the decision-making process in public policy: from analysis of theories to evaluating the effectiveness of practices' [Bol'shie dannye v protsesse prinyatiya politicheskikh reshenii: ot analiza teorii k otsenke effektivnosti praktik], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 3(15), pp. 40–51. (In Russ.)].
- Alvarez, M. D., Campo, S. (2014) 'The influence of political conflicts on country image and intention to visit: A study of Israel's image', *Tourism Management*, 40, pp. 70–78. DOI: 10.1016/j.tourman.2013.05.009.
- Bird, R. T., Hickey, H. K., Leavitt, M. J., Robinson, J. L. (2022) 'The dark authoritarians: Profiling the personality, emotional style, and authoritarian attitudes of the major American parties', *Personality and Individual Differences*, 186. DOI: 10.1016/j.paid.2021.111298.
- Blumenau, J., Lauderdale, B. E. (2022) 'The variable persuasiveness of political rhetoric', *American Journal of Political Science*, pp. 1–16. DOI: 10.1111/ajps.12703.
- Carlson, J., Ganiel, G., Hyde, M. S. (2000) 'Scandal and political candidate image', *Southeastern Political Reviews*, 28(4), pp. 747–757.
- Coakley, J., Garry, J., Matthews, N., O'Leary, B. (2019) 'Party images in Northern Ireland: evidence from a new dataset', *Irish Political Studies*, 34(1), pp. 1–24. DOI: 10.1080/07907184.2018.1499621.
- Lou, A. (2017) 'Viewpoint and image schemas in multimodal political discourse', *Journal of Pragmatics*, 122, pp. 77–90. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.07.002.
- Morrison, M. C. (1969) 'The role of the political cartoonist in imagemaking', *Communication Studies*, 20(4), pp. 252–260. DOI: 10.1080/10510976909362976.
- Mortimore, R., Baines, P., Worcester, R., Young, C., Clark, J. (2015) 'Asymmetric Political Image Effects and the Logic of Negative Campaigning' in: Kubacki, K. (ed.) *Ideas in Marketing: Finding the New and Polishing the Old. Developments in Marketing Science: Proceedings of the Academy of Marketing Science*. Springer, Cham, pp. 77–80. DOI: 10.1007/978-3-319-10951-0_33.
- Severt, K., Hahm, J. J. (2020) 'Impact of political event and political affiliation on destination image and a longitudinal approach of image change', *Journal of Destination Marketing & Management*, 15. DOI: 10.1016/j.jdmm.2019.100406.
- Shyles, L. (1988) 'Profiling candidate images in televised political spot advertisements for 1984: Roles and realities of presidential jousts at the height of the Reagan Era', *Political Communication*, 5(1), pp. 15–31. DOI: 10.1080/10584609.1988.9962835.
- Thorson, E., Christ, W. G., Caywood, C. (1991) 'Effects of issue-image strategies, attack and support appeals, music, and visual content in political commercials', *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 35(4), pp. 465–486. DOI: 10.1080/08838159109364141.
- Warren, C., Schneider, Sh., Smith, K. B., Hibbing, J. R. (2020) 'Motivated viewing: Selective exposure to political images when reasoning is not involved', *Personality and Individual Differences*, 155. DOI: 10.1016/j.paid.2019.109704.
- Wright, J. D., Tomlinson, M. F. (2018) 'Personality profiles of Hillary Clinton and Donald Trump: Fooled by your own politics', *Personality and Individual Differences*, 128, pp. 21–24. DOI: 10.1016/j.paid.2018.02.019.

Статья поступила в редакцию: 24.08.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 27.12.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

**COMPREHENSIVE ANALYSIS OF A REGIONAL LEADER'S IMAGE
(BASED ON THE OFFICIAL WEBSITE MATERIALS OF THE GOVERNMENT
OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION)**

D. I. Kaminchenko

D. I. Kaminchenko, Candidate in Political Science, Associate Professor, Political Science Department, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russian Federation).
E-mail: Ert1fg2@rambler.ru (ORCID: 0000-0002-3193-3423).

Abstract

The author studies the image of a regional leader in the communicative field of the Internet space. The objectives of the study are to establish thematic intentions in the symbolic content of the leader image, to display the ways of their implementation, as well as to identify the features of communication with other representatives of authorities and society. Based on the theory of the information society, the author analyzes the content of news messages posted on the official website of the Government of the Nizhny Novgorod Region for the period from November 27, 2021, to June 9, 2022, containing a mention of the head of the region. The study uses a set of applied methods, including quantitative content-analysis, network data analysis and linguistic analysis. The results of the study are visualized in the form of tag clouds and a thematic graph. The results show that the idea of goal achievement is the key one presented in the image of a political leader. The main topics of the image content were the interaction between authorities of various levels, economic development and construction, crisis management in the region, launching new projects and breakthrough decisions, and lastly close interaction between Russian regions and the center.

Keywords: political communication; political image; information society; Internet; content-analysis; network data analysis; linguistic analysis.

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-114-122

СПЕЦИФИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРАВОРАДИКАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ В СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

М. С. Головин

Головин Михаил Сергеевич, старший преподаватель кафедры политических наук и международных отношений,

Челябинский государственный университет.

E-mail: golovin.mihail@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4339-4842).

Аннотация

Праворадикальные политические партии уже второе десятилетие являются значимыми акторами политического процесса во многих государствах Европы. Их влияние на партийно-политический ландшафт Европы, в том числе электоральное, объясняется тем, что в условиях вызовов глобализации многие из этих партий смогли качественно трансформировать свой дискурс, задействовав при его конструировании актуальные проблемы современности, адаптировав их под собственную идеологическую платформу. Однако случай Великобритании является особенным среди других европейских государств. Это связано с рядом причин, которые отличают британский правый радикализм от континентально-европейского. В статье предпринята попытка изучить особенности дискурса правых радикалов Британии на примере одной из праворадикальных партий этого государства – «За Британию» – и обозначить основные элементы дискурса этой партии в контексте таких процессов, как глобализация, иммиграционные потоки, применения идей политической корректности на практике. Несмотря на то, что летом 2022 г. руководство партии приняло решение о прекращении ее деятельности, идеи, которые «За Британию» актуализировала на протяжении многих лет, не перестают быть влиятельными для большого числа британцев. В результате проведенного исследования автору статьи удалось выявить, во-первых, основные категории националистического дискурса партии «За Британию», а во-вторых, проанализировать то, как они инструментально используются данной партией в рамках конструирования своей идеологии.

Ключевые слова: правый радикализм; Великобритания; «За Британию»; националистический дискурс; Европейский союз; ислам; политическая корректность.

Ещё до выхода Великобритании из Европейского союза (далее – ЕС), это государство являлось тем членом сообщества, которое по многим признакам отличается от остальных, в том числе государств-локомотивов ЕС. Это связано не только с географическим положением Соединенного Королевства, его политической, партийной и избирательной системой, но и, что особенно важно в рамках данной работы, с политической культурой страны. Исследователи отмечают, что в отличие от многих государств ЕС, британцам не свойственна симпатия к радикальным политическим силам, формулирующим жесткий националистический дискурс (Кондратьева, 2015: 85–86), в том числе, к крайне правым. До определенного момента, в отличие от Франции, Германии, Австрии, Италии, стран Восточной и Северной Европы, в Британии политические партии, которые можно идентифицировать как праворадикальные, находились в достаточно маргинальном положении. Как отмечает Д. Д. Курносов, только в 2000-е гг. крайне правые Британии – а именно Британская национальная партия – начинают добиваться каких-то электоральных успехов (Курносов, 2008: 27–29), тогда как в некоторых странах континентальной Европы этот процесс начался ещё в конце 1980-х гг. Стоит отметить, однако, что и после 2014 г., когда Партия независимости Соединенного Королевства выиграла выборы в Европейский парламент, на национальном уровне эта организация, как и ряд других «коллег», не добивается успехов, сравнимых с достижениями крайне правых из стран континентальной Европы. Т. С. Кондратьева в одной из своих работ обозначает ряд причин, выделяя, среди прочего, особенности британской политической культуры (Кондратьева, 2012: 124). Тем не менее, исследования крайне правых Британии сохраняют актуальность. Во-первых, по данным социологических

исследований, британцы являются одной из самых неpolitкорректных наций¹. Изучение этого вопроса показывает, что тема так называемых «культурных войн» и вопросов политической корректности является достаточно значимой для современных британцев, и именно праворадикальные политические силы актуализируют эту проблему, делая её одной из самых значимых для общественно-политической повестки страны. Во-вторых, конфликты на этнической и религиозной почвах, ответственность за разжигание которых возлагается именно на крайне правые политические партии и движения Британии. Пожалуй, самый яркий пример – ежегодные доклады организации «Hope Not Hate», которая на протяжении почти двадцати лет ставит своей целью «работу по разоблачению и противодействию крайне правому экстремизму»². Наконец, ключевое событие политической жизни Великобритании – Брексит – в значительной мере стал возможен именно благодаря тому, что в период с 1990-х по 2010-е гг. различными крайне правыми организациями – в частности, БНП и ПНСК – проводилась активная агитация, направленная на пестование национальной идентичности в противовес той системе, которая сложилась в ЕС после его становления как политического сообщества.

Дискурсивный анализ идеологии праворадикальной партии: случай Британии

В качестве объекта исследования была выбрана относительно новая британская праворадикальная политическая партия The For Britain Movement («За Британию»), основанная бывшим членом ПНСК Э.М. Уотерс в 2017 г. и официально зарегистрированная в качестве политической партии в 2018 г. Выбор именно этой организации может быть обоснован тем, что, хотя в силу особенностей избирательной системы Британии, подобные партии практически не имеют шансов на солидное представительство в британском парламенте, на региональном уровне они периодически добиваются успеха. Но, что важнее, именно организации праворадикальной направленности – такие как For Britain – посредством своих программ и своей деятельности формируют повестку, актуализирующую вопросы идентичности, свободы слова и национального суверенитета. Таким образом, можно отметить уникальность британского правого радикализма в сравнении с континентально-европейским: отсутствие электорального успеха у подобных партий не равнозначно отсутствию их влияния на общественно-политический процесс. Последнее во многом объясняет и то обстоятельство, что даже после прекращения деятельности «За Британию» летом 2022 г.³, изучение её идейного арсенала и особенностей конструирования националистического дискурса не теряет своей актуальности.

В 2020 г. Центром анализа правого радикализма был предложен любопытный метод идентификации той или иной политической партии как правопопулистской (праворадикальной) либо правоэкстремистской (или фашистской/неонацистской)⁴. В диаграмме, наглядно демонстрирующей это разделение, представлены черты, характерные как для праворадикальной партии, так и для правоэкстремистской: нативизм, антиэлитизм, антилиберализм, антииммигрантский дискурс, исламофобия, вера в теории заговора. Специфические для праворадикальных партий черты – участие в выборах, популизм, вера в демократический процесс и культурный расизм (вошедший в отечественный научный дискурс как «новый расизм» (Шнирельман, 2011: 9). К признакам «фашистской/неонацистской» правой партии, по версии исследователей, относятся стремление к свержению правительства, прямые акты насилия, биологический расизм и антисемитизм – вера в мировой еврейский заговор. В результате исследователи разбивают правый флаг политических партий на два лагеря. Согласимся, что если сравнить черты, характерные для тех, кого обозначают правыми популистами и радикалами, и тех, кого обозначили как «неонацистов» (правоэкстремистов), то красной нитью проходит идея о таком рубежном признаке, как легальность деятельности и идей той или иной партии. Отметим, что указанные выше отличительные признаки праворадикальной партии также отмечали в своих работах такие авторитетные исследователи идеологии и дискурса крайне правых партий, как К. Мюдде (Mudde, 2007; Mudde, 2010: 1167-1186) и Р. Водак (Водак, 2018).

Исходя из данной методологической рамки, партию «За Британию» можно определенно классифицировать как праворадикальную, но не правоэкстремистскую. Что касается идеологии, то в данной работе будет изучена специфика конструирования идеологического профиля подобных органи-

¹ Britons most against political correctness globally, while country still seen as less divided than US. URL: <https://www.kcl.ac.uk/news/britons-most-against-political-correctness-globally-while-country-still-seen-as-less-divided-than-us>.

² About Us / Hope Not Hate. URL: <https://hopenothate.org.uk/about-us/>.

³ For Britain. URL: <https://www.forbritain.uk/2022/07/13/announcement-from-anne-marie-waters/>.

⁴ «Faces» of Radical Right / Centre for analysis of the radical right. URL: <https://www.radicalrightanalysis.com/wp-content/uploads/2020/08/CARR-report-oD.pdf>. P. 12.

заций в условиях современности. Перед тем, как непосредственно перейти к анализу актуального манифеста праворадикальной партии «За Британию», стоит выделить признаки, наличие и специфика которых станет главным предметом изучения в указанном партийном документе. Среди характерных признаков идеологии праворадикальной партии автором статьи выделяются следующие: 1) нативизм, т.е. так называемый «исключающий национализм»; 2) антиэлитизм, т.е. противопоставление «народ – элиты»; 3) антииммигрантская повестка, в том числе, так называемый «welfare chauvinism» – «социальный шовинизм», «шовинизм благосостояния»; 4) исламофобия; 5) критика либеральной демократии, но готовность к участию в ней, то есть легальный характер политической борьбы. Это означает стремление партии к официальной регистрации и участию в электоральных циклах, что опровергает, в частности, теоретические позиции некоторых исследователей правого радикализма, понимающих правый радикализм чрезмерно широко, включая в это понятие и те партии, которые находятся вне легального поля политики (Минкенберг, 2004: 16–32); 6) пестование традиционных ценностей и идей приоритета национальной идентичности в противовес современным тенденциям политической корректности (относительно новая тема в идеологии и дискурсе правых, которой в последнее время стали посвящать большое количество работ, напр., исследования: Dzenis, Nobre, 2020; Jamin, 2014).

Актуальный манифест партии «За Британию»¹ содержит 16 глав и, нужно отметить, очень многие в той или иной степени касаются вопросов, связанных с непосредственно идеологией правого радикализма и националистического дискурса. Для наилучшей систематизации материала, было принято решение структурировать его по следующей схеме: проанализировать каждый из разделов в программе, составить своеобразную иерархию глав согласно тому, насколько раздел насыщен проблематикой, связанной с националистическим дискурсом и праворадикальной идеологией, а затем рассмотреть особенности националистического дискурса партии. В результате все разделы манифеста были разделены на 3 части: наиболее значимые (+), средней значимости (+-) и наименее значимые (-). Наиболее значимые в контексте настоящего исследования – это те разделы, в которых проблематика, пересекающаяся с идеологией правого радикализма, ярко выражена, является доминирующей (таблица):

+	+/-	-
Закон и порядок	Защита животных	Коронавирус
Правительство	Семейное право	Система здравоохранения
Иммиграция	Жилищная сфера	Экономика
Образование	Социальная защищенность	Энергетика и транспорт
СМИ	Трансгендеризм	-
Ислам	-	-
Оборона и международные отношения	-	-

Первичный анализ получившейся таблицы подтверждает предположение, что вопросы, связанные со сферой культуры, образования, правопорядка (отнесем сюда и миграционный вопрос) являются ядром дискурса праворадикальных партий. Именно в этих разделах концентрируются основные идеи партий подобной направленности и, соответственно, их более подробный анализ позволит сформулировать логику конструирования идеологии и дискурса крайне правых в современной Британии. Рассмотрим каждый из «+» разделов программы партии «За Британию» отдельно.

Закон и порядок. Отметим, что акцент на данном аспекте общественной жизни в достаточной мере свойственен всем крайне правым европейским партиям. Логика конструирования националистического дискурса подвигает британских крайне правых из «For Britain» к формированию поистине антиутопических образов – к примеру, в данном разделе присутствует прямая отсылка к творчеству известного английского писателя Дж. Оруэлла: «Британия сталкивается со многими проблемами, но ни одна из них не существеннее, чем нарушение закона и оруэлловская политизация полиции». Основной акцент в разделе «Закон и порядок» сделан на том, что в указанной стране существует несправедливость, которая ни много ни мало основывается на расовой почве: крайне правые заявляют о том, что «некоторым людям» (под которыми подразумеваются, очевидно, мусульмане) в силу их расовой и религиозной идентичности разрешено жить вне закона (to live outside the law). Одновре-

¹ For Britain National Manifesto 2022. URL: <https://www.forbritain.uk/wp-content/uploads/2021/12/Manifesto-2022-new-version-FINAL.pdf>.

менно с этим правые радикалы винят в происходящем мировоззрение руководства британской полиции, а именно их приверженность крайне левым ценностям (*extreme-left values*). Любопытным является дискурсивный приём, похожий на то, о чем писала в своей работе Р. Водак: приверженец националистических убеждений всегда будет утверждать, что не может быть националистом, так как среди его знакомых, друзей и коллег много представителей того или иного национального меньшинства (Водак, 2018: 127). Программа «За Британию» утверждает следующее: закрепление законодательно правила, согласно которому этнические меньшинства получают приоритет при продвижении по службе в полиции, является оскорбительным для представителей этих меньшинств, которые якобы не могут благодаря собственным заслугам и стараниям продвинуться вверх по карьерной лестнице. Таким образом, крайне правые из партии «За Британию» явно пытаются решительно отбить все обвинения в расизме, наделяя всеми пороками именно государства, которые сформировали несправедливую систему. Свойственна крайне правым и ещё одна характеристика, которую выделяла в своей работе Р. Водак – вера в заговоры. Например, в программе сказано: «Полиция всё чаще укомплектовывается гражданскими лицами, которые ничего не понимают в деятельности полиции. Они – агенты правительства и навязывают леворадикальную повестку полиции». Далее крайне правые винят силы правопорядка – а значит, и британские власти – в том, что во время демонстраций движения BLM они «открыто принимали определенную сторону в дебатах», то есть не препятствовали нарушению закона.

Ещё одним моментом, на который хотелось бы обратить внимание в рассматриваемом разделе, является вопрос политической корректности: «На протяжении пандемии правительство всё более продвигалось в сторону авторитаризма, осуществляя контроль не только физически, но и за тем, что мы говорим. Предлагается ограничить комментарии в СМИ, которые противоречат принятому нарративу». Конечно, более подробно эта тема освещается в разделе «СМИ», но идея о том, что свобода слова – подлинно демократическая ценность – ограничивается в угоду политической конъюнктуре проходит красной нитью через всю программу этой британской праворадикальной партии. Несомненно, в последние годы – а в условиях пандемийной реальности ещё в большей степени – акцент на ограничении свободы слова в либеральных демократиях становится неотъемлемой частью дискурса праворадикальных политических организаций.

Обозначим те предложения в рамках этого раздела, которые, на наш взгляд, являются наиболее существенными в контексте рассматриваемой темы: 1) покончить с политической предвзятостью полиции; 2) отменить все *hate speech* законы; 3) убрать элемент «преступление на почве ненависти» из уголовного законодательства; 4) исключить понятие «позитивная дискриминация» из деятельности полиции; 5) обеспечить судебное преследование за уголовные преступления, в частности, за насилие над несовершеннолетними или в семье, без возможности оправдания этих действий исходя из культурных или религиозных норм; 6) публичную демонстрацию сотрудником полиции поддержки той или иной активистской группы, основанной на расовой почве, признать уголовным преступлением; 7) объявить террористами тех, кто прибегает к насилию в политических целях, например членов антифашистских групп или BLM; 8) значительно увеличить количество приговоров за изнасилование и сексуальные домогательства. Всё вышеперечисленное – элементы националистического дискурса, в рамках которого есть четкое разграничение по этническому/национальному признаку на «хороших наших» и «плохих чужих». Безусловно, сегодня крайне правые стараются это делать в более завуалированной форме, зачастую их призывы приобретают даже некоторое благозвучие – например, борьба за законность и порядок. Однако на самом деле с помощью подобных приемов политики данной идеологической направленности маскируют то, что они сами же называют *hate speech*.

Правительство. Интересно, что стилистика дискурса, начавшаяся в первом блоке программы партии «За Британию», сохранилась и в последующем разделе – крайне правые ругают правительство за «законы о “ненависти”», а также критикуют его за то, что оно не смогло защитить британский народ от «агрессивных левых». Отдельная часть этого блока, также вписывающаяся в националистический дискурс, посвящена критике правительства за переписывание истории («*re-writing history*»). Мимоходом упоминается мэр Лондона, лейборист пакистанского происхождения Садик Хан, который, по мнению правых радикалов из партии «За Британию», «создал комиссию для пересмотра нашей истории, чтобы разрушить и исказить её, устранив влияние коренных британцев на историю нашего прошлого». В этом предложении, по сути, сконцентрированы главные составляющие националистического дискурса – нативистское представление о нации и образ Другого, то есть «некоренного» британца, который, пользуясь ресурсами, вредит стране и народу.

Необходимо сказать, что в разделе «Правительство» британские правые радикалы сосредоточились на противопоставлении «народа» и «элит», что также является традиционным элементом националистического дискурса партий подобной идейной ориентации уже многие годы. Но, как мы уже упоминали выше, в отличие от традиционных левых, ратующих за социальную защищенность и поддержку «народа» как такового, наиболее экономически незащищенных его элементов, в дискурсе правых радикалов присутствует сочетание этих идей с акцентированным национализмом, и этому всему есть название «вэлфер-шовинизм». Для подтверждения приведем отрывок из программы партии: «“За Британию” будет противостоять, препятствовать и противодействовать любому будущему распространению ненависти в сторону белого населения в британском обществе. Ненависть к белому большинству в Британии открыто выражается, и это было бы преступлением, если бы относилось к любой другой расовой группе. Мы покончим с продвижением ложной концепции “белых привилегий” в общественной жизни (в том числе, в школах) и сделаем так, чтобы белые дети не подвергались расовой дискриминации или унижению. Белые взрослые не должны подвергаться дискриминации на рабочем месте или в системе уголовного правосудия». Таким образом, крайне правые из партии «За Британию» активно апеллируют к расовым категориям, чтобы донести свою позицию. Это могло бы показаться странным, учитывая желание партии быть в поле легального политического процесса, однако история с BLM и, в целом, с политической корректностью, так или иначе, автоматически активировала данный дискурс, и тот факт, что вместо понятий этнической принадлежности, правые радикалы, не являющиеся экстремистами, переходят в область расового дискурса, не должен, наверное, вызывать большого удивления. Они сами входят в этот дискурс и уже внутри него формулируют свой, играя как раз по тем правилам, которые уже существуют в публичном поле.

В заключительном блоке раздела «Правительство» крайне правые вносят ряд предложений, среди которых, с точки зрения рассматриваемой темы, наиболее интересны следующие: демократизация избирательной системы, обеспечение голосования на выборах только жителям Британии (скорее всего, имеются в виду только «коренные» жители Соединенного Королевства), контроль того, чтобы Юнион Джек (флаг Британии) находился около общественных зданий, включая школы, создание нового праздника – дня независимости от ЕС, 23 июня, то есть «изобретение традиции» по Хобсбауму (Хобсбаум, 2000), восстановление и защита исторических объектов от «агрессивных левых» и завершение «дискриминации белых». Можно предположить, что по аналогии с внешнеполитической повесткой Партии независимости в 2010-е гг., подобные инициативы в обозримой перспективе будут задействованы более влиятельными британскими политическими партиями.

Иммиграция. Иммиграция – традиционный пункт в программе практически каждой современной партии, причем не только праворадикальной. Интуитивно понятно, что в разделе с таким наименованием крайне правые идеологи будут критиковать существующую миграционную политику правительства. В частности, «За Британию» в процессе критики своего правительства ссылается на международную организацию – ООН: «Наш политический класс и СМИ желает, чтобы мы поверили в то, что мигранты, которые сейчас проживают в отелях за счет налогоплательщиков (в то время как британские бездомные спят в ужасных условиях), являются беженцами, которые спасают свою жизнь. Но власти, в том числе ООН, признали, что большая часть пребывающих не имеет статуса беженца, а это значит, что к нам прибывают нелегальные иммигранты, которые пользуются процедурами предоставления убежища с целью незаконного въезда в нашу страну».

В целом, в этом разделе британские правые радикалы критикуют СМИ и правительство за то, что создается положительный образ мигранта, беженца, что на самом деле, по их мнению, не соответствует действительности и представляет опасность. В качестве решения проблемы традиционно предлагается усилить контроль за границами. Интересно, что, критикуя миграционную политику британских властей, правые радикалы делают оговорку: они четко разделяют проблему нелегальных иммигрантов, выводя её в сферу национальной безопасности, и легальных мигрантов, которые хоть и внесли «вклад в развитие нашей страны», но являются, скорее, негативным явлением в свете перспектив молодежи – естественно, британской – на рынке труда. Помимо этого, акцент в программе также делается и на культурном факторе: по заверениям идеологов партии, «большая часть иммигрантов прибывает из обществ, которые в культурном и религиозном плане существенно расходятся с британской культурой и законодательством». Что касается предложений в этой сфере, то здесь всё достаточно традиционно. Если обобщить все предложения, то получится следующий вывод – британское правительство должно более жестко действовать в области борьбы с нелегальной иммиграцией, а легальная миграция должна быть временно (на 5 лет) заморожена, что должно быть компенсировано инвестированием в эффективное обучение молодых британцев. В конечном итоге, дискурс в об-

ласти иммиграции сводится к предотвращению, более жесткому реагированию на процесс нелегальной иммиграции, повышению требований к легальным мигрантам и приоритет собственной, британской рабочей силы – в первую очередь, молодежи – перед иностранными работниками.

Образование. Учитывая, что политическая корректность и различные практики культурного плюрализма уже не одно десятилетие активно включены в образовательный процесс многих стран Запада, включая Великобританию, это не может остаться без критики со стороны праворадикальных политических сил. Интересно, что по объему этот раздел программы «За Британию» является одним из самых больших и детальных, что может свидетельствовать о высоком уровне значимости этого вопроса для крайне правых. В рассматриваемом разделе британские правые радикалы критикуют саму сущность современной системы образования, которая, по их мнению, основывается на «огромной политической и общественной пропаганде» левых идей, таких как мультикультурализм и трансгендерность. В противовес этому крайне правые выдвигают идею традиционной школы: «В каждой школе Соединенного Королевства должна быть стандартизированная дисциплинарная политика». Таким образом, идеологи партии ратуют за «традиционное академическое образование». В контексте настоящей статьи нас это интересует в том плане, что одним из элементов националистического дискурса является отсылка к традициям, обычаям и так далее, что и можно наблюдать в рассматриваемой программе. Основную часть раздела занимает краткое описание каждого из школьных предметов, проекты сущностного наполнения которых предлагает «За Британию». В частности, история должна изучаться «такой, какой она была, без политического подтекста», а дети должны узнавать о «положительном вкладе, который Великобритания привнесла в мир». В предметах, касающихся политики, «школы будут защищать демократию как то, что превосходит тоталитаризм, ученики узнают о ценности свободы слова, открытых обсуждениях и личной свободе». Очевидно, что свой дискурс правые радикалы строят на антитезе тому, что в их представлении существует в современном мире и в современной Британии, в частности. Что касается университетского образования, то здесь также идет масштабная критика идей политической корректности, отсутствия свободы обсуждений, дискредитации «нелевых спикеров» (non-left-wing speakers). Пожалуй, главный вывод, который делается разработчиками программы в этом разделе, заключается в том, что «система образования должна быть чем-то большим, чем подготовка детей к будущей работе», «мы должны продемонстрировать им, какая замечательная честь быть британцем и что именно это значит». То есть образовательная система, по логике британских правых радикалов, должна выполнять не только образовательные, но и воспитательно-патриотические функции, формировать у молодых жителей Соединенного Королевства чувство гордости за свой народ, за свою страну.

Средства массовой информации. Необходимо сказать, что вся программа партии «За Британию» достаточно органична и логически выверена. Поэтому не удивительно, что в разделе о СМИ объектом своей критики британские правые радикалы вновь выбирают реалии политкорректного мира: «Политики, которые критикуют открытые границы, мультикультурализм, исламизацию...могут ожидать, что их аргументы будут проигнорированы СМИ, или будут объявлены “крайне правыми”, “фашистами”, “расистами” или иными ненавистными фанатиками». Правые подчеркивают, что с помощью ярлыка можно делегитимировать своего оппонента, как бы лишая его морального права участвовать в дискуссии, и СМИ должны нести ответственность за это. К примеру, если какой-то политик назван «фашистом», то газета должна разъяснить, на какое определение этого понятия она опирается, и как данный политик этому соответствует. Словом, главная мысль относительно СМИ у британских правых радикалов сводится к следующему: в современном мире СМИ подконтрольны крупным медиакорпорациям и, соответственно, имеют ресурсы, чтобы «убедить рядового избирателя в том, что одни политики “хорошие”, а другие – “плохие”. Это, по мнению партии «За Британию», ведет к маргинализации тех, кто высказывает отличное от принятого в современном обществе мнение и, в конечном счете, негативно влияет на демократический процесс.

Ислам. Пожалуй, самый интересный случай конструирования националистического дискурса в программе представляет раздел «Ислам». В разделе «Иммиграция» правые радикалы продемонстрировали попытку разделить положительный вклад легальных мигрантов и нелегальную миграцию, что, казалось, должно быть аналогичным образом продолжено и в разделе про ислам. Но уже в начале раздела авторы программы пишут: «Учитель школы находится под охраной полиции за демонстрацию карикатуры; убийство сэра Д. Амесса, террористическая атака в Ливерпуле. Ислам никуда не делся». Правые радикалы, таким образом, уравнивают убийство и теракт с исламом, считают, что именно ислам ответственен за эти события. Они отмечают, что иммиграция сама по себе есть проблема, и тем более, «иммиграция из обществ с противоположными культурными и религиозными

ценностями может нанести непоправимый ущерб». Таким образом, ставится знак равенства между иммиграцией, исламом и терроризмом и выдвигаются следующие тезисы: во-первых, политическая элита списывает теракты на «психические заболевания» и отказывается видеть взаимосвязь терроризма и ислама; во-вторых, ислам и свобода абсолютно несовместимы; в-третьих, в отличие от западных демократий, в исламских учениях нет свободы слова и права на критику власти; в-четвертых, несовместимы западные и исламские традиции и правила в области отношений женщин и мужчин, семьи. В целом, британские правые радикалы указывают на несовместимость западной демократии и норм ислама, хотя и оговариваются, что «отдельные мусульмане – это люди, о которых необходимо судить по их собственным достоинствам». Любопытно, что если ещё пару десятилетий назад европейских крайне правых обвиняли в антисемитизме, сейчас они сами говорят о растущем уровне антисемитизма, вняв в этом, естественно, мусульман.

Как и в случае с разделом «Иммиграция», в данном разделе большое место занимает список предложений от партии по решению проблем, связанных с мусульманским вопросом. Стоит особое внимание обратить на следующие: 1) запретить шариатские суды; 2) депортировать тех, кто живет согласно нормам шариата и выступает против британской демократии; 3) запретить паранджу, так как она есть угроза безопасности; 4) контролировать исламские учебные заведения в Британии; 5) контролировать мечети и закрывать те, которые повинны в подстрекательстве к насильственным действиям; 6) оказывать поддержку бывшим мусульманам и организовать контроль за тем, чтобы им не грозила опасность в случае отхода от ислама; 7) привлекать к ответственности/депортировать тех, кто признан виновным в угрозах применения насилия в отношении критиков ислама; 8) контролировать то, чтобы полиция и правительство обеспечивали свободу слова и право критиковать ислам; 9) провести общественное расследование исламской доктрины, включая Коран и хадисы, а также основы шариата, и информировать британскую общественность о ценностях ислама; 10) признать исламский антисемитизм и принять активные меры по борьбе с ним.

Нельзя не заметить, что в данном разделе программы британские крайне правые проявляют наиболее непримиримую позицию, и самым частым призывом является «запретить». Также стоит отметить, что в идеальной картине партии «За Британию» мусульмане становятся, по большому счету, дискриминируемой группой, а ислам оказывается практически вне закона, под жестким контролем. Следовательно, как бы ни была сильна критика крайне правыми британских СМИ, «культурных марксистов» и правительства, главными Врагами, используя терминологию К. Шмитта (Шмитт, 1992: 37–67), является ислам и мусульмане, которые отказываются следовать правилам, принятым в западном демократическом обществе.

Международные отношения. Достаточно хорошо прослеживается националистический дискурс партии и в разделе, посвященном вопросам национальной обороны и международных отношений. В мире после Брексита британским крайне правым, безусловно, необходимо перестраивать внешнеполитическую повестку, конструировать дискурс о месте Британии в мире, её роли и приоритетах. И вот здесь особо выделяются следующие моменты программы партии «За Британию»: 1) партия утверждает, что обеспечит независимую политику в области торговых отношений, что Британия будет действовать как «свободная нация»; 2) Британия может сама обеспечивать себя в некоторых отраслях экономики; 3) депортация иностранных преступников, связанных с терроризмом и не являющихся гражданами Великобритании; 4) необходимость реформирования ООН, в том числе допускается возможность выхода Великобритании из этой организации по причине того, что сегодня ООН – глобалистская политическая лоббистская группа; 5) партия будет выступать за запрет для иностранных государств строить религиозные учреждения или проводить религиозные или политические собрания, которые противоречат «интересам демократии и общепринятым нормам свободного общества» (явное пересечение с разделом об угрозе со стороны ислама); 6) необходимость предоставления убежища тем, кто подвергается расовой дискриминации в Южной Африке (речь идет о «белых фермерах» этого государства).

* * *

Ситуация с COVID-19 обострила, в частности, и вопросы, касающиеся восприятия Другого. В контексте дискурса праворадикальных партий это значит, что они с большей силой стали культивировать идею негативного влияния мигрантов, ислама и, в целом, антинациональной повестки на жизнь граждан собственной страны. Это, безусловно, касается и Великобритании. Здесь легально действуют политические партии, занимающие крайне правые, националистические позиции. Конечно, в силу различных обстоятельств, в том числе из-за особенностей избирательной системы Соеди-

ненного Королевства, крайне правые партии пока не имеют серьезных электоральных перспектив. Более того, спустя какое-то время они могут принять решение об отзыве регистрации и прекращении своей деятельности, как это сделала партия «За Британию». Однако, несмотря на низкую степень электорального влияния, подобные политические организации вводят в общественно-политический дискурс страны крайне националистическую повестку, что свидетельствует о том, что в ближайшем будущем недовольство британцев иммиграционной политикой государства, трендами политкорректности и другими вопросами, являющимися ядром дискурса праворадикальной партии, может способствовать росту напряженности. Подобная история уже была, к примеру, с Партией независимости, чьи идеи евроскептицизма стали в Великобритании политическим мейнстримом. Анализ манифеста партии «За Британию» свидетельствует, что важнейшей особенностью конструирования дискурса праворадикальных партий является чуткое восприятие актуальных проблем общественной, политической и культурной жизни государства.

Список литературы / References

- Водак, Р. (2018) *Политика страха. Что значит дискурс правых популистов?*: пер. с англ. Харьков: Гуманитарный Центр [Wodak, R. (2018) *The politics of fear. What right-wing populist discourses mean?* [Politika straha. Chto znachit diskurs pravyh populistov?]. Har'kov: Gumanitarnyj Centr. (In Russ.)].
- Кондратьева, Т. С. (2012) 'Британская национальная партия и проблема иммиграции', *АПЕ*, 4 [Kondratieva, T. S. (2012) 'British National Party and the issue of immigration' [Britanskaya nacional'naya partiya i problema immigracii], *APЕ*, 4. (In Russ.)].
- Кондратьева, Т. С. (2015) 'Великобритания: Позиция ведущих политических партий страны по проблеме иммиграции', *Актуальные проблемы Европы*, 4 [Kondratieva, T. S. (2015) 'UK: The position of the country's leading political parties on immigration' [Velikobritaniya: Poziciya vedushchih politicheskikh partij strany po probleme immigracii], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4. (In Russ.)].
- Курносков, Д. Д. (2008) 'Британская национальная партия: эволюция и перспективы', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 4 [Kurnosov, D. D. (2008) 'British National Party: evolution and perspectives' [Britanskaya nacional'naya partiya: evolyuciya i perspektivy], *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 4. (In Russ.)].
- Минкенберг, М. (2004) 'Новый правый радикализм в сопоставлении: партии, движения и среды', *Актуальные проблемы Европы*, 2, сс. 16–32. [Minkenberg, M. (2004) 'New radical right in comparative perspective' [Novyj pravyy radikalizm v sopostavlenii: partii, dvizheniya i sredy], *Aktual'nye problemy Evropy*, 2, pp. 16–32. (In Russ.)].
- Хобсбаум, Э. (2000) 'Изобретение традиций', *Вестник Евразии*, 1, сс. 46–61. [Hobsbawm, E. (2000) 'The Invention of Traditions' [Izobretenie tradicij], *Vestnik Evrazii*, 1, pp. 46–61. (In Russ.)].
- Шмитт, К. (1992) 'Понятие политического', *Вопросы социологии*, 1, сс. 37–67. [Schmitt, K. (1992) 'The Concept of the Political' [Ponyatie politicheskogo], *Voprosy sociologii*, 1, pp. 37–67. (In Russ.)].
- Шнирельман, В. А. (2011) «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Том I. Москва: Новое литературное обозрение. [Shnirelman, V. A. (2011) "Threshold of Tolerance": The Ideology and Practice of the New Racism [«Porog tolerantnosti»: Ideologiya i praktika novogo rasizma], Vol. 1, Mpscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)].
- Dzenis, S., Nobre F. (2020) 'Political Correctness: The Twofold Protection of Liberalism', *Philosophia*, 48 (1), pp. 95–114.
- Jamin, J. (2014) 'Cultural Marxism and the Radical Right', in *The Post-War Anglo-American Far Right: A Special Relationship of Hate*, edited by Paul Jackson and Anton Shekhovtsov, pp. 84–100. New York: Palgrave Macmillan.
- Mudde, C. (2010) 'The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy', *West European Politics*, 33 (6), pp. 1167–1186.
- Mudde, C. (2007) *Populist radical right parties in Europe*. N.Y.: Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 20.11.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

SPECIFICITY OF CONSTRUCTING A RADICAL RIGHT AGENDA IN CONTEMPORARY UNITED KINGDOM

M. S. Golovin

M. S. Golovin, Senior Lecturer, Department of Political Science and International Relations, Chelyabinsk State University.

E-mail: golovin.mihail@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4339-4842).

Abstract

Right-wing political parties have been significant actors in the political process in many European countries for the last two decades now. Their influence on the party-political landscape of Europe, including the electoral one, is explained by the fact that in the face of the challenges of globalization, many of these parties were able to qualitatively transform their discourse, involving the actualities of our time, adapting them to their own ideological platform. However, there are several facts that distinguish the British case of right-wing radicalism from the continental European one. The author studies the features of the discourse of the right-wing radicals of the Britain using the example of one of the officially registered right-wing parties – «For Britain» - and identifies the main elements of the discourse of this party in the context of globalization, immigration flows, the application of ideas of political correctness to practice. Despite the party leadership's decision in the summer of 2022 to terminate its existence, its ideas do not cease to influence large number of Britons. Finally, the author identifies, the main categories of nationalist discourse, and analyzes how they are instrumentally used by the "For Britain" party in constructing its ideology.

Keywords: right-wing radicalism; United Kingdom; For Britain Movement; nationalist discourse; European Union; Islam; political correctness.

Рецензии

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-123-127

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И РОСТ ПОПУЛИЗМА

(Рецензия на книгу: Pippa Norris, Ronald Inglehart

Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge University Press. 2019)

И. А. Суманеев

Суманеев Иван Андреевич, аспирант факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге.
E-mail: isumaneev@eu.spb.ru (ORCID: 0000-0003-2926-7035).

Аннотация

Представленная рецензия посвящена книге Пиппы Норрис и Рональда Инглхарта «Cultural Backlash», в которой авторы предлагают объяснение успехам популистских политиков и партий в мире за последние годы. Основываясь на большом массиве данных, главным образом, опросах, таких как Всемирное исследование ценностей, Европейский социальный опрос и так далее, Норрис и Инглхарт выдвигают культурно-поколенческий аргумент, согласно которому авторитарно-популистские ценности находятся в прямой связи с тем поколением, к которому принадлежит индивид. Старшие поколения (межвоенное и бэби-бумеры), в целом, более склонны не только разделять авторитарно-популистские ценности, но и голосовать за популистские партии, в то время как более молодые поколения (поколение X и миллениалы), в целом, придерживаются более либертарных, постматериалистических, ценностей и менее охотно поддерживают популистов. По мнению Норрис и Инглхарта, такой межпоколенческий разрыв в отдельных случаях усиливается мажоритарными правилами игры в некоторых демократических странах – например, при системе большинства на выборах в Великобритании или непрямом голосовании на президентских выборах в США. Другими драйверами авторитарно-популистских ценностей являются т.н. «тихая революция», масштабные изменения в культуре и общественной жизни, которые вызывают протест более старших поколений, и экономические кризисы, влияющие на изменение ценностей даже у более молодых поколений, хотя и не напрямую, заставляя людей чувствовать себя менее защищёнными и, соответственно, склоняться в сторону ценностей выживания, тесно связанных с авторитарно-популистскими ценностями.

Ключевые слова: популизм; популистские партии; Всемирный опрос ценностей; Трамп; Брекзит; поколенческие ценности.

Пиппа Норрис и Рональд Инглхарт являются одними из самых цитируемых политологов современности. Норрис, профессор Школы управления им. Джона Кеннеди в Гарварде, известна как крупнейший специалист в исследовании политических партий, избирательных систем и фальсификаций на выборах. Её последний крупный проект, посвященный качеству выборов в разных странах мира (Electoral Integrity Project), предоставляет основанную на экспертных оценках информацию о выборах в десятках стран мира за последние 10-15 лет, позволяя таким образом проводить масштабные сравнительные исследования. Недавно ушедший от нас Инглхарт был профессором Мичиганского университета и содиректором Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, которая сейчас носит его имя, и создателем масштабного проекта по исследованию ценностей, начавшегося ещё в 1970-е гг. На сегодня выложены данные уже седьмой волны этого опроса, завершившейся в 2020 г.

Книга «Cultural Backlash» представляет собой ответ на вопрос, почему популисты добиваются таких успехов в последнее время. Она соединила в себе лучшее из исследований двух авторов: обширные данные, собранные командой Инглхарта, и смелые, но основательно подтвержденные эмпирикой теории Норрис, объясняющие природу тектонических социальных изменений в мире за последние 40–50 лет.

Авторы начинают с изложения своей теории «культурного контрудара» (cultural backlash). Вкратце она выглядит так. За последние десятилетия произошёл мощнейший сдвиг от материалистических ценностей (безопасность, экономический успех и т.д.) к постматериалистическим (самовыражение, свободный выбор и т.д.). Причинами этого сдвига стали расширившиеся возможности получения высшего образования (в особенности для женщин), урбанизация, сексуальная революция и растущее этническое разнообразие, прежде всего в крупнейших мегаполисах. При этом новые ценности больше присущи новым поколениям, родившимся в условиях безопасности, достатка государства всеобщего благосостояния, чем более ранним поколениям (например, межвоенному, которое успело застать Великую депрессию и Вторую мировую войну). Рост иммиграции и увеличивающееся этническое разнообразие, так же, как и экономические потери (economic grievances), оказали существенное влияние на настроения старших поколений, которые ощущают себя чужаками в своей собственной стране и испытывают чувство горького разочарования от того, что окружающий их мир не соответствует принципам, которые они впитали с детства. Это заставляет их выражать более консервативные и авторитарные взгляды, создавая, таким образом, спрос (demand side) на то, что авторы определяют как авторитарный популизм.

Такой тренд, в свою очередь, получает поддержку среди политических партий, которые ориентируются на авторитарные ценности и проблематизируют вопросы, которые вызывают недовольство или по меньшей мере обеспокоенность со стороны значительной части граждан, будь то вопросы миграционного кризиса, экономических затруднений или отношений с Европейским союзом. Эта «сторона предложения» (supply side) ещё более усиливается существующими правилами игры. Электоральные институты, при которых партия или кандидат, не пользующиеся широкой поддержкой, могут выиграть большое количество мест в парламенте или победить на президентских выборах, предоставляют популистам широкие возможности для прихода к власти.

Изменение в ценностях Норрис и Инглхарт называют «тихой революцией» (silent revolution). Примерно с 1970-х гг. начался фиксируемый в опросах сдвиг в ценностях от материализма к постматериализму. Авторы выделяют четыре больших возрастных когорты:

- Межвоенное поколение (рожденные до 1945 г.),
- Бэби-бумеры (рождены в 1946–1964 гг.),
- Поколение X (1965–1979 гг.),
- Миллениалы (1980–1996 гг.).

При этом, каждое последующее поколение, в целом, всё более сдвигалось именно в сторону ценностей самовыражения и свободы, а ценности безопасности, конформности и подчинения в более поздних поколениях отходили на второй план (с. 106). В разных странах этот сдвиг происходил не одновременно. Например, в бывших странах социалистического лагеря он произошел позднее, чем в странах Западной Европы, однако и там этот тренд отчётливо выражен. Такое разделение в ценностях между представителями разных поколений создало плодородную почву для появления мощного раскола в политической сфере.

Как авторы определяют популизм? Согласно Норрис и Инглхарту, популизм — это риторический стиль, транслирующий в качестве важнейших принципов (first-order principles) установки о том, кто должен править и провозглашающий, что легитимная власть принадлежит «народу», а не элитам. При этом популизм не затрагивает принципы второго порядка (second-order principles) о том, что, собственно, следует делать и какому политическому курсу следовать. Таким образом, популизм, в понимании авторов книги, покоится на двух широких опорах. Во-первых, он бросает вызов установившейся власти и мейнстримным политикам вообще — последние при этом понимаются максимально широко и включают в себя недоверие экспертам, СМИ, судьям, лоббистам, интеллектуалам, учёным и т.д. Во-вторых, популисты провозглашают, что только народ — «молчаливое большинство», «забытые американцы» — является единственным легитимным источником политической и моральной власти. Именно голоса «простых людей» являются подлинной формой демократического правления, даже если они расходятся с тем, что говорят эксперты, будь то избранные представители народа, журналисты или учёные.

Как Норрис и Инглхарт операционализируют популистские ценности? Для этого они используют опросы Европейского социального опроса (ESS), которые измеряют отношение к традиции, важность проживания в безопасном окружении, важность подчинения авторитету и т.д. (с. 104). Можно спорить по поводу того, насколько эти опросы позволяют измерить уровень популизма, однако, в целом, нет сомнений, что они соответствуют выдвинутому авторами определению популизма.

Сама по себе «тихая революция» не вызвала бы к жизни и уж тем более не объяснила бы успехи популистов в самых разных регионах планеты. Важную роль в их подъёме сыграли экономические кризисы и нарастающее этническое разнообразие. Авторы указывают, что авторитарные и популистские ценности имеют высокий коэффициент корреляции не с экономическим кризисом как таковым, то есть, снижением ВВП, но с чувством экономической небезопасности. Именно оно заставляет людей забывать о ценностях самовыражения и вновь вспоминать о ценностях безопасности и выживания. Конечно, в строгом смысле в современных европейских обществах вопрос о выживании не стоит даже при жёстких экономических кризисах, но ухудшение экономического положения, очевидно, заставляет людей переосмыслить свои приоритеты. Норрис и Инглхарт, подчёркивают, что финансовые (а не просто экономические) кризисы в целом существенно увеличивают поддержку крайне правых партий.

Что интересно, регрессионный анализ с множеством контрольных переменных показывает, что именно принадлежность к одной из четырёх возрастных когорт является сильнейшим предиктором сдвига от постматериалистических к материалистическим ценностям. И в дальнейшем при поиске факторов, которые бы объясняли приверженность авторитарным и популистским ценностям, именно возраст является самым сильным предиктором, иногда конкурируя с религиозностью. Важнейшей находкой авторов, однако, являются эффекты сдвига (period-effects) в сторону материалистических ценностей во всех поколениях при экономическом кризисе.

Другим фактором, сильно способствовавшим чувству отчуждения среди старших поколений, является возросшее этническое разнообразие, особенно в крупных городах. При этом, как ни странно, в наибольшей степени популистские ценности проявляются у тех, кто не общается с людьми другой расы или культуры на повседневной основе. Авторы находят мощную корреляцию между популистскими ценностями и отношением к иммигрантам. При этом, что особенно любопытно, инструментальные теории в данном случае менее актуальны, чем теории культурной угрозы. Иначе говоря, люди боятся не того, что мигранты отнимут у них работу, а того, что культура, обычаи и устоявшиеся ценности их родины могут быть размыты ценностями и обычаями мигрантов. И опять-таки здесь важнейшим предиктором является год рождения человека. Это не значит, что среди миллениалов нет тех, кто не любит мигрантов и враждебно к ним относится, однако среди более старших поколений таких людей гораздо больше.

Многочисленные опросы помогают авторам измерить популистские отношения среди обычных людей на индивидуальном уровне. Но как определить, какие партии являются популистскими? С этой целью авторы, последовательно отвергая разные способы классификации партии, выдвигают, кажется, единственно возможный в их ситуации способ – экспертный опрос. Опрос Chapel Hill Expert Survey включает в себя оценку партий в странах ЕС (плюс Турция, Норвегия и Исландия). Норрис и Инглхарт предлагают новую схему расколов в европейских партиях, предлагая разделение на четыре полюса: авторитарный-либертарный и плюралистский-популистский (с. 222). Операционализация популистских партий включает в себя 13 вопросов из экспертного опроса Chapel Hill, сосредоточенных вокруг авторитарных ценностей, популистской риторики и экономических ценностей (левых или правых). В целом, тот набор партий, которых авторы считают популистскими, соотносится с мнением других исследователей, хотя нельзя не заметить, что, поскольку экспертный опрос датируется 2014 г., некоторые новые популистские партии, типа испанской VOX, в него не вошли.

Кто же голосует за популистов? Здесь Норрис и Инглхарт вводят важное аналитическое разделение. Важны не только голоса сами по себе, но и явка. Авторы находят мощный поколенческий разрыв среди тех, кто приходит на избирательные участки: представителей старших поколений на них существенно больше, чем представителей поколения X или миллениалов. Именно здесь культурное размежевание в ценностях между поколениями становится критически важным. Ведь если бы старшие и младшие разделяли одни и те же ценности, то не очень существенно, насколько отличалась бы явка в разных возрастных когортах.

Здесь же вступают в силу правила игры, иначе говоря, избирательные системы. Авторы наглядно показывают, что мажоритарные системы уменьшают количество мест, которые популисты могут получить в парламенте по сравнению с процентом полученных ими голосов¹ (с. 319), в то время как в пропорциональных избирательных системах процент голосов и процент мест в парламенте практически совпадают.

¹ См. случай UKIP на парламентских выборах в Великобритании в 2015 г.

Заключительные две главы представляют собой анализ двух конкретных случаев: президентских выборов в США и референдума о выходе Великобритании из Европейского союза. По сути, они представляют собой применение аналитического инструментария, представленного в основной части книги, к этим двум кейсам. Практически все аргументы авторов, в том числе центральный аргумент о тесной связи между популистскими ценностями и возрастной когортой, находят в них убедительное подтверждение.

Перечисляя сильные стороны книги Норрис и Инглхарта, я сосредоточусь на трёх важных достоинствах этой работы, которые представляются мне наиболее значительными, однако оговорюсь, что их гораздо больше. Во-первых, исследование опирается на масштабный корпус эмпирических данных как на индивидуальном, так и на страновом уровне. При этом Всемирный опрос ценностей органически дополняется данными Европейского опроса ценностей (EVS), Евробарометра и Европейского социального опроса (ESS), а экспертные опросы научного центра Chapel Hill дают дополнительный материал. Ориентация на имеющиеся эмпирические данные, а не на нормативные жалобы об упадке демократии выгодно отличает эту книгу от многих других, посвященных популизму.

Во-вторых, важным плюсом этой книги является теоретически обоснованное определение популизма. Хотя в нём можно найти некоторые недостатки (о них я скажу ниже), не вызывает сомнения, что этот подход является рабочим и даёт в руки эмпирическим исследователям популизма важнейший инструмент для изучения популистских партий по всему миру.

В-третьих, нельзя не отметить ясность и жёсткую структуру этой книги. Сказать, что работа объёмом почти в 550 страниц является лаконичной, конечно, будет преувеличением, однако несомненно, что строгий и простой (но не упрощённый) язык книги Норрис и Инглхарта способствует пониманию аргументов авторов не в меньшей степени, чем эмпирические выкладки и регрессионные таблицы.

К недостаткам книги я отношу следующее. Во-первых, она, очевидно, написана с серьёзной опорой на американскую и британскую политику. Книга не является американоцентричной в строгом смысле, поскольку авторы, в особенности Норрис, безусловно, отлично знают и демонстрируют в тексте обширные знания о политических партиях и политике вообще в континентальной Европе. Однако примеры, которые приводятся в книге, основаны, прежде всего, на риторике, активности и т.д. Дональда Трампа и республиканской партии. В заключительной части на правах кейс-стади рассматриваются именно президентские выборы в США и референдум о выходе из ЕС в Великобритании в 2016 г. Ещё одним подтверждением опоры на американские политические реалии является аргумент (в разделе о классификации партий) о разнице в идеологических убеждениях членов одной партии. Для США это действительно так, однако для европейских партий характерна большая взаимосвязь взглядов членов одной партии, хотя и с поправкой на более или менее радикальные взгляды на разных уровнях партийного членства.

Во-вторых, вызывает вопрос принцип отнесения тех или иных партий к лагерю популистов. Поскольку авторы определяют популизм как континуум (партия может быть более или менее популистской), а не дихотомию (популисты и непопулисты), неизбежно возникает вопрос о том пороге, за которым партия становится или перестаёт быть популистской. Норрис и Инглхарт, разумеется, прекрасно осознают это и оговариваются, что разделительные линии неизбежно носят произвольный характер (с. 232).

Совсем недавно появилась критическая оценка книги, которая носит столь существенный характер и столь важна, что умолчать о ней невозможно. Немецкий политолог Армин Шефер опубликовал статью, в которой подверг сомнению как методологические, так и чисто количественные составляющие исследования Норрис и Инглхарта (Schäfer, 2021). Критика Шефера обращена на три момента. Во-первых, согласно перерасчётам Шефера, не наблюдается значительной *поляризации* в ценностях между старшими и младшими поколениями. Пересчитав данные, которые использовали Норрис и Инглхарт, он замечает, что разница в ценностях действительно есть, однако она а) не столь уж велика, б) не может сама по себе объяснить расхождение в избирательных предпочтениях между поколениями. Во-вторых, измерение популизма вызывает, как я указывал выше, серьёзные вопросы. Авторы используют шкалу Шварца (Schwartz, 1992) для того, чтобы операционализировать авторитарные ценности, однако сложность в том, что Шварц измеряет вовсе не авторитаризм, а чувство безопасности. Таким образом, исходя из теории культурного контрудара, старшие поколения должны будут показывать более популистские настроения, однако, исходя из имеющихся данных, это не так. Опираясь на сведения, собранные авторами, Шефер показывает, что различие между поколениями не

столь значимо, как различие между странами. Это, в свою очередь, ставит под сомнение центральный тезис теории Норрис и Инглхарта. Наконец, в-третьих, если соотнести популизм в более широком смысле с голосованием за популистские партии, то более склонны голосовать за них именно представители молодёжи, а не межвоенного поколения.

Несмотря на эти недостатки, книга Пиппы Норрис и Рональда Инглхарта, несомненно, является обязательным чтением для всех, кто изучает популизм и популистские партии и рекомендательным – для тех, кто хочет понять глубинные причины кризиса демократии и репрезентативности в США и Европе. Более того, я рекомендую её всем, кто занимается сравнительной политологией, как мастер-класс по выстраиванию научного аргумента и обоснованию своей теоретической позиции эмпирическими данными.

Список литературы / References

- Norris, P. and Inglehart, R. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. New York: Cambridge University Press.
- Schwartz, S. H. (1992) 'Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries', *Advances in Experimental Social Psychology*, Vol. 25, pp. 1–65. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6.
- Schäfer, A. (2021) 'Cultural Backlash? How (Not) to Explain the Rise of Authoritarian Populism', *British Journal of Political Science*, pp. 1–17. DOI: 10.1017/S0007123421000363.

Статья поступила в редакцию: 21.10.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

GENERATIONAL VALUES AND THE RISE OF POPULISM (Review on Pippa Norris, Ronald Inglehart. *Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge University Press. 2019)

I. A. Sumaneev

I. A. Sumaneev, PhD student, Political Science Department,
European University at Saint Petersburg, Russia.
E-mail: isumaneev@eu.spb.ru (ORCID: 0000-0003-2926-7035).

Abstract

The article reviews a widely cited book “Cultural Backlash” by Pippa Norris and Ronald Inglehart, focused on the recent rise of populism all over the world. According to the authors, the generation is the strongest predictor of authoritarian-populist values and voting for the ones. They understand populism as a rhetoric style, based on two main features: challenging the established power and proclaiming that people are the only source of legitimate power in a society. Old generational cohorts, tend to have more populist attitudes and vote for populist parties, while young cohorts have more libertarian values and less likely to vote for populists. Majoritarian institutional design, such as indirect presidential elections in the USA or plural electoral system in Great Britain exacerbate the rise of populism in these countries. Other contributors to this trend are so called “silent revolution”, a massive change of cultural and societal environment in many countries (access to higher education, women emancipation, migration, etc.), which old cohorts tend to oppose, and economic crises, which make people feel more vulnerable and provoke even the young cohort to incline to authoritarian-populist values. The book under review is a crucial paper for understanding massive success of populism in different countries for the last twenty years.

Keywords: populism; populist parties; World Value Survey; Trump; Brexit; generational values.

УДК:32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-128-132

В ПОИСКАХ ПРИМИРИТЕЛЬНОГО НАРРАТИВА
(Рецензия на книгу: **Nikolas Buckley. Out of Prison. ETA Life Stories Become History.**
Center for Basque Studies Press, University of Nevada. 2021)

Ю. Н. Фролова

Фролова Юлия Николаевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии,

Институт истории и социальных наук, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Аннотация

Книга преподавателя университета Эквадора Николаса Бакли представляет собой результаты исследования, выполненного методом устной истории, основу которой составляет интервью с 7 бывшими активистами террористической группировки ЭТА, отбывшими тюремное заключение. По мнению рецензента, монография имеет как практическую, так и теоретическую ценность. Автор задается целью создания целостного нарратива баскского конфликта, дополняя имеющиеся позиции историями самих активистов, дискутируя с рядом устоявшихся тезисов по проблеме. Практическая значимость работы заключается в возможности интегрирования результатов исследования в механизмы правосудия переходного периода с целью преодоления наследия политического конфликта, повлекшего за собой человеческие жертвы и систематическое нарушение прав человека. Книга может представлять интерес не только для историков, политологов и этнологов, занимающихся изучением Страны Басков, но и для исследователей, обращающихся к методу устной истории, так как автор монографии представляет обширный материал по применению этого метода в рамках конкретного кейса.

Ключевые слова: Страна Басков; метод устной истории; ЭТА; правосудие переходного периода; сепаратизм.

Вопрос поиска общего нарратива произошедшего – проблема, которая стоит перед сообществами, пережившими политический конфликт, связанный с систематическим нарушением прав человека и повлекший за собой человеческие жертвы. Восприятие баскского конфликта сегодня представлено двумя противоборствующими нарративами – условно испанским и баскским. «Испанский путь» жестко формулируется в рамках дискурса терроризма и не признает наличия какого-либо переходного мирного процесса; «баскский путь» предполагает возможность существования разных точек зрения на прошлое (Berastegi, 2017: 8), однако зачастую такие точки зрения представляют собой позицию жертв терроризма группировки ЭТА. В этом контексте значимый вклад в развитие общего понимания вносит книга Николаса Бакли, преподавателя Университета Эквадора (Universidad Metropolitana de Ecuador), в прошлом выпускника университета Комплутенсе в Мадриде и Лондонского университета. Работа под названием «Выход из тюрьмы. Рассказы из жизни ЭТА становятся историей» (“Out of Prison. ETA Life Stories Become History”) выпущена в 2021 г. Центром Баскских исследований университета Невады, Рино в США. Автор представляет результаты исследования с применением метода устной истории, основанного на интервью 7 активистов ЭТА, отбывших тюремное заключение. Интервью были проведены в 2014–2015 гг. Применение метода устной истории объясняется необходимостью поиска новых «субнарративов» для формулирования комплексной истории конфликта и включения рассказов активистов ЭТА в общую историографию вопроса. Ценность метода устной истории заключается в том, что он позволяет «поместить» опыт респондентов (участников исследуемых событий) в более широкий социальный и исторический контекст¹. Метод предполагает собой динамическое сотрудничество интервьюера и рассказчика: он сочетает в себе как продуманное планирование беседы и тщательное следование согласованному процессу, так и некоторую гибкость, связанную с тем, как рассказчик расставляет акценты актуальности и значимости.

© Фролова Ю. Н., 2023

¹ OHA Core Principles [online] Available at: URL: <https://oralhistory.org/oha-core-principles/> (Accessed: 24th August 2022).

В предисловии к книге и далее по всему тексту прослеживается главная идея автора о том, что политика – это столкновение конкурирующих проектов, и своим исследованием Бакли хочет дополнить картину создания нарративов по поводу баскского конфликта, фокусируясь на тех аспектах, которые прежде игнорировались: детство активистов, момент вступления в ЭТА, существование нынешних внутренних угрызений совести по поводу совершенных преступлений и т.д.

Структурно книга состоит из 5 глав, вступления и заключения. Во вступлении автор, представляя достаточно подробно обзор существующих работ по истории ЭТА, сразу же обращает внимание читателя на главном аспекте своего исследования, который отличает его от других публикаций по проблеме: показать, что история ЭТА – не изолированная борьба террористической группировки с испанским государством, а часть общей картины современной испанской истории. И в этом контексте ЭТА выступает отражением изменений, происходивших как в баскском, так и в целом в испанском обществе. Примечательной особенностью данной работы является постоянное обращение автора к общему контексту и/или имеющимся исследованиям по теме. Так, например, в рамках первой главы, представляя историографию баскского конфликта в плоскости теории национализма, автор не только анализирует взгляды Сабино Арана – главного идеолога баскского самоопределения, который фактически заложил идеологическую основу БНП (Баскской националистической партии), но и помещает его идеи в теоретическую плоскость, сформированную концепциями Э. Смита, Б. Андерсона, Э. Геллнера и т.д. (Buckley, 2021: 7–8). Ссылаясь на идеи Э. Хобсбаума и Б. Андерсона, автор выводит свою теоретическую «рамку» исследования, рассматривая нацию как многомерную концепцию, а баскский национализм как побочный продукт испанского процесса модернизации. Как результат, баскский национализм представляет собой не что иное, как реакцию на становление неолиберальной европейской экономической модели, в рамках которой националистическое движение – результат попытки удержаться за традиции и идентичность, тогда как неолиберализм все больше дезинтегрирует и размывает человеческие отношения. Далее автор выдвигает интересную идею о том, что терроризм ЭТА – это не столько результат развития националистических идей, сколько следствие тех противоречий, которые возникли в странах Европы после Второй мировой войны (Buckley, 2021: 15). Бакли соглашается с Р. Кларком в том, что в национализме ЭТА не было ничего «этнического», в то время как позиция БНП поддерживались как раз сторонниками этнических националистических идей (Buckley, 2021: 17). Лейтмотивом всех частей книги является представление «Режима 78» (критическая концепция, сформированная в научных кругах в отношении тех преобразований, прежде всего культурного характера, которые стали следствием принятия Конституции 1978 г. в Испании) через призму рассматриваемых историй.

Первая глава представляет собой обширную историографическую справку конфликта с широким обзором имеющейся литературы и сравнением баскского и каталонского национализма. Здесь представлен подробный анализ того, как Гражданская война в Испании сформировала предпосылки, в том числе социальную базу, для дальнейшего развития баскского национализма. Так, например, автор приходит к выводу, что архетип активиста ЭТА – это баскский солдат времен Гражданской войны (*gudari*) (Buckley, 2021: 45). Методологически эта глава отличается от последующих: здесь автор фокусируется на историографии баскского конфликта, влиянии на него Гражданской войны и последующих событий вплоть до конца XX в.; это единственная глава книги, в основе которой не лежит устная история кого-либо из респондентов.

Несмотря на тематические различия последующих глав, они в целом выстроены в хронологическом порядке, в основе которого лежит возраст респондентов и соответствие определенному периоду в развитии баскского конфликта. Вторая глава основывается на «истории» активиста Ф. Ечегарай (*Fernando Etxegarai*), затрагивает период 1960–80-х гг. и показывает, как ЭТА в своем развитии трансформировала понимание баскского национализма, избавляя его от «этничности», созданной идеями БНП. Здесь возникают любопытные «националистические диады»: 1) баскский традиционализм БНП против революционного активизма ЭТА; 2) баскский проект национализма против испанского проекта национализма. Автор приходит к выводу о причинах баскского конфликта как результата столкновения двух «националистических» проектов (баскского и испанского), которое стало возможным именно благодаря испанскому переходному процессу от автократии к демократии. В таком контексте реализация права на самоопределение воспринималась в качестве необходимого поворотного момента, который позволил бы окончательно оставить франкистскую диктатуру в прошлом.

Еще одним значимым фактором, способствовавшим активному развитию сепаратизма в Стране Басков и Каталонии является тот факт, что именно эти регионы оказались наиболее затронуты социальными изменениями индустриализации, в результате чего здесь появились политически забро-

шенные области – в основном сельские районы. Именно в таких условиях формировалась ЭТА как часть баскского радикального сообщества. Больше всего переходные процессы затронули именно рабочий класс, который, став движущей силой баскского национализма этого периода, сделал активизм ЭТА фактически мультиэтничным. Быть баском теперь – не вопрос религии или кровной принадлежности, быть баском – значит быть политическим активистом, который борется с режимом Франко (Buckley, 2021: 103). Основной вклад, который вносит эта часть, заключается в переосмыслении самого смысла организации ЭТА: в противовес устоявшемуся в научных кругах убеждению о фанатической террористической организации автор предлагает трактовать сам факт ее существования как побочный продукт испанского переходного процесса, индустриализации и развития капитализма. Такой подход объясняет рост активности ЭТА именно после смерти Франко, когда, казалось бы, созданы были все условия для постепенного самоопределения региона в рамках испанского государства.

Третья глава основана на результатах интервью с Хосу Амантес (Josu Amantes), где автор анализирует деятельность группировки GAL (Grupo Antiterroristas de Liberacion), основной целью которой посредством актов террора было ослабление ЭТА и оказание давления на французские власти, чтобы те не предоставляли убежище активистам. Автор подмечает интересную особенность, свойственную многим активистам ЭТА: они достаточно свободно говорят об актах насилия со стороны испанского государства и, в частности, GAL, но практически не могут выйти за рамки доминирующего дискурса ЭТА и признать факт того, что ЭТА также применяла насилие (Buckley, 2021: 100). В рамках этого нарратива участники ЭТА представляют собой авангард борьбы против притеснений баскского народа и поэтому не рассматривают себя как преступников. GAL же представляется как «дегуминизированная машина для убийства». Текст третьей главы дает больше деталей и цитат самого интервью и в рамках такого изложения формулирует исследовательский вопрос, который при этом носит несколько риторический характер: можно ли вообще рассмотреть субъектность интервьюируемого в его повествовании, или же его субъектность полностью поглощена уже упомянутым господствующим нарративом ЭТА? Этот вопрос адресован не только герою третьей главы, но и остальным, так как по сути все они, в основном, отказывались говорить о собственных насильственных действиях.

Повествование четвертой главы разворачивается вокруг личности одного из участников покушения на короля Испании Хуана Карлоса I – Горка Гарсиа Сертуча (Gorka Garcia Sertucha). Действия активиста автор анализирует через призму подхода Х.Арендт, в рамках которого она рассматривает насилие как часть повседневной жизни. Параллельно с этим автор полемизирует с одним из наиболее распространенных упрощений, существующем в среде исследователей терроризма, которое заключается в том, что террористы настолько подвержены идеологической обработке, что не могут выйти за ее рамки. В противовес этому высказывается точка зрения, что активисты ЭТА в большинстве своем не были психологически и культурно подготовлены к актам насилия. Насилие стало тем средством, которое должно было помочь не только достичь определенных целей, но и использовалось как протест против общего положения дел. История Гарко Гарсиа Сертуча приходится на период окончания 1990-х гг., когда в баскском обществе уже сформировалось неприятие насильственных действий как способа решения баскского конфликта. При этом отказ от насилия носил скорее утилитаристский, чем моральный характер: появилась уверенность, что такого рода конфликт можно решить только мирным политическим путем. Анализ попытки покушения на короля ведет к двум основным выводам. Первый связан не столько с моральной оценкой данного жестокого действия, сколько с рассмотрением акта насилия как подтверждения традиционной баскской враждебности любому испанскому символу (одним из которых и является испанский король). Второй вывод сформулирован скорее как исследовательская тенденция, в основе которой лежит идея, что политическое насилие нельзя рассматривать в упрощенной форме. Для молодых басков мотивация взять в руки оружие была связана с общей социальной атмосферой массовых забастовок и демонстраций того периода, которая «давала активистам ЭТА причины продолжать вооруженную борьбу» (Buckley, 2021: 136). В связи с этим для того, чтобы понять, как такая группировка, как ЭТА, продолжала действовать на протяжении многих лет, даже потеряв общественную поддержку, необходимо обратить внимание на взаимосвязь общей социальной атмосферы, настроения масс и мотивов активистов.

Пятая глава, в отличие от предыдущих, основана на устных историях четверых активистов и повествует не о причинах их вступления в ЭТА, а об опыте тюремного заключения. Тюрьма представляется инструментом государства, основной целью которого было лишить активистов легитимности, идентичности и разрушить существующее между ними «эмоциональное сообщество». Уни-

кальной особенностью этой главы является также и интервью с женщиной-активисткой. По мнению автора, гендер в этом случае играет значимую роль в формируемом рассказчиком нарративе: здесь субъектность рассказчика почти полностью исчезает, фактически, весь нарратив основан на идеологии ЭТА, что формирует разрыв между ним и реальностью баскского общества XXI в. Радикальный баскский национализм носил преимущественно мужской облик и не позволил женщинам развить их собственное понимание политической борьбы.

Помимо основной исследовательской тематики книги – нарратива баскского конфликта – автор уделяет много внимания особенностям применения метода устной истории в рамках конкретного кейса. Прежде всего, этот метод позволяет увидеть за каждым активистом не только его функцию, но и его субъектность. Проблемой для исследователя становится необходимость в процессе интервью как можно глубже изучить не только рассказываемую историю, но и личность интервьюируемого. Это необходимо для выявления истинных мотивов действий и формулирования новых нарративов. Ситуация осложняется субъективным фактором, связанным с особенностями характера каждого конкретного респондента и их готовностью говорить открыто о тех или иных вещах. Автор указывает, что для понимания мотивации вступления в ЭТА исследователю необходимо быть открытым и не сводить все аспекты такой мотивации только к психопатологии (достаточно распространенному объяснению участия в террористической активности). При этом важно разделять сами факты и то, что респонденты рассказывают об этих фактах, однако вследствие такого разделения должна сформироваться единая картина субъектности респондента и описываемых событий.

Проблемой, с которой сталкиваются все исследователи, применяющие метод устной истории, является дилемма, можно ли отделить субъектность интервьюера от многообразия существующих официальных нарративов, можно ли выстроить этот «субнарратив» только на основании результатов, полученных указанным методом. В этом исследовании проблема проявляется, прежде всего, в контексте отказа активистов говорить о совершенных ими насильственных действиях. Можем ли мы считать такой отказ их личным желанием или же частью официального нарратива ЭТА? Другой вопрос связан с личностью интервьюера: автор исследования в ряде интервью воспринимался как «коллективный субъект», представляющий всех испанцев, которые не согласны с официальным нарративом и ищут еще один (или несколько). В таком качестве он задавал вопросы, нацеленные на поиски этого нарратива, что, однако, могло, по его мнению, приводить к некому редуцированию субъектности интервьюируемых только до представителей организации ЭТА и/или жертв насилия GAL и в таком случае не позволяло проявить им свои личные особенности.

История ЭТА неразделима с историями ее активистов. При этом в процессе повествования не всегда понятно, где оно ведется на основе «истории» активиста, а где – на основании выводов автора, полученных из других источников. Этот аспект, вероятно, можно отнести к несущественным недостаткам работы. Вкладом этого исследования является попытка сформировать многообразие субъектностей в истории ЭТА, обратить внимание на дихотомию индивидуальной и коллективной памяти и продемонстрировать как эти новые нарративы бросают вызов коллективной памяти испанцев, басков и идеологов ЭТА. Если теоретическим вкладом исследования является формирование дополнительных нарративов, то практическим результатом работы становится интегрирование результатов устной истории в инструменты правосудия переходного периода. Здесь акцент смещается с общественного на частное и фокусируется на отношениях жертвы и преступника, где право выступает не как наказание, а как средство примирения. Автор указывает, что существующая практика встреч жертв и членов ЭТА недостаточна для примирения по причине смещения акцента на жертву. Метод устной истории позволяет создать базу для всеобщего признания субъектности всех участников процесса и, как следствие, внести значимый практический вклад в развитие конкретных инструментов правосудия переходного периода.

Список литературы / References

Berastegi, A. A. (2017) 'Transitional justice in settled democracies: Northern Ireland and the Basque Country in comparative perspective', *Critical Studies on Terrorism*, pp. 1–20. DOI:10.1080/17539153.2017.1336290.

Buckley, N. (2021) *Out of Prison. ETA life stories become history*. Center for Basque Studies Press. University of Nevada. 204 p.

Статья поступила в редакцию: 19.10.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

IN SEARCH OF CONCILIATORY NARRATIVE
(Review on Nikolas Buckley. Out of Prison. ETA Life Stories Become History.
Center for Basque Studies Press, University of Nevada. 2021)

Yu. N. Frolova

Yu. N. Frolova, Candidate in Political Science, Senior Lecturer of the Department of Political Science, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Abstract

The book by Nicholas Buckley, professor at the Universidad Metropolitana del Ecuador, is the result of an oral history study based on interviews with 7 former activists of ETA who have served prison sentences. The monograph has both practical and theoretical value: the author aims to create a holistic narrative of the Basque conflict, complementing the existing positions with the life stories of the activists themselves, debating with a number of well-established theses on the problem. The practical significance of the work lies in the possibility of integrating the results of the study into the mechanisms of transitional justice in order to overcome the legacy of the political conflict that resulted in human casualties and systematic violation of human rights. The book may be of interest not only for historians, political scientists and ethnologists who study the Basque Country, but also for researchers who use the oral history method, since the author of the monograph presents extensive material on the application of this method within a specific case.

Keywords: Basque country; oral history method; ETA; transitional justice; separatism.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e'tnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) 'Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights' [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва.: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G.

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

(2018) 'Higher Education in the Digital Age' [*Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu*] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [*Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike*], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.)*: дис. ... докт. ист. наук. Москва. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [*Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya*]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2023. Том 17. № 1

Bulletin of Perm University.
Political Science
2023. Vol. 17. № 1

Научное издание

Редактор *Л. Л. Савенкова*
Корректор *Л. Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать 20.03.2023.
Выход в свет 31.03.2023.
Формат 60x84/16. Усл. печ. 16,04.
Тираж 500 экз. Заказ 38.

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8(342)239-66-36
Полиграфический отдел. Тел. 8(342)239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650359/?sphrase_id=396134

Подписной индекс 41006